

РУССКИЕ
открытия
в
АНТАРКТИКЕ

РУССКИЕ
открытия
в
АНТАРКТИКЕ

ГЕОГРАФИЗ
1961

1951

91(99)04+91(с)(99)

РУССКИЕ открытия в АНТАРКТИКЕ

В
1819-1820-1821
ГОДАХ

464814

Р

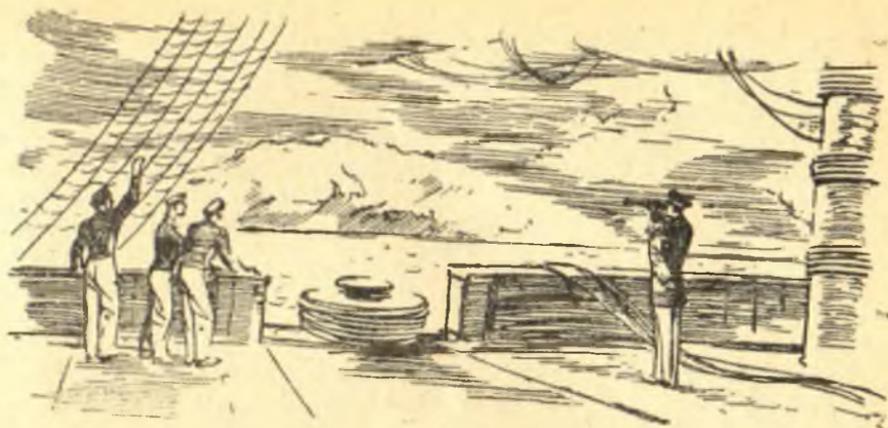
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА—1951

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ
ЭМБЛЕМА

Иван Михайлович Симонов.

ПЛАВАНИЕ В СЕВЕРНОМ АТЛАНТИЧЕСКОМ ОКЕАНЕ ³⁸

Уже мы рассекали воды пространного океана. Возмущенные волны тихо колебались около кораблей, которые прокладывали себе пути в отдаленных морях, покрываясь серебристою пеною. Попутный ветер наполнял паруса своим чистым и легким дуновением. Воздух был ясен, небо — безоблачно. Почти так воспевал Камоэнс в первой песне бессмертной *Люзиады* (*Лузиады*) путешествие Васко де Гамы близ африканских берегов, почти так же и мы начали плавание наше в Атлантическом океане, с тою только разницею, что во время их перехода в Восточную Индию языческие боги составили совет и долго рассуждали о судьбе Востока, куда направил путь свой Гама, так повествует Камоэнс. *La langue poétique est essentiellement païenne* — то есть, поэзия-язычница, говорит Карл Маньен ³⁹.

Капитан Беллинсгаузен при самом выходе в океан сделал полезные распоряжения для сохранения здоровья и сил служителей*. Он разделил их на три смены (вахты) и при том приказал, чтоб, в случае каких-нибудь трудных для одной вахты работ, выходила для пособия та вахта, которая сменялась. Таким образом, третья вахта, которой предстоит сменить действующую, будет иметь время для отдыха,

* Матросов. — *Ред.*

эта треть служителей вызывалась только для самых необходимых и случайных работ. Вахтенным начальникам, то есть офицерам, управляющим дневными и ночными караулами, поставлено в обязанность наблюдать, чтоб служители без нужды не были на дожде и в сырости, а если случится это, то чтоб они по смене тотчас переменяли платье. Вообще, капитан заботился, чтоб чистота везде наблюдалась строго. В месте курения в палубах он предпочитал чаще иметь огонь, который, приводя воздух в движение, переменяет и сушит его, не оставляя на себе копоти, что обыкновенно сырость * при курении, а копоть удерживает в себе сырость. Он имел также неослабное попечение о доставлении им здоровой пищи. Когда погода благоприятствовала, служители обедали на верхней палубе, чтоб в нижней не оставалось от кушанья нечистоты, а от паров — сырости.

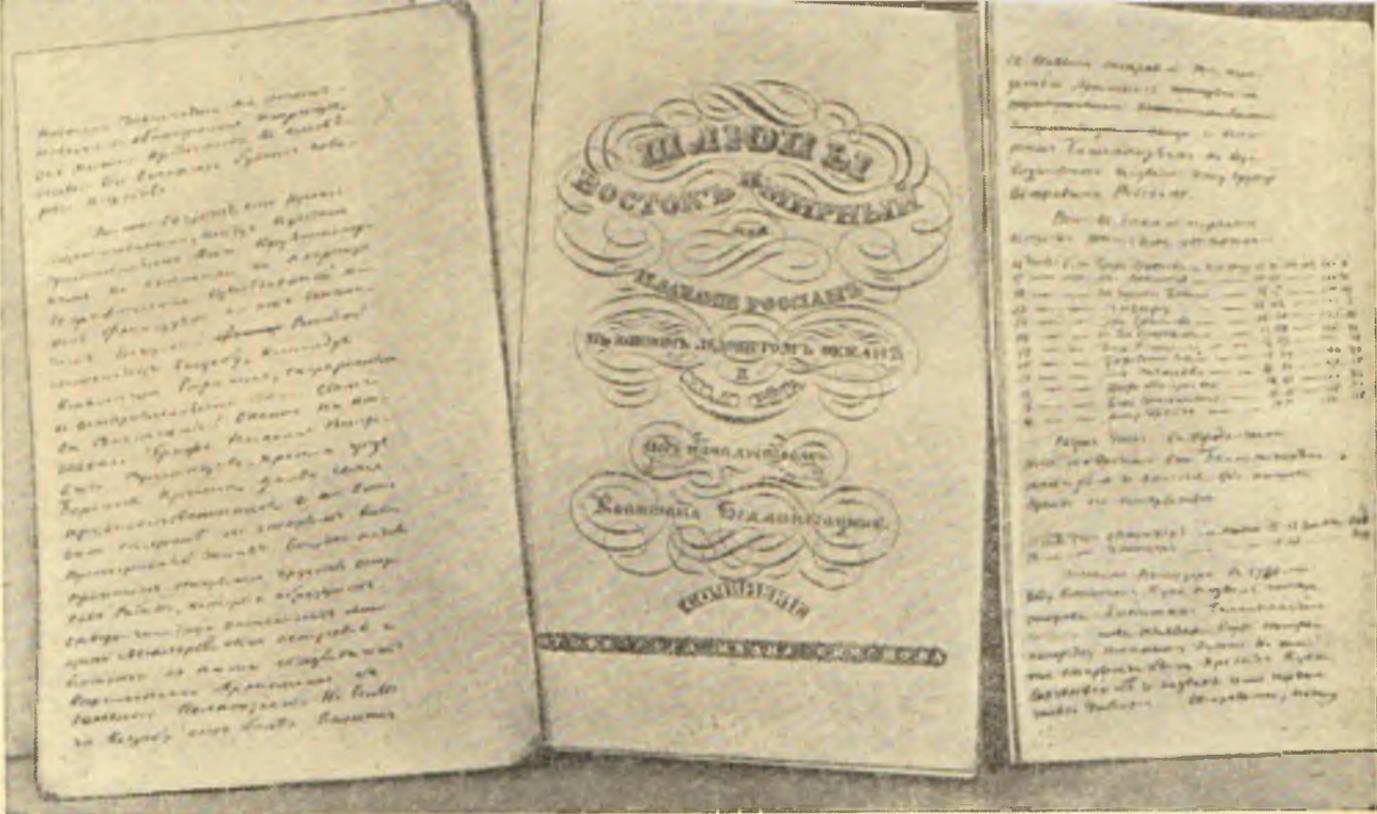
От шести до восьми часов вечера в хорошую погоду служителям не дозволялось оставаться внизу. В эти два часа они обыкновенно придумывали разные увеселения: пели песни, плясали, рассказывали сказки или заводили простонародные игры. В 8 часов вечера они шли спать, кроме вахты, и притом строго наблюдалось, чтоб каждый вешал свою койку (висячую постель) на свое место, и никому не дозволялось спать на палубе или в другом месте.

Мы прошли в 60 милях, или в $104\frac{1}{3}$ верстах, от Испанского мыса Финистерра (Finisterrae — конец земли), следовательно, мы вышли уже из всех концов земли.

В морских путешествиях расстояния обыкновенно считают географическими милями, которые называют также итальянскими, а иногда английскими. Эта мера для моряков удобна тем, что их считается ровно 60 в градусе, следовательно миля составляет минуту градуса экватора или меридиана. Географическая миля составляет немного менее $1\frac{3}{4}$ версты ⁴⁰. Ветр для нас по большей части был попутный: были и крепкие ветры, которые разводили сильно волнения и познакомили меня с головокружением от качки корабля, были и противные ветры, было и безветрие, но вообще мы шли к острову Тенерифу приятно и весело, хотя не видели ничего, кроме моря и неба, французского брига, голландского галеаса *, да рыб морских разного рода. Купеческие суда — бриг и галеас — лавировали нам навстречу, а рыбы в великом множестве нас преследовали всюду, обгоняли и окружали шлюп.

Мы любовались золотистыми доридами и с любопытством смотрели на жадность акул, с какою они хватили все, что бросалось в море. Не раз матросы толпами собирались на баке любоваться, как акулы заботились полакомиться их солинной, подвешенной на бушприте в веревочной сетке.

* У Симонова не разборчиво. — *Ред.*

Титульный лист и страницы 2 и 194 рукописи Симонова «Шлюпы «Восток» и «Мирный» или плавание россиян в Южном Ледовитом океане и около света».

Мы плыли от Портсмута до острова Тенерифа 19 дней. За два дня до прибытия нашего к этому острову, в 94-х милях от него (163 версты), увидели мы пик Тейдский.

И стал расти перед нами великан, расти не по годам, а по часам. К нему приличнее отнести стихи Вергилия, которыми он описывает Атлас, поддерживающий небо, потому что пик Тенерифский принадлежит к одной семье с горами Атласа, и, будучи выше всех отраслей этого многочисленного семейства великанов, он более имеет права на прекрасные стихи Энеиды, переведенные Делилем следующими стихами:

... Et déjà se decouvre à ses yeux*
L'atlas, l'énorme Atlas, antique appui des cieux,
Sans d'éternels frimas ses epauls blanchissent;
De bleuâtres glaçons, ses cheveux se hérissent;
Son front, couvert de pins, de nuages chargé,
Par l'orage et les vents-est sans Gesse assiégé;
Et cent torrens vomir de sa bouche profonde
Font retentir ses flanes du fracas de leur onde **.

В самом деле, главная цепь гор Атлас имеет направление в северной Африке к востоку через королевство Тунисское к мысу Бон. Далее в Сицилии соответствует этому направлению цепь Нептунианских гор, которые как будто продолжают в Италии Апеннинскими горами.

К западу цепь гор Атлас идет к мысу Нук [Нун], а перед ними в Атлантическом океане Канарские острова как будто продолжают направление этой цепи. Как самые горы идут через северную Африку параллельными грядами, так, кажется, и Канарские острова выдаются в Атлантический океан. Из всей гряды этого архипелага семь только островов обитаемы: Лансерота [Лансароте], Форта Вентура [Фуэртевентура], Пальма, Гомер [Гомера], Тенериф, Канариа [Гран Канария] и Ферро. Два первых из этих островов очень сходны с соседственным берегом Африки: там разрушительная сухость уничтожает растительность. Следующие четыре острова образуют цепь гор очень высоких.

Остров Ферро, самый меньший и самый западный из Канарских островов, имеет весьма крутые и утесистые берега, но внутренность острова ровна. На всех без исключения Канарских островах видно их вулканическое образование, а на

* Это относится к Меркурию, который по повелению Юпитера отправился в Карфаген для свидания с Энеем.

«...летя, уже зрит и бока крутые Атланта
Крепкого, кто подпирает вершиною неба, Атланта,
Чья кедроносная, вечно объята глава облаками
Черными, и принимает дождя и ветра удары.
Снег рамена покрывает ниспав; с подбородка у старца
Мчатся потоки; во льду борода ужасная стынет.

Энеида, книга IV, перевод В. Брюсова и С. Соловьева, «Academia» М.,—Л. 1933.—Ред.

двух ближайших к твердой земле в 30 милях обратившаяся лава много вредит произрастанию виноградных лоз.

Самый большой, самый многолюдный и самый значительный по плодородию, красоте, по промышленности из всех Канарских островов есть, без сомнения, Тенериф. Поэтому мы выбрали его третьим пристанищем экспедиции и бросили якорь близ берега, у которого, на скате горы, как в панораме, красуется главный город острова Санта-Крус (город св. Креста). Вскоре после нашего прибытия, 15 сентября, подъехал к нам на шлюпке под испанским флагом капитан порта королевского флота лейтенант дон Диего де-Меза [Де Меса] для обыкновенных справок о предмете нашего плавания и, в особенности, о больных на шлюпе.

Правительство острова боялось кораблей, идущих из Кадикса, где свирепствовала заразительная болезнь. Но как мы пришли прямо из Англии, то для нас не было никаких препятствий иметь сообщение с берегом, почему послан был мичман Демидов от командира экспедиции к губернатору острова, чтоб доложить ему о причине нашего прибытия и условиться о салюте.

Губернатор принял Демидова очень радушно, предложил через него свои услуги экспедиции и на салют «Востока», состоявший из 7 пушечных выстрелов, главная крепость отвечала тем же числом выстрелов. Почти вслед за Демидовым приехал к нам с берегу испанский офицер с поздравлением от имени губернатора по случаю благополучного прибытия шлюпов «Востока» и «Мирного» к управляемому им порту и острову. Вместе с этим офицером прибыл к нам дон Педро Родригуа, природный испанец, родившийся на острове Тенерифе и знающий французский и английский языки. Дон Педро, бывши комиссионером английского торгового дома Литле и компания, доставил нам много удовольствий и много оказал услуг во время пребывания нашего на острове.

На другой день поутру капитан Беллинсгаузен, командир шлюпа «Мирный» лейтенант Лазарев и я были с визитом у губернатора острова генерал-лейтенанта, кавалера де Лабури. Он принял нас с великим радушием, но нас приятным образом удивил орден св. Георгия 4 степени, который украшал грудь tenerифского губернатора.

Генерал Лабури, видя наше внимание и любопытство, взял в руку крест св. Георгия, замеченный им на М. П. Лазареве, сказав ему:

— Видите, капитан, и я ношу точно такой же крест, как и вы.

— Это для нас тем приятнее, — отвечал Лазарев, — что мы у берегов Африки пришли к такому месту, где начальствует отличивший себя на поле битвы и притом не чуждый России.

— И Россия мне не чужая, — сказал генерал, — она при- зрила меня в дни бедствия. Я был в ней эмигрантом, служил ей полковником вместе с графом Ланжуоном [Ланжерон]⁴¹, был в сражениях против шведов под начальством принца Нассау и участвовал в победах фельдмаршала Румянцева⁴². Этот крест в особенности тем для меня драгоценен, что я получил его из рук императрицы Екатерины II.

После того генерал Лабури рассказывал нам свои любопытные воспоминания.

А когда капитан Беллинсгаузен просил его содействия в наших нуждах и в наших занятиях на острове, генерал отвечал:

— Я имею на то повеление от своего правительства, но и без того я очень рад, что при старости лет моих еще имею случай быть полезным русским. Я испытал их неподражаемое гостеприимство.

Но я не имел случая пользоваться ни гостеприимством губернатора, ни его содействием, потому что на другой день после свидания с ним я отправился в порт Оротиву [Оротаву], лежащий на северном берегу острова.

Со мной ездили туда четыре офицера со шлюпов «Востока» и «Мирного»: Обернибесов, Лесков, Анненков и Демидов. Мы ехали туда и обратно верхом на ослах. Это был самый лучший способ путешествовать по гористым дорогам Тенерифа. Погонщики ослов наших бежали за нами. Одного дикого крику их было недостаточно, чтоб привести в повиновение неусердных четвероногих, которые служили нам вместо верховых лошадей, а потому погонщики кололи их иглами, приделанными на конце длинных прутьев, которыми каждый погонщик, как копьем, был вооружен.

Верстах в шестнадцать от порта св. Креста мы въехали в город Лагуну (Santo Christoval de la Laguna). Этот город был прежде резиденцией губернатора и центром канарской торговли, но с тех пор, как в 1705 году вулканическое извержение пика разрушило порт Гарашико [Гарачико], Лагуна потеряла свое значение и главное управление Канарскими островами переведено было в Санта-Крус, которого значение еще более возвысилось победой, одержанной испанцами в сражении с англичанами. В этой битве знаменитый Нельсон потерял руку, оторванную ядром во время его неудачной высадки⁴³.

Оротава отстоит от Лагуны верстах в двенадцати, и мы весь наш путь от порта св. Креста до Оротавы, составляющий около 36 верст, совершили в четыре часа времени. Когда «Восток» и «Мирный» подходили к острову Тенерифу, то глазам нашим представились морские скалы, а город св. Креста, с своими плоскими крышами домов, казалось, прилеплен был к черным громадам гор с остроконечными вершинами. Картина величественная, но мрачная и дикая. Но по мере, как мы

углублялись во внутренность острова по дороге к Оротаве, то другие виды и другая природа постепенно пред нами развивались.

Мы поднимались вверх: Лагуна возвышается над поверхностью моря на 58¹/₂ сажен и лежит в единственной на всем острове равнине, простирающейся на 8 верст в окружности и орошаемой множеством маленьких потоков воды. Город окружен многими садами, а соседний холм лаврами, миртами и земляничным деревом *Arba sier*⁴⁴.

Город Оротава, возвышающийся над поверхностью моря на 146 сажен и лежащий почти при подошве пика Тенерифского, представил нам более пленительную картину. Там цветущие долины покрыты садами, в которых произрастает все, что в прекрасном, почти тропическом, климате произрастать может. А в них виноградные лозы, банановые кусты, персиковые, лимонные, померанцевые и другие дивные для нас деревья гнутся под тяжестью плодов своих, а стройные пальмы, величественный кедр, гордый кипарис вместе со многими тропическому климату свойственными деревьями дают тень и прохладу в аллеях, ими украшенных. И эти долины и эти сады обставлены там то зелеными холмами, то дикими скалами с гротами и пещерами, то высокими утесистыми горами, и между ними, как исполин, красуется пирамидальный пик Тенерифский, с своею снежною вершиной. Он то откроет свою белую голову перед лучами солнца, то накроет ее чалмою из густого облака, то оденет вместе с плечами своими материей из молниеносной тучи.

Санта-Крусский знакомец наш дон Педро де-Родригуа снабдил нас письмом к Галозэ, управляющему в Оротаве коммерческими делами Литле и компании. Мы явились к нему перед вечером. Галозэ был уже предуведомлен об нашем пребывании и поджидал нас к обеду. Как англичане обедают очень поздно, то мы не задержали хозяина. За прекрасным столом его были поданы, между прочими английскими кушаньями, уральская икра и тропические бананы.

После обеда солнце клонилось уже к западу, а день к концу, тут нечего было предпринимать, но куда бы ни пошли, с кем бы ни увидались, для путешественников все любопытно, все поучительно. К счастью, хозяин наш был сам человек любознательный и просвещенный: он давно уже живет на Канарских островах, много видел путешественников и любил их видеть, и лучше их знал, что более для них замечательно на месте его жительства. Он расположился в этот вечер познакомить нас с людьми, занимающимися на острове специальными учеными наблюдениями, относящимися в особенности к естественной истории, и с этой целью приглашал заранее их к себе на дачу. И нас туда же с собой привез, где и познакомил нас как с своими гостями, так и с своим семейством.

Между первыми особенно расположился к нам с обязательною готовностью быть руководителем в осмотре всех примечательных предметов города Оротавы и его окрестностей французский натуралист доктор Пуденс. Лучшего себе путе­водителя мы встретить не могли, потому что ученый доктор много путешествовал во всех частях света и коротко уже по­знакомился с природой Канарских островов.

Этот вечер доставил нам много удовольствия и много пользы. Проведя его в приятной и просвещенной беседе, мы вместе с тем получили много любопытных сведений и составили из них план наших предприятий на весь следующий день. Согласно с этим планом, доктор Пуденс приехал к нам в 6 часов утра, а в 8 часов мы были уже в ботаническом саду, разведенном одним из бывших губернаторов Канарских островов на свой счет, но теперь он принадлежит королю. По словам нашего ученого путе­водителя, ботанический сад города Оротавы был некогда в блистательном положении, но трудные годы для Испании, защищавшей свою независимость против притязаний Франции, заставили правительство оста­вить этот сад без особенного внимания⁴⁵. Во время нашего пребывания на острове Тенерифе при этом саде был один только садовник, но без всяких ботанических сведений. Не­смотря на это забвение, в нем произрастают растения всех лучших климатов, потому что об нем заботятся плодонос­ная земля, африканский прибрежный воздух да пик Тене­рифский уделяет ему от себя часть дождевых облаков для поливки.

Из ботанического сада мы заехали в сад маркиза Франки взглянуть на то известное дерево, называемое драконова кровь или драцена (*dracaena draco*), которое после сенегаль­ского баобаба считается самым величайшим деревом в све­те⁴⁶. Оно имеет в высоту 56 футов, а на десяти футах от земли окружность его включает в себе 45 фут, это значит, что пень его имеет в объеме $6\frac{1}{2}$ сажен, а в диаметре более двух сажен. В июле месяце того года, как мы были в Тене­рифе, две ветви этого дерева засохли, их отпилили, тща­тельно закрыли и сделали надпись Julio 21, 1819. Думают, что баобаб живет несколько тысячелетий, не знаю, до какой сте­пени это справедливо, но, по крайней мере, то несомненно, что драцена, о которой я говорю, была в высоком почтении, по величине и древности своей, у гванхов [гуанчей] — природ­ных жителей Тенерифа — во время покорения сего острова, в 1492 году⁴⁷ *.

* Сенегальский баобаб имеет в окружности ствола до 75 футов, сле­довательно 25 футов или более $3\frac{1}{2}$ сажен в диаметре. Адансон, тща­тельно описавший это дерево, очень замысловатым вычислением определил, что есть баобабы, которые живут со времени потопа. Гумбольдт разделяет это мнение.

Потом мы посетили двух сестер генерала Бетанкура, бывшего в то время в России начальником корпуса путей сообщения, они ⁴⁸ приняли нас весьма благосклонно, а племянник генерала молодой Монтеверде подарил мне рисунок колоссальной драцены. От них направили мы путь свой к подошве пика. Я взглянул на гиганта и пожалел, что не мог побывать на его вершине: дурная погода и кратковременность данного нам срока не позволяли нам и думать о таком вхождении на гору. Для этого предприятия надобно бы было нам употребить три дня и притом дожидаться благоприятного времени, между тем как в течение всего дня 17 сентября, в бытность нашу в Оротаве, часто шел дождь, а 19 сентября поутру предложено было шлюпам «Востоку» с «Мирным» сняться с якоря и идти далее — в Бразилию. Мы прежде знали, что сентябрь месяц не очень удобен для восхождения на высокие горы, а потому не имели этого предприятия в предмете.

Таким образом, нам оставалось заключить наши наблюдения над природой Оротавы еще одним посещением любопытного сада, принадлежащего фамилии Бетанкур, который отличается своим очаровательным положением на самом берегу океана.

Здесь доктор Пуденс заметил, что он во всех своих путешествиях нигде не встречал столь живописных видов, как на острове Тенерифе, не исключая из этого сравнения и Швейцарию. Между тем день приближался к концу, и мы почувствовали утомление.

Пообедав довольно поздно на даче нашего хозяина в кругу его семейства, после же провели мы и вечер с некоторыми из приятных нам его приятелей, между которыми, без сомнения, самым полезным нам собеседником был доктор Пуденс.

В этой беседе узнал я, что если бы российская торговля простирала свою деятельность до островов Канарских, то русские купеческие суда с большою выгодною могли бы привозить к портам tenerифским железо, лес, веревки, пеньку, сало и, в особенности, шерсть: эти предметы в доброй цене на Канарских островах. Во время неурожая можно было бы привозить сюда хлеб из Польши с большою выгодною.

Взамен этих произведений, Канарские острова могли бы доставить вино и красильный мох (*orseilie*). Солонина и соленая рыба и икра также могли бы с выгодною доставляться на остров.

Между прочими предметами разговор наш коснулся до берегов Африки. Пуденс очень хвалил берега Сагары и частью Сенегамбии, в подробности описанные Живри и капитаном Руссеном от мыса Божидора [Боядора] до острова Лосс, или Идолес. Лучшими местами для колониальных заведений почитает Пуденс устье реки Ор [Рио де Оро], залив Леврие близ мыса Белого [Бланко] и Горею [Горе], утверждая, что

Эти три пункта очень удобны для якорного стояния судов, но поставляя в необходимость для плавания около соседственных с ними берегов брать лоцмана с Канарских островов. По мнению его, эти места очень удобны для военных укреплений, климат там здоровый, воды изобильно во многих реках или в цистернах.

Новые колонии, в них заведенные, могут войти в сношения со внутренними племенами Африки посредством караванов, которые проходят из Фецы в Томбукту [Тимбукту] в расстоянии от этого берега на двадцать дней пути. Жители этих мест могут способствовать колонии в рыбной ловле и доставлять в конторы ее кожи, шерсть, камель, страусовые перья и слоновую кость.

Провизию для пищи и материалы для одежды легко получить или прямо из Соединенных Штатов или посредством Канарских островов, можно также и из внутренних мест Африки доставить съестные припасы.

В заключение он сказал, что этот берег никому не принадлежит и занят только некоторыми племенами негров, которых весьма легко покорить, имея, кроме крепостных, несколько подвижных пушек⁴⁹.

На это можно отвечать только то, что на острове Горей [Горе] есть уже колония, принадлежащая Франции, которая с выгодой добывает из Сенегамбии золото и слоновую кость. Округ этой французской колонии простирается по ближайшему к ней берегу Африки от залива Иофа до устья реки Гамбии, где находится французская контора, под именем Албрета. В соседстве мыса Белого на острове Арген [Аргин] в заливе того же имени была колония, принадлежавшая сначала португальцам, потом Голландии и наконец французам, но по трудности доходить до нее и по сухости соседственных мест эта колония была совершенно оставлена. Вероятно, не лучше этого климат и почва при устье реки Оры [Рио де Ора].

Ночевали мы в городском доме г. Галюэ, где он для каждого из нас отвел особую комнату. Проснувшись на другой день, я увидел перед своими глазами в стакане с водой, поставленном на маленьком столике перед моей кроватью, роскошно распутившийся цветок кактуса (*Cactus grandiflora pulcherrima*). Вообще, я должен сказать, что предупредительная заботливость от Галюэ и день, проведенный нами в Оротаве, для нас незабвенны. К сожалению, это время составляло только один день 17 сентября, а на другое утро мы отправились в обратный путь; к вечеру возвратились на шлюпы и 19 сентября поутру снялись с якоря и направили путь свой за экватор к Новому свету.

Теперь обратим общий взгляд на Канарские острова и в особенности, на главный между ними остров—Тенериф. Впервые, повсюду приметно их вулканическое происхождение;

везде встречается присутствие лавы и признаки не очень давних извержений. Последнее извержение пика Тенерифского происходило в 1798 году. Природные жители Канарских островов были гванхи [гуанчи], которых происхождение неизвестно, да и память о них осталась только в преданиях и мумиях, сохранившихся в гротах, пещерах и катакомбах, которыми эти острова наполнены. Рассматриванием голов этих мумий полагают, что гванхи составляли две различные породы; одни имели правильные очертания древнего греческого племени, другие уподобляются во всех чертах монголам.

Во время пребывания нашего в Тенерифе нам сказывали, что последний из потомков гванхских королей был духовником испанского короля Фердинанда VII.

Несмотря на то, что финикийцы знали о существовании Канарских островов под именем Счастливых и что они известны были арабиянам, историческое значение этих островов началось с покорения их Иоанном [Жаном] Бетанкуром в первых годах XV столетия. Остров Тенериф был означен Плинием под именем Нивария по причине снега, покрывающего вершину пика в зимние месяцы⁵⁰.

Климат этого острова очень неровен и изменяется, смотря по возвышению мест над поверхностью моря. В Санта-Крус, где берег сходит до уровня моря, самая большая высота ртуты в столбическом термометре не превышает 26°66'; в Лагуне она понижается до 17°2', а на вершине пика, которого высота над поверхностью моря, по самым достоверным измерениям, простирается до 1 739 саж., самая большая теплота в тени не восходит выше 10°. Впрочем, климат tenerифский очень приятен, болезней там мало, и весьма много стариков, которые считают свои годы за сто лет. Зимы там теплые, а летние жары умеряются близостью моря. Число жителей считается приблизительно в городе св. Креста 8 500, в Лагуне 9 000, в Оротаве 6 000, на всем острове Тенерифе 73 000, а на всех семи Канарских островах около 200 тыс. человек.

Во все время пребывания шлюпов нашей экспедиции на Санта-Крусском рейде я был в разъездах по горам и долинам острова, и по этой причине я мало видел порт и город Креста. По наружному виду могу сказать, что это место заслуживает быть центром торговли и главного управления Канарских островов. Окрестности города печальны, но улицы широки и прямые; украшены многими прекрасными домами и покойными тротуарами.

Дома все построены из камня и содержатся в чистоте: крыши у них плоские и употребляются вместо балкона для вечерней беседы в хорошую погоду. В особенности город украшают церкви, фонтаны и прекрасная площадь, вымощенная плитами, а посреди этой площади воздвигнут памятник из белого каррарского мрамора в 30 фут. вышиной, посвященный

канделярской божией матери, с ее изображением на верху памятника с крестом в руке. Рейд порта может весьма удобно поместить от 10 до 12 военных кораблей, он защищается вооруженною крепостью.

Этот рейд есть лучший во всем острове, что и дает большое преимущество городу св. Креста перед другими городами острова. Отсюда отправляется в Испанию, в Англию и в Америку более 800 тысяч ведер tenerифского вина, ежегодно добываемого в Канарских островах в таком количестве. Взамен того, получают из Англии мануфактурные произведения, а из Соединенных Штатов — хлеб, лес, табак и лошади.

* * *

Простившись с Tenerифом, а потом и с его величественным пиком, через три дня после поднятия якоря, прошли мы через тропик Рака в западной долготе $3^{\circ}20'$, и тотчас экзоцеты⁵¹ приветствовали наше вступление в жаркий пояс. Действительно, все путешествующие в Атлантическом море свидетельствуют, что появление экзоцетов, то-есть летающих рыб, есть верный признак вступления корабля в тропический пояс. Тут в особенности и обитает эта рыба, а если она и выходит иногда из пределов тропиков далее к северу, то в этом случае, говорит А. Гумбольдт, она следует по постоянному течению океана (golfstream), идущему от берегов Испании мимо Канарских островов к восточным берегам Америки и мимо берегов Каракаса в Мексиканский залив.

Летающая рыба, выходя из тропиков, избирает этот поток потому, что в нем льется еще тропическая вода, и, следовательно, она теплее других соседственных вод океана*.

А еще вероятнее потому, что течение увлекает своим чрезмерно быстрым течением столь легкую рыбу, каковы тропические экзоцеты. А. Гумбольдт говорит, что в этих летающих рыбах находящийся внутри их пузырь, наполненный воздухом, занимает пространство более, нежели половины величины целой рыбы, и можно сказать, что этот резервуар воздуха служит ей более для летания, нежели для плавания. К этому еще более помогают им грудные перья, которые они развертывают, как крылья, и махают ими, ударяя воздух, как птицы, вот почему они переносятся в одном полете иногда на три сажени горизонтально и почти на столько же вверх, залетая часто на палубу корабля, чему мы были нередко сами свидетелями. Некоторые мореплаватели и естествоиспытатели думают, что они прыгают из стихии, в которой им определено жить, в стихию птиц для того, чтобы избегнуть от преследо-

* В северной широте 40° и 41° температура потока golfstream [Гольфстрима] простирается еще до 18° , тогда как температура поверхности моря вне течения не превышает 14° .

вания хищных рыб, которые их глотают, но А. Гумбольдт не соглашается с этим мнением, они, как ласточки, перелетают тысячами по прямым линиям обыкновенно в ту сторону, откуда идут волны. И в наших климатах редкий не видел, как играет рыба, прыгая из воды на воздух, почему же экзоцеты, легкие по своей удельной тяжести и одаренные перьями, подобными крыльям, не могут иметь безотчетного желания подышать чистым воздухом вне своей морской стихии. Такие воздушные прогулки могут доставить им не только удовольствие, но и удовлетворить потребность вдыхать кислород не из воды, но прямо из атмосферного воздуха. Они, как и все животные, имеющие жабры, наделены одинаковою способностью дышать в воде и в воздухе. Гумбольдт думает, что летающие рыбы большую часть своей жизни проводят на воздухе, но и эта жизнь, говорит знаменитый путешественник, не избавляет их от несчастья: ежели они оставляют море, чтоб избегнуть от алчности дорад и бонитов, то встречаются в воздухе фрегатов и альбатросов⁵², которые ловят их на лету.

Атлантическое море имеет еще другую особенность. На 12° к западу от Канарских островов, между 10 и 30° северной широты, поверхность океана покрыта множеством плавающей пучками морской травы, известной в естественной истории под названием плавающий водоросль (*fucus natans*). Первые португальские и испанские мореплаватели называли эту часть океана Сарагассово море (*mer de Sargasso*). Испанское название этой травы — саргассо — перешло ныне и во все другие европейские языки. Французы называют ее также тропическим виноградником. Он растет обыкновенно на подводных скалах, почему и думают некоторые мореплаватели, что пучки его, встречаемые в великом количестве к западу от островов Зеленого мыса и Канарских, заносятся туда морским течением от скал Мексиканского залива.

Многие натуралисты не соглашаются с этим мнением, полагая, что это растение не могло бы переплыть пространство в 6 тысяч верст без всякого повреждения и совершенно свежим, как его находят в Атлантическом океане.

Гумбольдт и Араго думают, что такая растительность не может продолжаться далее, как в ветви, оторванной от дерева. Они почитают более вероятным, что саргассо растет на подводных скалах в глубине 40 или 60 сажен; пучки их, отрываясь от этих скал, всплывают на том же месте на поверхность моря и заменяют те, которые уносятся течением. К этому Гумбольдт прибавляет, что причина, отчего может отрываться от корня эта водоросль, растущая на глубине, где море не имеет никакого движения, недостаточно нам известна: мы знаем только из любопытных ответов Ламуру, что все водоросли с большою силою держатся на скалах до оплодотворения, а после этого периода и в то время года, когда при-

останавливается их растительность, подобно как в земных растениях, они легко отрываются от корня.

Я знал, однако же, очень ученых ботаников, которые думают, что плавающая водоросль может очень долго жить в океане без корня, и подозревают, что Сарагассово море наполняется травой, приносимую течением от испанского берега, которая удерживается в этом травяном море другою ветвью течения *golstream*, идущую из Мексиканского залива около берегов Флориды к Терневской [Ньюфаундлендской] мели, а оттуда близь Азорских островов к Гибралтарскому проливу⁵³.

Я не упоминаю о другой ветви Атлантического потока, которая от Тер-Неф [Ньюфаундленда] идет к берегам ирландским, гебридским и норвежским. Но то течение, которого путь я описал прежде, согласно с предложением мореходцев, едва ли не кружится между островами Азорскими, Канарскими, Зеленого мыса, берегом Каракаси по Антильскому морю, Мексиканскому заливу, Багамскому проливу и, наконец, мимо Большой Терневской (Большой Ньюфаундлендской) мели опять к Азорским островам в том направлении, как упомянутые места одно за другим следуют. В таком случае Сарагасское море будет в середине этого кругового потока или обширного водоворота.

26 и 27 сентября мы проходили в середине пространства, заключающегося между Сарагасским морем и островами Зеленого мыса, по западную сторону от этих островов. Здесь бsnиты в великом множестве окружали шлюп наш и в виду нашем гонялись за летучею рыбою и притом так усердно, что выпрыгивали из моря вон вслед за полетом экзоцетов.

Вместе с ними окружили и сопровождали нас дельфины, дорады, акулы, а иногда вдаль мы видели восходящие из моря фонтаны, пускаемые, вероятно, кашелотами, принадлежащими к роду китов меньшего размера, из которых добывают спермацет⁵⁴. Этот род преимущественно любит тропические моря.

Дельфины разных родов окружили нас стаями, и мы очень много ловили их, что доставляло служителям свежую пищу, которая была довольно вкусна.

Ловили мы также и акул, из которых одна была величиною до 9 фут. Внутри одной акулы мы нашли довольно большую тонкую, чистую и прекрасную раковину, принадлежащую к роду тех, которые называют по тонкости бумажными раковинами (*Papier muschel*). Другая акула была беременна, во внутренности ее нашли нерожденных еще детей ее, но совершенно уже образовавшихся. Третью мы вынули из моря вместе с пексорой, которая к ней присосалась: известно, что эта маленькая рыбка живет на счет акулы и впивается в нее, как клещи в собак⁵⁵. Акула также называется морскою собакою.

Их очень легко ловить. Акула обыкновенно следует за кормою и хватает все, что к ней бросают с корабля. Чтоб поймать акулу, мы обыкновенно спускали с юта большую крепкую удочку, повешенную на довольно толстой цепи, а другой конец цепи привязан к крепкой веревке, продетой через блок. Для приманки можно надеть на удочку что угодно: кусок солонины или рыбы и даже красный лоскуток шерстяной материи. Лишь только опускают эту приманку в море, акула мгновенно ее хватает, а несколько человек матросов поднимают ее посредством блока сперва на ют, а потом на шкафут, где и разрезают ее в пищу. Но акула жестче дельфина, менее его вкусна и требует приправы, как треска.

Обошед острова Зеленого мыса и имея направление к югу, мы отходили в то же время несколько к востоку, так что путь наш лежал почти параллельно с берегом Африки, но приблизившись к первому меридиану и к экватору почти на 2° западной долготы и в 3° северной широты.

Капитан приказал направить путь прямо к мысу Фриу. До сих пор в продолжение двенадцати дней мы были в штилевой полосе и шли очень медленно.

Скучно положение моряков, когда настанет совершенно спокойствие моря. В такое время паруса опустятся и висят, как полотна, вывешенные на солнце для просушки; корабль поворачивается безотчетно то в ту, то в другую сторону и оказывается совершенно рулю непослушным.

Когда уже слишком долго продолжается такое неподвижное положение корабля, то и экипаж его приходит в уныние. Это значит, что душа наша не терпит бездействия и остановок как в наших действиях, так и в жизни.

Но, к счастью, безветрие хотя часто повторялось, но продолжалось недолго, так что мы, имея особые определенные нам занятия, не успевали соскучиваться, и притом мы изобрели особого рода удовольствия: в часы отдохновения от обыкновенных наших занятий мы спускали на море шлюпки, отдалались от борта корабля и ловили дивные существа природы, плавающие по зеркальной поверхности спокойного незыбленого моря.

Удить рыбу, ловить раков, собирать улитки и раковины можно и в реках, хотя не в таких размерах и не в таких красивых видах, как в море, но те существа природы, о которых я хочу сказать, в полном развитии их жизни, во цвете дивных красок или в блеске сияния, которыми природа их наградила, можно видеть только в больших морях, и в особенности в тропических пределах Атлантического океана. Этот обширный клан морских животных низшей организации называется натуралистами животными-растениями, зоофитами и акалирами.

Взгляните на море во время ночи: все море, как в огнях; как будто плоск свет блестит из-под воды сквозь верхний

слой ее, а там из-под руля рекою протекает фосфорносветлая и длинная струя.

Посмотрите на шлюпку, едущую на веслах во время ночной тишины моря, и вы увидите, что всякое весло высекает в тех местах бесчисленные искры света, погружаясь в верхние слои океана. Это они или, по крайней мере, некоторые роды ахимфов-мимарии вместе с другими породами морских животных производят фосфорический свет моря и преобразуют, как говорит Гумбольдт, каждую волну в светящую пену. Этих светящихся морских животных ловить было нетрудно: почерпните ведром воды из океана и вместе с водой вынете множество их разной величины и формы, без всякого, по наружности, животного образования. Маленькие из них были в виде склизких шариков: может быть, это были молодые акселиры, которые со временем примут другую форму. По виду своему и по силе фосфорного блеска их более всего обратило наше внимание пирозома (*Pyrosoma tentaculata*).

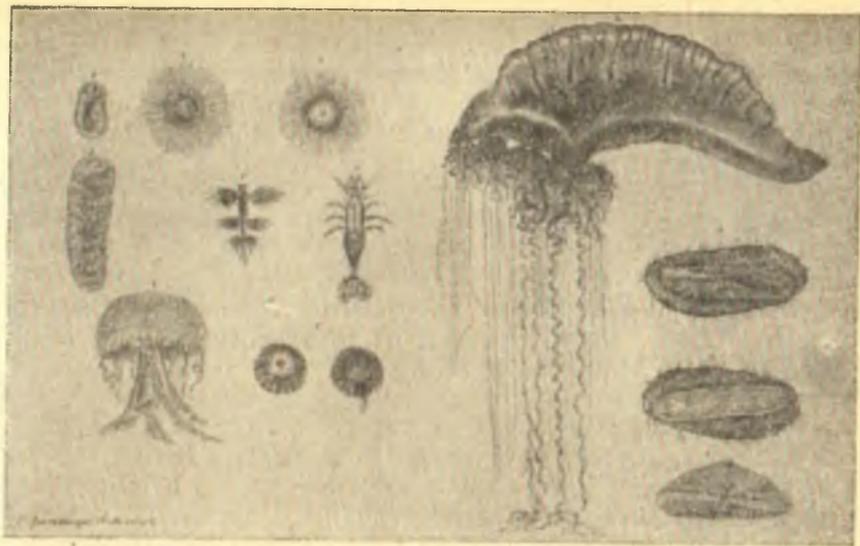
Этот род светоносных морских полуживотных имеет вид трубочки длиною не более четырех вершков, а в диаметре около $\frac{3}{4}$ вершка. Один конец этой живой трубки закруглен таким же телом, как и другие его части, с узким отверстием, а другой широкий конец полузакрит тоненькой перепонкой, внутри пустота наполнена морской водой, которая с помощью двух отверстий может переменяться. Наружная поверхность пирозома покрыта возвышениями с тонкими волосками. В воде пирозома имеет цвет белый с желтоватым отливом, сухая принимает цвет сахара-леденца. Фосфорический свет их выходит из возвышений, покрывающих тело пирозома, и переливается в голубой, синий, оранжевый, а иногда во все радужные цвета.

Все фосфорические морские существа ловятся более вечером, а светят ночью, днем же солнце затмевает свет их, а они, кажется, скрываются в глубине моря и являются в великом множестве на поверхность его только при известных метеорологических условиях к ночи.

В тихой воде они по большей части прерывают свои освещения и тем ярче горят, чем более вода приводится в движение, в чем мы удостоверились многими опытами над пойманными пирозомами и другими фосфорическими акимфами, пойманными в океане и посаженными в большой чан с морской водой на палубе шлюпа «Востока». Смерть этих животных уничтожает действие их света:

Другие роды акимфов имеют другой вид и другие нравы. Они не светят по ночам яркими искрами света, но зато днем щеголяют своими живыми красками радужных цветов, изящно подобранными в тень.

Однажды я разъезжал в шестивесельной шлюпке с спутником моим Аркадием Сергеевичем Лесковым по покоющему-

Морская фауна
Из альбома рисунков художника П. Михайлова.

ся океану. Ни одна струя не рябилась под нами. Мы собрали на поверхности моря все, что было для нас редко и любопытно, и гонялись за летучей рыбкой. Вдруг я увидел неподалеку от нас чудной красоты физалию (*Physalia atlantica*). Эта морская красавица причислена натуралистами к классу акимфов. Она похожа на надутый рыбий пузырь в четверть аршина длиною и в два вершка шириною, по ней прекрасно отливаются яркие тени дивных красок голубого и фиолетового цвета; эти тени идут чем выше, тем светлее. Сверху украшает ее белый гребень с голубыми полосками, идущими вверх, и с фиолетовой полоской по всему верхнему краю гребня; а внизу спускаются от нее на половину аршина в море голубые спиральные пряди, составляющие кисть довольно густую в верхней и редкую в нижней половине. Это была для нас находка. Подъехав к физалии, я почерпнул ее большим ковшом и стал укладывать в ведро с морской водой, но, оправляя правую рукою веревку ведра, я почувствовал, что пряди ее обвилились около моей руки и произвели в ней такую боль, какую можнс чувствовать от повторных сильных ударов крапивы. Мне нетрудно было освободить мою руку из язвительных локонов вероломной красавицы, но боль от их прикосновения я чувствовал во все продолжение этого дня, и по красному воспалению на руке показались белые пятна⁵⁶.

Некоторые натуралисты подозревают, что в этих прядях физалии заключаются и оборонительные средства и все пять чувств животного, не исключая и зрения. Что ж удивительного?

Находит же Еренберг [Эренберг]⁵⁷ у некоторых маленьких кольцеобразных червей (annelides) глаза на конце хвоста. А известный зоолог Катрфиж [Катрфаж]⁵⁸ решительно утверждает, что нижние роды животных не только не лишены чувствительных органов, но даже наделены ими несравненно в большем количестве, нежели высшие животные, хотя некоторые другие натуралисты сомневаются, чтоб нижние животные имели особые органы для сообщения их с окружающим миром, соглашаясь, впрочем, оставить в их удел общую чувствительность вроде осязания*.

Не стану более распространяться об этом обширном мире существ, столь многочисленных и различных между собою по виду, цвету и величине, но в заключение скажу только, что в раковинах и вообще в моллюсках, наполняющих море, есть что-то и земное, а эти животное-растения, кажется, из одной воды только и составлены природой, с примесью тех частей океана, которые дают ему отличительное свойство от речной воды. Физалии и сродные с ними дианеи, порниты, велемии, актинии, цианеи с прекрасными волосами, венерины кошельки и пр., когда они, полные жизни, плавают в своей стихии, в особенности пленительны для глаз яркими красками и приятным сочетанием различных цветов и теней, а по смерти своей они, вероятно, опять превращаются в воду и разливаются по океану, если не сделаются пищею рыб и других морских животных.

* * *

Однакож не часто стихал ветер до таких штилей, чтоб можно было разъезжать по морю в шлюпке, не отставая от корабля: в таком случае и на шлюпе мы не оставались без дела.

По прямой обязанности моей во всякий ясный день я наблюдал высоты солнца поутру от 8 до 10 часов или по полудни от 3 до 4-х для определения географической долготы, а в полдень для узнания географической широты места корабля.

В этих наблюдениях очень часто участвовал капитан и Иван Иванович Завадовский, а в полдень иногда и все офицеры с собственными своими инструментами наблюдали самую большую высоту солнца для определения широты места. Приятно было видеть, как 7, а иногда и 8 секстантов в одно время наводятся наблюдателями на солнце и на морской горизонт. Для определения долготы независимо астрономических морских часов, хронометрами называемых, мы наблюдали многими сотнями расстояния луны от солнца.

Эти занятия были для капитана, для меня и для главного штурмана во все продолжение нашего плавания делом постоянным, заботой ежедневной: только было б видно солнце. Та-

* Annales des Sciences Naturelles, 1845, t. III, p. 114.

кие неминуемые занятия влекли за собою еще другие — астрономические вычисления сделанных наблюдений.

О таких трудах я более уже говорить не буду как о делах текущих, непременных. При тихом ветре мы спускали в море лот с привязанным к нему термометром для узнания разности температуры на различных глубинах океана. Такие наблюдения подтвердили известное мнение, что температура океана и атмосферы понижается по мере удаления от общей их границы.

Но, к сожалению, известные до сих пор способы наблюдения не могут дать верных показаний для определения законов уменьшения температуры ни в глубину, ни в высоту атмосферического воздуха.

Главными препятствиями к тому надобно считать в море течения и мели, а в воздухе облака и ветры, которые производят местные и случайные изменения температуры. Сверх того, во время нашего путешествия термометры не были еще усовершенствованы, как ныне, до того, чтоб они сохранили показания наименьшей теплоты, хотя бы после ртуть в термометре и переменяла высоту свою, проходя через слой воды другой температуры, в то время, когда термометр поднимают из глубины океана на его поверхность.

Наблюдения температуры моря принесли до сих пор ту только пользу, что термометр ныне может предсказать мореплавателю близость мели или песчаной насыпи, находящихся вне течения, необыкновенным понижением температуры воды, их покрывающей.

Благодаря этому открытию почтенного Франклина термометр сделался ныне настоящим лотом, говорит А. Гумбольдт в своем космосе, и там же объясняет причину этому явлению тем, что глубокие воды, по его мнению, увлекаемые общим движением морей, восходят по покатостям мелей и смешиваются с верхними слоями воды. Вслед за этим несравненный и беспристрастный путешественник прибавляет в мнение своего бессмертного друга Сира Гонфри (Гемфри) Деви, по мнению которого, частицы воды, охлажденной во время ночи путем лучистого истечения, сходят ко дну моря; но над мелями эти частицы остаются ближе к поверхности и удерживают, таким образом, температуру градусника ниже, нежели в другом месте.

Далее он говорит: «Туманы очень часто образуются над мелями, потому что холодная вода, их покрывающая, производит местное стремление паров, заключающихся в воздухе. Я часто видел эти туманы к югу от Ямайки и в Южном море: очертания их были ясны и издали они, вероятно, изображали вид мелей; это были настоящие воздушные образы, в которых отражались случаи подводной почвы. Холодная вода, которая обыкновенно покрывает мели, производит еще более

странное явление в высоких пределах атмосферы; она действует почти так же, как низменные коралловые или песчаные острова: часто видят в открытом море, далеко от берегов и при ясном небе, что над пунктами, где находятся мели, останавливаются облака, и тогда можно, с помощью компаса, положить на карту направление этих пунктов, подобно как цепи гор или уединенного пика».

Не очень давно Эрстед [Эрстед]⁵⁹ первый доказал, что давление, равное одной атмосфере*, сжимая воду, уменьшает объем ее на 45 миллионных частей занимаемого ею пространства, а до него многие думали, что вода есть жидкость, несжимаемая, неупругая. В XVII столетии этот предмет был очень важным вопросом: знаменитые физики тогдашнего времени Бойль⁶⁰, Фабри⁶¹, Монжей [Монж]⁶² утверждали возможность сжатия воды; Мушенброк [Мушенбрук]⁶³, Бакон [Бэкон]⁶⁴ и другие отрицали. Наконец этот вопрос поступил на решение во флорентийскую академию. Она сделала опыт: наполнила золотой шар водою, крепко закупорила его наглухо, подвергла сильному давлению и объявила, что вода не сжимается, потому что они видели, как просачивались капли воды через поры металла. Между тем гораздо простейший способ решить этот вопрос был недалеко от них: им надобно было искать его в глубине моря. В самом деле, если вода сжимаема, то нижние слои моря должны быть сжаты всей огромной тяжестью верхних слоев и морская вода в больших глубинах должна быть по этой причине гораздо плотнее, нежели на поверхности моря. Вот какой простой опыт подтверждал нам эту истину: мы брали пустую бутылку с длинным и узким горлышком, закупоривали ее крепко пробкой, которую обливали серой; привязывали эту бутылку к лоту** и спускали ее в море на очень большую глубину. Когда же мы опять поднимали бутылку наверх, то находили, что она была полна воды и закупорена попрежнему очень крепко, с тою только разницею, что верхний конец пробки был внизу, а сера была разломана. Причина очевидна: это значит, что вода в слоях большой глубины моря так сжата верхними слоями, что силою своего давления побеждает упругость воздуха, заключающегося в бутылке, и крепость пробки; следовательно, воздух в бутылке сжимается, пробка вталкивается в бутылку, падает на дно; потом бутылка наполняется водою, которая поднимает

* Здесь под словом атмосфера разумеется сила давления: одна атмосфера на квадратный сантиметр оказывает давление, равное $10\frac{1}{3}$ гектограммов. В российских мерах одна атмосфера равняется давлению 50 фунтов, распространяется на поверхность, равную квадратному вершку.

** Лот есть морской снаряд, служащий для узнания глубины моря и качества его грунта. Это свинцовый конус, вершиной своею привязанный к крепкой веревке, а основание конуса намазывается салом. Когда лот погружают в море, то длина веревки измеряет глубину, а приставшая к салу земля показывает, из чего состоит дно моря.

пробку и заставляет ее опять войти в горлышко, куда она проходит по большей части нижним концом, потому что он тоньше и легче верхнего конца, облитого серой. Пока бутылка находилась на той глубине, до которой лот был спущен, тогда пробка затыкала бутылку с нижнего конца горлышка, но когда лот поднимался обратно вверх, и бутылка проходила через слой меньшей плотности, нежели находящаяся в ней вода, то эта теснейшая вода постепенно расширялась и, занимая в бутылке большее пространство, вытесняла пробку вверх по горлышку до тех пор, пока пришла в равновесие с плотностью воды на поверхности моря.

Такие опыты мы повторяли очень часто во время нашего путешествия во многих морях, и они всегда удавались, когда бутылка опускалась в глубину более 40 сажен, а в глубине менее 30 сажен бутылка оставалась пустой и пробка невредимой. Это доказывает, что на малой глубине плотность воды и ее давление не так еще велики, чтоб победить упругость воздуха в бутылке и крепость пробки.

Мне кажется, если бы бутылка имела фигуру правильного усеченного конуса, с длинным, совершенно цилиндрическим горлышком на узкой усеченной вершине конуса, то с помощью такого снаряда можно бы было определить разность плотности и давления вод на поверхности океана и на той глубине, до которой снаряд этот спущен будет. Для этого определения нужно только вымерить с точностью высоту пробки в цилиндре, на которую вода, налившаяся в снаряд на большой глубине, вытеснит ее, когда плотность этой воды сравняется с плотностью верхнего слоя океана⁶⁵.

Между тем как одни занимались наблюдениями и опытами, другие из наших спутников, за неимением натуралистов, с усердием старались пополнить наши коллекции не одними морскими животными.

Офицеры обоих шлюпов нашей Южной экспедиции, бывшие в Лондоне, запаслись хорошими ружьями, и переход наш через равноденственной пояс Атлантического океана доставил им первый случай употребить их с большой пользой. Таким образом, наша орнитологическая коллекция положила там основание собранию атлантических птиц.

На «Востоке» штаб-лекарь Берг, а на «Мирном» медико-хирург Галкин с удовольствием приняли на себя обязанность быть хранителями собираемых нами предметов естественной истории до возвращения в Россию.

В таких непрерывных занятиях мы приближались к экватору медленно, но приятно. Не надобно представлять себе, что тропический жар в этих местах нестерпим: напротив, тем-

пература тропических мест океана очень умеренна. Из многих наблюдений, сделанных между тропиками на обеих сторонах экватора, температура воздуха в тени не выходила из пределов 21 и 23° Реомюра [26—29° Цельсия]*. Одно то казалось нам утомительно, что эта температура была постоянна как днем, так и ночью, и во время перехода нашего от одного тропика до другого у нас не было прохлады ни вечерней, ни утренней. Средняя теплота, взятая из многих наблюдений по Реомюрову термометру, в полдень была 22°27', а в полночь 21°55' [27°84' и 27°31' Цельсия], следовательно, разница в теплоте днем и ночью была менее полградуса. Но иногда прохлада приходила к нам извне от соседственного умеренного пояса земли вместе с облаками, которые разрешались над нами или проливным дождем, или шквалом.

Дождям мы очень были рады: в этом случае капитан приказывал иногда запереть все отверстия, сделанные для стока воды в море с верхней палубы, и все люки, то есть отверстия, сделанные для схода людей с верхней палубы во внутренние отделения корабля, и тогда шкафут и бак очень глубоко покрывался дождевой водой, в которой матросы иногда мыли свое белье, а иногда и сами мылись. Дождевая вода собиралась также в порожние бочонки для скота и птиц, взятых для нашего стола и продовольствия людей свежей пищей в необходимых случаях.

Эти экваторные проливные дожди продолжались недолго и всегда доставляли нам прохладу и удовольствие, а шквалы** мы не очень любили.

Однажды после ужина я сидел в кают-компании и писал за большим столом, который, на случай сильной качки, был крепко приделан к полу.

Офицеры в кружке сидели около меня и разговаривали о предметах, относящихся к воспоминаниям кронштадтской жизни. Разговор был живой и веселый, так что перо мое невольно останавливалось, и я то вслушивался в их остроумные и приятные шутки, то сам принимал участие в их разговоре. Впрочем, около нас все было тихо, все спокойно, как в прекрасный летний день на даче.

Вдруг я вижу, что чернильница моя летит по столу, как из лука стрела, и ударилась в стену; маленький столик, стоявший в углу, перевернулся вверх ногами; один из собеседников упал вместе со стулом, а другие схватились кто за стол, кто за пиллерс***, но привычные моряки мгновенно поправились и вспорхнули наверх, как ласточки.

* Чтобы получить температуру по принятому у нас термометру Цельсия, надо увеличить показания термометра Реомюра на 25%. — *Ред.*

** Шквал, на языке моряков, значит сильный нечаянный ветер.

*** Пиллерс — столб, поддерживающий верхнюю палубу в кают-компании.

Это была шутка одного из тех шквалов, которые в тропических пределах Атлантического океана предвещают конец северо-восточного пассатного ветра. Он мгновенно ударил в паруса и сильно покачал шлюп «Восток»; но опытностью и деятельностью капитана и офицеров приняты были надлежащие меры.

Шквал как приходит, так и проходит мгновенно, и на «Востоке» скоро водворилось прежнее спокойствие. Такие шквалы нередко нам грозили, но чаще были предусмотрены, а в штилевой полосе мы почти ежедневно видели молнию с громом или зарницу.

Приближаясь от северо-восточного пассатного ветра в юго-восточный, ветер начал часто переменяться, и большая зыбь шла от юга. В этих местах следовали за нами береговые ласточки, хотя ближайший к ним африканский берег был в расстоянии около тысячи верст. Они ночью садились на снасти шлюпа и влетали в каюты.

Говоря о воздушных явлениях, нельзя не упомянуть о гиганте, которого мы видели в северной широте $4\frac{1}{2}$ градуса, в $3\frac{1}{2}$ верстах от нас на подветренной стороне. Он опирался основанием своим на море, а главой поддерживал густое облако: это было тромб, или смерч. Явлению его предшествовали дождь, гром и молния; а когда он исчез, мы видели на том месте одни облака и густой туман, да фонтаны, поднимающиеся из глубины моря. Может быть, это были киты или новая попытка океана подняться до облаков.

Такие электрические поднятия большой массы воды бывают очень опасны для кораблей. В этом случае мореходцы, видя быстрое приближение тромба к кораблю, стреляют обыкновенно из пушек, полагая что достаточно произведенного пушечными выстрелами потрясения воздуха, чтоб разрушить это опасное явление⁶⁶. Нам эта предосторожность была не нужна, потому что тромб от нас удалился в виде обширного, ровного круглого столба и только при основании, а при вершине более распространенного в ширину.

Вообще, тромбы состоят из густой массы паров; они начинаются тем, что с поверхности моря и от висящего над нею облака являются два конуса, мгновенно растут, соединяются вершинами и составляют огромную колонну с различными видоизменениями. Такие столбы бывают иногда неподвижны, то быстро несутся по поверхности моря, часто с разрушительным вихрем. Наконец, конусы опять разделяются и так же мгновенно, как составились, уходят к месту своего рождения — один в море, а другой — к облакам. Очень часто, хотя и не всегда, рождение и исчезание тромбов сопровождается громом, молнией, сильным дождем, градом и серным запахом. Такие колонны, встретив на пути своем корабль, конечно, могут потопить его или произвести на нем сильное повреждение,

но это редко случается, потому что корабль, владея рулем и парусами, может уклониться от его направления. Были случаи, что тромбины проливались на суда водою и притом всегда пресной водою, не причинив никакого существенного вреда.

Но на земле такие вихри разрушают все, что им встречается: вырывают деревья; ниспровергают здания; роют в земле глубокие ямы; поглощают воду из рек и прудов, разливают ее по земле и разбрасывают на большом пространстве обломки разрушенных предметов. Физики не совсем удовлетворительно объясняют причину этого явления, но то, по крайней мере, несомненно, что оно есть следствие сил статического или динамического электричества.

В северной половине тропического пояса до широты $7^{\circ}14'$ мы шли при тихом северо-восточном пассатном ветре, в широте $3^{\circ}10'$ встретили юго-восточный пассатный ветер, а между этими двумя параллельными кругами была полоса переходная, в которой плавание наше сопровождалось беспрестанными изменениями погоды и ветра*.

В этой полосе почти ежедневно шел дождь, начиная с 8 часов утра до 5 часов пополудни. К ночи прояснилось, и почти обыкновенно были ясные, очаровательные; они имели то примечательное отличие от наших северных ночей, что начинались почти мгновенно. Там нет ни зари, нет ни сумерек; солнце при своем закате почти отвесно падает к горизонту и едва скроется от глаз за окружность моря, то, вслед за его заходом, все окрестности покрываются темным мраком ночи: море принимает черный, а небо голубой цвет; море покрывается фосфорическим блеском морских существ, а небо — магическим сиянием небесных тел. Как часто, уединяясь зрителем этих двух волшебных картин, долго просиживал я на шканцах или на юте и предавался обаятельному влиянию тропической ночи. То я вслушивался в лепет волн, рассекаемых орлиною грудью корабля, то всматривался в блестящие группы созвездий, прежде мною невиданных: Сириус, самая блистательная звезда тверди небесной, принадлежит к Южному полушарию, но она видна и в наших местах; ее белый алмазный свет знаком мне с детства. Но на том южном небе есть Канопус, соперник Сириуса, который из Европы едва можно видеть только в Гибралтаре; там есть Акернар, звезда блистательная не для Европы, где ее совсем не видно. Там есть созвездие Южный Крест; много есть созвездий, более блестящих по величине звезд их составляющих, более красивых по их расположению, но созвездие Креста имеет какую-

* Ф. Ф. Беллинсгаузен средину этой полосы называет линией равновесия температуры воздуха обоих полушарий. Она не соответствует экватору, но совпадает с северным параллельным кругом в широте по среднему выводу из разных путешествий $4^{\circ}17'$.

то таинственную силу привлекать преимущественно к себе внимание и взоры всех путешественников и всех европейцев, поселившихся в Южном полушарии.

Гумбольдт, переходя из Северного полушария в Южное [полушарие], проникнут был таким же чувством, как я, при виде Южного Креста.

Звезды Южного Креста так расположены между собою, что во время прохождения этого созвездия через меридиан Крест становится над горизонтом прямо и отвесно. Это обстоятельство известно всем жителям мест близэкваторных и экваторных, которые, зная уже, какое положение принимает Южный Крест на своде небесном в различные времена года, верно считают время ночи по наклонению Креста. Эти часы, говорит Гумбольдт, которые всегда правильно уходят вперед на 4 минуты в сутки. Сколько раз, прибавляет он, слышал я от наших проводников в пустынях Венесуэлы или между Лимой и Трухилло [Трухильо]: полночный час пробил, Крест начинает наклоняться.

Я, однакож, не считал часов и не с этой целью засматривался на созвездие Креста, когда за полночь оставался на верхней палубе под открытым небом или когда дожидался там восхождения солнца. Я просто любовался тропическим небом вместе с вахтенным офицером*.

К нам присоединялся иногда и сам капитан, а иногда помощник его капитан-лейтенант И. И. Завадовский.

Вместе с светилами небесными нас занимали и воздушные метеоры, которые сквозь тонкий прозрачный тропический воздух блистали так же кратковременно, как у нас, но более лучезарно, нежели в нашей северной атмосфере. По мере того как мы приближались к экватору, южные созвездия возвышались видимо над горизонтом, и в каждую ночь на южной стороне появлялись новые звезды; мы ожидали их, как новых гостей. Но грустно было провожать наши северные родные звезды, которые также постепенно понижались все ниже и ниже к горизонту. Вот уже и Кимита, нимфа Дианы, превращенная ею от ревности в Большую Медведицу, стала погружаться в море, вот уже и Кассиопея восходит и заходит, чего у нас не случается; а там над северным пунктом морского горизонта чуть брезжут лучи нашей Северной Полярной звезды, у нас она не закатная, скрывается только в лучах солнечных, но никогда под горизонтом, а там близко его скатилась она к нему с высоты небесной, и вот... закатилась. Это значит — мы перешли через экватор.

* Вахта значит караул. Вахтенный офицер есть тот, который командует дневным или ночным караулом. У нас три вахты сменялись пять раз в сутки и были в карауле днем по 6 часов, ночью по 4 часа.

ПЛАВАНИЕ В ЮЖНО-АТЛАНТИЧЕСКОМ ОКЕАНЕ

Переход через экватор с давних времен во всех флотах почитался обстоятельством торжественным. В первые века, после того как европейские суда начали пересекать равноденственную линию, прохождение через нее было праздником, который Нептун давал мореплавателям. Экипаж корабля, приближающегося к экватору, задолго приготавливался к тому, чтоб торжественнее, а более того, — чтоб веселее перейти в другую половину земного шара.

Это было маленькое подражание народной масленице, как она празднуется и доныне в некоторых городах Италии, с тою только разницею, что в дневном маскараде римской или венецианской масленицы принимает участие и высший класс общества, пользуясь средствами, которые им доставляет город и богатство, а на корабле праздник Нептуна всегда составлял маскарад матросский, не выходящий из круга средств, какие корабельные служители находят у себя под руками. Матросы выбирали между собою двух весельчаков-краснобаев для роли Нептуна и Амфитриты; другие удалцы составляли их свиту, вроде тритонов и nereид*: вместо трезубца употреблялись обыкновенно вилы или острога, пушечный лафет — вместо колесницы, смола и пакля — вместо масок и парика. У французов первое действующее лицо, не вдаваясь в мифологические древности, называлось, по большей части, добряк Экватор, и тогда, вместо тритонов, свиту добряка составляли Европа, Азия, Африка и Америка. Последние три олицетворенные фигуры, чтоб приноровиться к цвету тела своих обитателей, вымазывали лицо свое и руки салом со смолою.

Нептун или Экватор, обыкновенно начинали свое действие на верху большой мачты допросами, с помощью рупора, кто идет, откуда и куда, с разными остротами и прибаутками, не забывая сказать что-нибудь лестное в честь своей нации и своего капитана. По совершению этого первого обряда они спускались вниз на шканцы; садились с супругой в свою торжественную колесницу, и вслед за этим начинались поздравления, а затем приступали к главному обряду омовения экваторною водою новичков, в первый раз переходящих в другое полушарие. Морская вода не жалелась и разливалась повсюду и на всех из ведер, леек и часто с помощью корабельных пожарных труб. От этого обряда избавлялись только бывшие на экваторе и щадились офицеры; пассажиры могли откупиться вином, водкой и деньгами.

* Нептун — бог моря у древних римлян; у древних греков он назывался Посейдон. Амфитрита — у древних греков — жена бога моря. Тритоны — сыновья Посейдона — изображались с трубами, как музыканты. Нереиды — дочери Нерея, — одного из морских богов. — *Ред.*

На военных судах тогда только и может быть этот праздник хорош и весел, когда в нем примет участие сам капитан и когда кто-нибудь из офицеров возьмет на себя труд составить программу и раздать роли и наблюдать за порядком торжества. Но как это сопряжено с многими хлопотами, то ныне праздник перехода через экватор весьма сокращен как в своем действии, так и во времени: обыкновенно стараются отделаться от него несколькими часами.

При всем том мореходцы, предпринимающие большие плавания, обычай этот почитают полезным. Капитан Беллинсгаузен говорит в своем сочинении: «Обыкновение особенным образом торжествовать переход через экватор, хотя кажется мало важным и совершенно детскою забавой, однако производит большое действие на мореплавателей. Скудный и однообразный путь между тропиками разделен экватором на две части; достигнув экватора, мореплаватель радуется, что совершил половину сего пути, празднует и начинает снова вести счет дням, забывая прошедшие. Остальная часть плавания кажется ему не столь продолжительною. Он не вспоминает о прошедших скучных, томительных знойных днях; приятные чувствования удовольствия способствуют сохранению здоровья мореплавателей» *.

На шлюпе «Востоке» из древнего обычая праздновать переход через экватор удержан был только обряд омовения, и так как между нами один только капитан Беллинсгаузен прежде был на экваторе, то он и познакомил офицеров и всех чиновников шлюпа с водою Южного полушария, спрыснув ею всякого из нас. Командир шлюпа, над коим вместе с нами совершен был этот обряд, исполнил тоже над командою, с той только разницею, что вместо капель вылита была полная кружка морской воды в лицо каждому матросу, чему всякий из них с удовольствием подвергался. Потом роздано было низшим чинам по стакану пунша с ямайским ромом, который они пили при пушечных выстрелах за здравие его величества императора Александра I.

Я, однакож, со многими офицерами нашими прежде и гораздо ближе познакомился с водою тропического моря: мы купались в самом океане во время штилей в переходной полосе, в середине между двумя пассатными ветрами, которые дуют с двух полушарий земли. Если разобрать внимательнее, то можно сказать, что в отношении к морю там был истинный физический или, приличнее назвать, метеорологический экватор, то-есть линия наибольшей теплоты, а здесь под 0° географической широты, лежит геометрический равнодейственный круг. Чтоб удобнее плавать и не скоро уставать,

* В новом издании «Двухкратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света в 1819, 1820 и 1821 гг.»

для купания нашего в безбрежном океане спущен был на веревках в море и привязан к шлюпу большой тент* с балластом, то-есть с чугунными брусками, которые обыкновенно кладутся на дно каждого корабля, чтоб он был устойчивее, то-есть, чтоб менее качался от ветров. Эта парусина, растянутая в двух противоположных краях своих на круглых ровных шестах, спущена была в море так, что делала в нем искусственное дно, на котором мы могли стоять в самом глубоком месте по шею в воде океана. Такая предосторожность нужна была и для безопасности нашей от большой морской рыбы, которая боится белого паруса, спущенного в море, и близко к нему не подходит.

Свежий юго-восточный пассатный ветер, установившийся на конце перехода нашего через экватор, быстро передвинул нас в Южное полушарие в западной долготе 4°, 40' [22°20']. Мы начали наше плавание в Южном Атлантическом океане, со скоростью от 10½ и до 14 верст в час, так спокойно, как обыкновенно бывает в таких морях, которые испанские мореплаватели называют дамским заливом (El golfo de las Damas), а потому мы прошли южную половину равноденственного пояса вдвое скорее, нежели северную.

По мере приближения нашего к берегам Бразилии юго-восточный пассатный ветер отходил к востоку, а когда мы подходили к мысу Фрио, то были и штили, были и противные, но умеренные ветры. Несмотря на то 1 ноября в 6 часов вечера увидели мы мыс Св. Фомы [Сан Томé]. В это время, как мы уже рассматривали бразильский берег, матрос закричал с мачты громким и протяжным голосом:

— Ничего не видеть.

Это заставило нас очень посмеяться над его острым зрением.

* * *

На другой день, в шестом часу утра, вахтенный лейтенант приказал меня разбудить и отдать мне записку, в которой он пиитически уведомлял меня, как прекрасно ноябрьское утро**.

Я вошел на верх и увидел пред собою два мыса Фрио, которые в расстоянии около тридцати верст представлялись нам, как два отдельные острова. Мы держались ближе к мысу и потом пошли к Рио-Жанейро вдоль по направлению берега. Недалеко от нас следовали французский трехмачтовый купеческий корабль и небольшой английский бриг. В 5 часов вечера мы подошли к самому входу в залив реки Январия [«Январской реки» — Рио-де-Жанейро] (Rio de Janeiro).

* Тентом называется большая парусина, которая растягивается под верхней палубой для предохранения людей от солнечного зноя.

** В южном полушарии ноябрь отвечает нашему маю.

Вход этот, имеющий в ширину с небольшим 76 сажен, защищен с востока крепостью св. Креста [Санта Крус], (S. Cruz), построенную на скале пика, а с запада — двумя батареями св. Иоанна [Сан Жуана] (S. João) и св. Феодосия [Санто Теодозию] (S. Theodosio), помещенными на скале остроконечной наклонной горы вышиною в 150 сажен, называемой по подобию Сахарною головою [Пан де Азукар] (Pão d'assucar).

При появлении нашем пришел в движение телеграф* и с крепости нам что-то кричали по-португальски. Полагая, что нас спрашивали, откуда мы идем, как обыкновенно случается, мы ответили, что идем из Санкт-Петербурга. Впоследствии времени мы узнали, что вопрос был нами угадан.

Таким образом, прошед двумя великолепными скалами и оставив влево небольшую крепость, устроенную для защиты центра входа на низменном острове Далагем (da Lagem), мы вошли в прекрасный и очень покойный порт и бросили якорь против города Св. Себастиана (S. Sebastião).

Впрочем, последнее название принадлежит собственно цитадели города, а самая столица Бразильской империи называется чаще Рио-де-Жанейро и, еще чаще, просто Рио, а по английскому произношению Райо. Здесь в гавани первым для нас удовольствием был российский флаг, развевающийся на шлюпах «Открытия» и «Благонамеренном», составляющих нашу Северную экспедицию. Командир этой экспедиции, вышед двумя днями после нас из Портсмута, не нашел нужным заходить на Канарские острова, где мы пробыли пять дней, а потому и пришел со вверенными ему двумя шлюпами одним днем ранее нас к Рио.

Вскоре после того, как мы основались, так сказать, на рейде, приехал к нам портовой чиновник поздравить с приходом и собрать сведения откуда, куда и на какой предмет мы предприняли наше плавание. Затем присылали с поздравлением своих офицеров начальник португальского линейного корабля Иоанна VI контр-адмирал граф де Виено и от командующего двумя английскими кораблями «Гордым» (Superbe) и «Мстителем» (Vengeur) сира Томаса Гарде. Эти два английские корабля при нас еще вышли из Портсмута для наблюдения за лордом Кокреном. Кораблем «Мстителем» управлял капитан Метленд, бывший начальник Михаила Петровича Лазарева, когда он в чине мичмана служил в английском флоте. Свидание с прежним начальником доставило Михаилу Петровичу большое удовольствие.

* В то время телеграф был типа семафора, то-есть передавал буквы условными знаками с помощью движения реек, наподобие морских сигналов флажками. — *Ред.*

Мы пришли к восточному берегу Южной Америки в такое время, когда весь западный ее берег был в восстании против Испании, которой он принадлежал⁶⁷.

Лорд Кокрен принял очень деятельное участие в этой войне, и судьба этого примечательного человека столько любопытна, что нельзя не сказать об нем несколько слов, по крайней мере, для тех из моих читателей, которым не совсем понятно, почему английское правительство посылает в отдаленные места два линейных корабля, чтоб наблюдать за действием одного из своих подданных.

Александр Томас, лорд Кокрен, граф Дендонельд, сын шотландского лорда Арчибальда Кокрена, по окончании воспитания вступил в морскую службу под руководство дяди своего адмирала Александра Форестр-Кокрена. Еще в молодых летах в Средиземном море взял он в приз у испанцев, бывших в союзе с Францией, много судов, более 500 человек пленных и более 120 пушек. Через три года после того, командуя фрегатом, крейсеровавшим против Кадикского залива, он заслужил орден Бани, а еще через три года он предпринял смелый и необыкновенный замысел к истреблению французского флота, стоявшего в Росисфордском порте. С этою целью он приказал соединить цепями множество пустых бочек, которые могли бы поднять 1 500 боченков пороха с 200 гаубиц и с двумя тысячами гранат; эту подводную адскую машину сам Кокрен с одним лейтенантом и четырьмя матросами повел на шлюпке к Росисфордскому флоту. К счастью французов, они скоро его увидели и стали по нем стрелять. Однакож он успел зажечь фитиль своей страшной подводной батареи и удалиться. Ускоренный выстрелом взрыв последовал через 9 минут и произвел такой сильный удар волн, что лейтенант Кокрен утонул бы, но счастье и тут не оставило лорда: он был спасен, хотя с величайшею опасностью.

Преждевременный взрыв не причинил ожидаемого разрушения во французском флоте, но произвел в нем большой вред и беспорядок, которым Кокрен воспользовался и сделал сильное нападение, лишившее французов трех линейных кораблей.

Такие примеры личной храбрости и распорядительности обещали Англии другого Нельсона, но один необдуманный поступок Кокрена лишил его отечество героя, а самого лорда лишил отечества, которое он принужден был оставить и сражаться за чужое дело в качестве странствующего рыцаря, с тою только разницей, что его поприще было не поле, а море, где корабли слушались не хуже коня богатырского.

Он сделал договор с возмущившимися против Испании хилийцами [чилийцами] и вступил в управление небольшим их флотом. Он умел привлечь к себе многих английских офицеров, а матросы толпами стремились к нему, чтобы разделить труды

и опасности под его флагом. Первым его подвигом было взятие Вальдивии, единственной чилийской крепости, бывшей еще в руках испанцев⁶⁸. В таком положении были дела в Южной Америке в конце 1819 года. Все испанские владения были там в восстании. Одна Бразилия оставалась еще верною своею метрополию, и португальский король Иоанн VI спокойно жил в Рио-Жанейро, удалившись туда из Европы в 1807 году, вследствие нашествия на Португалию испанско-французских войск⁶⁹.

На другой день шлюп «Восток» салютовал крепости 21 выстрелом, а адмиралу 13 выстрелами. Нам ответили тем же числом как с крепости, так и с адмиральского корабля.

В то же утро посетил нас российский генеральный консул коллежский советник Лангсдорф⁷⁰, который в качестве натуроиспытателя совершил путешествие около света вместе с начальником нашей экспедиции под командою Крузенштерна.

В 10 часов утра капитан Беллинсгаузен с командиром шлюпа «Мирного» Михаилом Петровичем Лазаревым отправились к российскому посланнику при дворе португальском генерал-майору барону Тейл фон Сараскеркену, а я с консулом и с живописцем нашей экспедиции академиком Павлом Николаевичем Михайловым поехал отыскивать удобное место для астрономических наблюдений.

Лангсдорф имел намерение выпросить нам на этот предмет местечко в одном монастыре, имеющем на все стороны открытый вид, но его ходатайство было безуспешное, и мы нашли, что всего проще, удобнее и лучше было поставить нашу походную обсерваторию на одном уединенном острове, находящемся на половине пути между берегами и якорным местом шлюпа «Востока» в заливе Рио-Жанейро.

В этот день мы обедали и провели вечер вместе с капитанами и со многими офицерами нашей экспедиции у консула Лангсдорфа на даче. Ученый и любезный хозяин наш до обеда показал нам свою интересную и редкую коллекцию бразильских бабочек; в ней и в то уже время было собрано до 1600 пород бабочек и жуков, между которыми находилось много новых, еще не описанных пород. Впоследствии эта коллекция Лангсдорфа сделалась одною из знаменитейших в Европе, тем более, что бразильские бабочки ценятся по своей редкости, красоте, величине и по своему разнообразию.

После обеда внимательный хозяин не забыл устроить для молодых путешественников домашние танцы в кругу его семейства и коротких знакомых.

Г. Лангсдорф был женат на дочери знаменитого русского астронома, члена Санктпетербургской Академии наук, действительного статского советника Шуберта.

Между тем, получив дозволение распоряжаться на избранном нами острове, мы тотчас поставили там палатки и перенесли туда инструменты, вместе с которыми я совсем расположился жить на этом острове на все время пребывания нашего на Рио-Жанейрском рейде.

Со мною переселились на этот необитаемый остров гардемарин Адамс, артиллерии унтер-офицер Корнильев, а для услуги и караула несколько матросов.

Остров Радос (Ilha de Rados) — Крысиный остров — есть камень, не высоко вышедший и не широко раскинувшийся над поверхностью залива. Он имеет в длину не более 60 и в ширину не более 30 сажен. Жителей на нем не было: не было даже караульщика тех многочисленных поленниц дров, которые занимали большую часть острова; не было и шалаша, который обличал бы чье-нибудь жительство на этом острове до нашего на нем поселения. Флора бедна на его каменистой почве; фауна богата одной только породой зверей, давших название этому острову и живущих на нем в большом количестве между поленницами дров.

Признаюсь, некрасива была обитель моя на необитаемом острове Нового Света, но для чего было мне смотреть так близко перед собою, лучше окинуть взором всю окрестность залива. Вот на западном берегу его рисуются передо мною горы и город; зеленые холмы, покрытые деревьями тропической породы, окидывают город, который, как изящная лепная работа, вставлен в эту великолепную раму; там на высотах каждая вершина гор украшена монастырем с церквями и колокольнями, или загородным домом с садом, беседками, или военным укреплением с своими грозными орудиями; а здесь внизу расстилается перед дворцом прекрасная площадь и сливается с обширною пристанью, на которой видна торговая деятельность народов, принадлежавших некогда к двум чуждым частям света: к Европе и Африке. Здесь господствуют португальцы, за 300 лет перед сим переселившиеся из Европы, а труды и работы падают на негров, купленных или похищенных на берегах Африки. Господствующий класс говорит языком цветов*, а народ различными дикими наречиями Бенгуэлы или Мозамбика.

Где же скрываются древние коренные обитатели этой страны? Одни в горах, другие в лесах, а третьи в общем слиянии нынешнего народонаселения Бразилии.

К северу от Рио тянется цепь Органских гор, и в них укрывается сильное племя туземцев, которое приучает детей своих с самой юности к коню и к опасностям, как наши кавказские горцы. Другие племена в диком состоянии, почти без

* Так называют испанцы язык португальский.

Вид города Сент-Себастиана в Рио-де-Жанейро.
Из альбома рисунков художника П. Михайлова.

одежды, скитаются в лесах, питаются медом, плодами и тем, что доставляет им звериная охота и птицеводство.

Весьма немногие из туземцев приняли христианскую веру, стали употреблять платье, сделались более оседлы и общительны, но ничто до сих пор не могло переменить их природную беспечность, привычку дикой свободы.

Рио-Жанейро кротостью нравов, роскошью и любезностью общества и великолепием духовных процессий совершенно напоминает города Южной Европы. Дома его, выстроенные из дикого камня и из кирпича, покрытые черепицей, выказывают оттенок мавританского вкуса Пиренейского полуострова. Город в главных объемах разделяется площадью св. Анны (Campo de Santa Anna) на старый и новый. Новая часть города начала отстраиваться, по большей части, с 1808 года, когда король Иоанн VI перенес резиденцию из Португалии в свое Бразильское королевство⁷¹. С того самого времени все начало приходить в Рио-Жанейро в более цветущее состояние. Город как будто пробудился из летаргического сна с прибытием короля своего, который, заметив не соответственное положение дел Рио-Жанейро с его торговою важностью, в короткое время улучшил все отрасли государственного управления, основал многие полезные заведения и устранил препятствия к приведению торговли в цветущее состояние. Вместе с этими улучшениями многие европейские коммерческие дома учредили там свои конторы, и Рио-Жанейро вошел в число важнейших торговых городов в свете. С этого времени новая часть выстроилась, и народонаселение города в первые десять лет пребывания короля более нежели удвоилось. До прибытия португальского двора в Рио там

считалось 50 тысяч жителей, а в наше время, то-есть через 12 лет, число жителей города возросло до 120 тысяч *.

Новый город соединяется с предместьем Мата-Поркос (Mata-Porcós) мостом св. Диего, идущим через маленький рукав морской воды, а позади этого предместья на вершине Корковадо величественно возвышается церковь похвалы пресвятой богородицы (N. S. da Gloria). К северо-западу большое предместье Катумби ведет к весьма примечательному дворцу св. Христофора (S. Christovão). Его украшают портик и две галлерей с колоннадами. Другие примечательные здания города в то время были: монетный двор, арсенал, таможня. Некоторые площади украшены фонтанами, наполненными водой из источников горы Корковадо, посредством водопровода, построенного в 1740 году, через который вода льется с высоты немного более 300 сажен.

Улицы бразильской столицы вымощены гранитом с тротуарами, но они вообще узки и освещаются ночью по большей части лампадами, зажженными перед иконами при каждом доме.

Вся торговая деятельность города сосредоточивается на улице, называемой Прямою (Shada directa — прямая улица). На ней в нижнем этаже домов находятся лавки и магазины для всех родов торговли, разнородные мастерские, и в бытность нашу в Рио на этой же улице производилась отвратительная торговля африканскими невольниками ⁷².

Продаваемые негры обыкновенно сидели в просторной комнате, но при входе покупателей вскакивали по знаку, данному тростью или плетью смотрящего, прыгали с ноги на ногу и пели плясовые песни, для показания своей бодрости, гибкости, веселости.

Прекрасные окрестности Рио очаровательны; творческая сила природы украсила их дивными растениями, а человеческая изобретательность и вкус поставили между ними красивые дачи с пленительными садами, где тропическая растительность никогда не утомляется, где цветы и плоды сменяют друг друга в продолжение целого года. Видеть дивные красоты риожанейрских окрестностей и самые великолепные картины бразильской природы усердно доставлял нам случай российский вице-консул Кильхен, с которым мы познакомились и дружески сблизились с первого дня прибытия нашего на Рио-Жанейрский рейд.

Однажды вечером он приехал к нам на шлюп «Восток». Командир «Мирного» с некоторыми из своих офицеров был там же, и я туда же приехал с своего острова.

* Там считалось жителей в 1807 году 50 000, в 1817 году — 110 000, в 1821 году — 135 000, а после того Гендерсон считал 150 000 человек. ²/₃ населения города составляют негры, мулаты и вообще цветные люди.

— Не угодно ли вам, господа, прокатиться двадцать восемь верст во внутренность Бразилии, чтоб видеть там живописное местоположение и дивную игру бразильской природы? — сказал нам Кильхен за чашкой чаю.

— Когда и куда?

— Завтра на водопад Трижука.

— Едем к водопаду, — сказали все единогласно.

На другой день рано поутру мы были уже в городе, где ожидали нас несколько карет и несколько верховых лошадей.

— Я вас предупредю, — сказал нам Кильхен, — что те, которые пожелают ехать в карете, должны будут оставить экипаж за десять верст до водопада и идти пешком как туда, так и обратно к каретам, потому что в тех гористых местах можно проехать только верхом.

— Прекрасно, это будет очень приятная прогулка; в таких романтических местах пройти десять верст будет новым удовольствием, — сказали наши капитаны, садясь в карету.

Их примером увлеклись некоторые офицеры, но многие, в том числе и я, взяли верховых лошадей и поскакали вслед за каретами. С нами были некоторые офицеры Северной экспедиции и также риожанейские знакомые Кильхена. На половине дороги мы дали немного отдохнуть лошадям нашим в кофейной плантации тестя нашего обязательного вице-консула.

Действительно, любопытный и поразительный для глаз путь мы сделали, проезжая то обработанными долинами, то мимо высоких скал и глубоких пропастей, то густым лесом. Живописные виды беспрестанно сменяли друг друга, не исключая и той дороги, где спутники наши, ехавшие в каретах, принуждены были оставить свои экипажи и идти пешком, но сильный жар и неровность дороги их утомили, они освежились лимонадом в гостинице, находящейся в расстоянии менее версты от водопада, к которому от этого места вела узкая тропинка по косогору. Мы уже слышали гул падающих вод, но поток их увидели тогда только, когда были лицом к лицу перед водопадом, скрывавшимся дотоле от глаз наших окружающими его горами.

Алмазна светится гора
И падает тремя скалами.
Жемчугу бездна и сребра
Кипит внизу, бьет вверх буграми.
От брызгов синий холм стоит,
Далече рев в лесу гремит.

Что я прибавлю к этому краткому, но верному описанию Трижукского водопада?.. Когда величественное явление, поражая в одно время и зрение и слух, увлекает мысли человеческие в область беспредельной творческой силы, тогда во-

ображение блуждает за предметами наших понятий, немеет язык и тускнеет перо.

Широко расстилал перед нами свою жемчужную пену трехэтажный водопад; глубоко вонзил он струи свои в последнюю ступень своего падения и образовал на ней довольно обширный пруд, из которого вода, пробираясь между гор из ущелья в ущелье, сливается с линией Атлантического океана.

Пораженный величием предмета, я углубился в историческую даль и припоминал себе предания этих мест.

Место, где теперь выстроен город Рио-Жанейро, до поселения европейцев называлось туземцами Ганабора. Первыми европейскими поселенцами были там французские протестанты, удалившиеся из своего отечества в 1555 году под предводительством Дюрана де Вильганьона. Они поставили там на маленьком острове несколько хижин, укрепили их несколькими пушками и назвали свое селение именем адмирала Колиньи. Через три года после того французские протестанты изгнаны были из своего селения португальцами под предводительством Емсонуила [Мануэля] де Са, который, видя всю важность местоположения, выстроил и укрепил там город, названный вначале именем св. Севастьяна⁷³.

Скоро открытие в соседстве его богатых рудников и драгоценностей возвели новую португальскую колонию в цветущее состояние и возбудили зависть французов и желание возвратиться от португальцев места, занятые первоначально Вильганьоном.

Полтора года лет после того жил во Франции удалец из удалцов, герой флота Людовика XIV, Дюгей-Труэн (Duguay-Trouin). Король очень уважал его за многие военные подвиги и любил слушать его о них рассказы. Однажды, говоря о последнем своем сражении, адмирал сказал, между прочим:

— Я приказал «Славе» (так назывался один из его фрегатов) следовать за мною.

— Слава исполнила ваше приказание, — возразил король, прервав его рассказ.

Но самый отважный из его подвигов был против Рио-Жанейро, который он взял 21 сентября 1711 года с 2 350 человек французского войска против 12 000 португальского гарнизона. Португальцы скрывались в лесах и горах, оставили победителю пустой город и все его укрепления. Но Дюгей-Труэн, предвидя, что ему нельзя было удержаться в побежденном городе с его малочисленным войском, поспешил взять с португальцев контрибуцию в 2 440 000 франков, 500 ящиков сахара и множество скота для продовольствия французов во время их пребывания в Рио, откуда они вышли со славою и с деньгами 12 февраля 1712 года.

Предание об этом происшествии говорит, что в ту бедственную для риожанейрских португальцев годину, в горах

близ водопада Трижука укрывался глава бразильского духовенства. Мы видели там сложенный из камня и покрытый плитой стол, исчерченный именами путешественников, посещавших это место.

Между тем как мы рассматривали водопад и его дикие окрестности, вид которых снял живописец Северной экспедиции Карнеев⁷⁴, негры, служившие Кильхену, принесли на плечах своих вкусный обед. По окончании этой приятной прогулки мы возвратились домой уже ночью в прежнем порядке и с тою только разницей, что капитан Беллинсгаузен путь свой до кареты сделал верхом, взяв лошадь у одного из офицеров. Мы предлагали и командиру «Мирного» М. П. Лазареву сесть на одну из наших лошадей, но он, решившись и в обратном пути пройти первые 10 верст пешком, не согласился на наши убедительные предложения и, шедши с горы на гору, утомился до чрезвычайности. Когда смерклось, то мы увидели, что нас сопровождают и освещают путь наш множество светящихся насекомых. Особливо в местах лесистых они стаями летают в воздухе, и фосфорический свет каждого насекомого то ярко загорается, то мгновенно исчезает, и это непрерывное блистание летающих факелов поразительно для непривычного глаза европейца.

Любопытная поездка к водопаду Трижука и двадцатидневное пребывание наше в Рио представляли нам на всяком шагу образцы богатых даров, которыми обширная Бразилия, почти равная Европе*, наделена по всем царствам природы.

Царство ископаемое приносит ей на 23 миллиона франков золота; не так много серебра и меди, очень много железа и других металлов; более 20 тысяч каратов алмазов; значительное количество аметистов, яхонтов, турмалинов, топазов, хризобризов и других драгоценных камней; большие массы гранита, мрамора и разного рода глины; наконец, серу, селитру и другие полезные минеральные произведения.

Прозябаемое царство доставляет бразильцам великое множество различных родов строевых и мебельных деревьев и плодородных растений. Не буду говорить о тех многочисленных и разнородных растениях, которых и названия неизвестны у нас в Европе, но скажу только, что бразильское кокосовое дерево больше индийского; жако, или филиппинское хлебное дерево, приносит плоды до двух пудов весом; породы строевого леса — например бразильская сосна, вишня, кедр, достигают гигантских размеров.

* Поверхность Европы заключает в себе 2 796 108, а Бразилия 2 253 000 квадратных морских миль, которых считается 60 в градусе экватора. Ошибка Симонова — в градусе экватора считается 60 линейных миль, а не квадратных. В современных мерах поверхность Европы 11 600 000 кв. км; поверхность Бразилии 8 511 000 кв. км. — *Ред.*

Из плодов всего вкуснее бананы: они видом похожи на большие огурцы; белая или розовая кожа их снимается весьма легко, а затем остается белый плод, который нежнее и приятнее всякой дыни. Некоторые плоды дают хорошую водку, другие — вкусное питье; из белого, как молоко, сока мингебейры можно добывать резину, фернинбук, иль бразильский сандал, дает вишневую краску. Пальмовый шафран, хлопчатая бумага, амбра, бальзам, комепинь, табак, сахар, какао, кофе, индиго, имбир, перец, хина, сассапарель, ипекакуана и многие другие растительные произведения, употребляемые в общезнании и в аптеках, доставляют Бразилии очень важную отрасль торговли. Хлебные растения в Бразилии примечательны необыкновенной величиной своей как в колосе, так и в зерне ⁷⁵.

Из царства животных в лесах бразильских находится сто различных пород млекопитающих, из которых многие употребляются в пищу: пятьсот пород птиц, отличающихся яркими цветами, а море и реки наполнены множеством рыб и морских животных.

Как Бразилия почти вся заключается в жарком поясе, включая небольшого южного уголка ее, то в ней находятся все животные, свойственные тропическому климату, и в том числе много пород обезьян, попугаев и колибри; а из примечательных южноамериканских животных там водится лама. Это животное, хотя существенно отличается от верблюда, но имеет некоторое с ним сходство и столько же полезно для переноса тяжестей по трудным и гористам дорогам. Я упоминаю об ламах потому в особенности, что они известны и в России: спутник наш М. П. Лазарев, командуя прежде шлюпом североамериканской компании «Суворовым», на возвратном пути из Ситхи в Кронштадт привез несколько лам из Бразилии в Царское Село.

Впрочем, для домашнего употребления бразильцы не имеют недостатка в лошадях: оставленные или потерянные первыми европейскими путешественниками в Америке лошади расплодилось в горах и лесах Нового Света до того, что многочисленными толпами скитаются из места в место в диком состоянии. Любопытно слышать рассказы путешественников, бывших во внутренних пустынях Америки, как одичалые лошади живут там семействами, состоящими из одного самца, нескольких самок и детей их, как эти семьи собираются в одну толпу, составляя отдельное общество, которое в переходах своих следует за одним вождем: он предводительствует ими в боях и управляет их отступлениями в случае нападения врага, который сильнее их.

Такие колонны диких лошадей составляются часто из десяти тысяч голов. Отогнанные или пойманные из таких вольных табунов лошади очень скоро привыкают к домашней

жизни, к работе, к хозяину. Но замечено, что заводские лошади, разведенные под распоряжением и надзором человеческим, бывают всегда больше, красивее и сильнее диких. Бразильские одичалые лошади вообще малы ростом, с большою головою и с длинными ушами, которые унижают их до сравнения с ленивой породой животных того же вида [ослов].

Природные бразильцы, живущие в органических горах, ловят диких лошадей и лам арканами особого рода, называемыми лассо. Это веревка длиною не более пяти сажен, имеющая на конце от двух до пяти хвостов с привязанными к ним железными или деревянными шарами. Бразильские горцы ловко обвертывают, с размаху, ноги дикой лошади или ламы, бросая на них лассо; опутанное таким образом животное падает и предается победителю.

Говоря об изобилии бразильской почвы, надобно сказать и о недостатках, какие там претерпевают.

Земля и климат на всяком шагу выказывают там свою готовность доставлять все нужное для продовольствия человека и удобства в жизни, но руки человеческие не пользуются этой готовностью и не помогают природе.

Не знаю, как ныне, но во время двухкратного пребывания нашего в Рио там не было европейских плодов; не было порядочных огородов для разведения столовых овощей и жизненных припасов, даже картофель, лук, чеснок и другие подобные растения и плоды привозились туда на английских судах и продавались дорогою ценою.

Скотоводство было в очень дурном положении, а оттого происходил недостаток в масле, сыре и в других молочных произведениях.

Бразильские владельцы земель более всего пекутся о своих кофейных и сахарных плантациях, потому что содержание их очень дешево обходится, а доходы получаются значительные. Каждое вновь посаженное дерево на четвертом году приносит уже плоды, а для ухода за ними достаточно одного негра на три тысячи дерев, которые могут принести до 750 руб. серебром ежегодного дохода.

Обыкновенная пища работника, состоящая из соленой рыбы, из муки маньюока, из апельсинов, бананов и кокосов, очень дешево обходится, а платье в этом постоянно теплом климате почти ничего не стоит.

Страна, где так щедро награждаются труды человеческие, где по три раза в год собирают виноград, может быть источником несметного богатства и без золотых приисков, если только водворится в ней европейский дух промышленности. Чтоб поселить его в этой обширной стране, попечительный король португальский и бразильский Иоанн VI пригласил переселенцев из Швейцарии, с весьма выгодным для них предложением получить в Бразилии земли, скот и все нужное для

первого обзаведения. Но это переселение было неудачно, потому что из 400 человек, отправившихся из Европы, прибыли при нас только 270 человек, а остальные умерли во время перехода через океан от тесноты и от недостатка в пресной воде и в здоровой пище.

Вообще эта прекрасная страна требует еще много рук, много деятельности, много трудов и попечений.

Со дня нашего прибытия в Рио-Жанейро полуденное солнце ежедневно приближалось к зениту, и в последние дни нашего там пребывания оно в полдень было почти над нашими головами: в это время мы не видели своей тени. Жар был очень велик, а у меня в полдень [термометр] поставленный на раскаленном отвесными лучами солнца каменистом острове теплота доходила до 115° по Фаренгейту, что составляет почти 37° Реомюрова термометра (46° по Цельсию).

В такое знойное время, в часы, свободные от обязательных моих занятий, я освежал себя купаньем в Рио-Жанейрском заливе. В нем тоже морская вода, какая и в Атлантическом океане, те же составные части, те же искры сыплют с весел, когда во время темной ночи гребцы рассекают ими поверхность залива. Разумеется, что такие прохладительные средства необходимы бывают только во время середины дня, когда от жара некуда деваться на острове, где нет тени. В палатке при 35° Реомюрова термометра духота нестерпимая; на открытом воздухе — сверху пекут отвесные лучи солнца, а снизу раскаленный камень острова. В этом положении поневоле бросишься в море. Но зато поутру и вечером тропическая прохлада бразильского воздуха несравненно приятнее морской воды. Часто я не дышал, а пил этот чистый свежий воздух, как вкусный лимонад в летнее время, и тогда мне было так приятно, так отраднo, так весело было на душе. А ночи...

Я уже говорил о великолепии тропических ночей при переходе нашем через экватор, буду иметь случай и еще поговорить об этом предмете, а теперь скажу несколько слов о том, что особенно поражает невооруженный глаз при вззрении на Южное полушарие звездного неба и чего мы на северном небе, без зрительных труб, не замечаем.

Кто только читал какую-нибудь популярную астрономию и кто слушал прекрасные публичные лекции С. И. Зеленого⁷⁶, тот уже знает, что на небесном своде, кроме неподвижных звезд, планет и комет, есть еще так называемые туманные пятна (Nebuleuses).

Взгляните в посредственную астрономическую трубу на созвездие Ориона, и вы увидите в нем блистательное белое пятно неправильной фигуры. Взгляните в созвездие Андромеды, и вы увидите правильный ромб, у которого два противоположные угла очень острые и другие два тупые. Эти пятна имеют свет кометного хвоста: последнее видно и простыми

глазами, но надобно очень вглядываться, чтоб без трубы заметить его существование.

Впрочем, тщетно вы будете искать на нашей северной половине тверди небесной такого туманного пятна, которое без помощи астрономических труб обратило бы на себя внимание. А там, в Южном полушарии, два великолепные светлые пятна ярко блистают на своде небесном и поражают взоры каждого, не вооруженного оптическими пособиями. Эти два пятна, называемые Магеллановыми облаками⁷⁷, как два озера, отделились от той небесной реки, которую мы именуем Млечным путем*.

* * *

Между тем все наши существенные занятия в Рио-Жанейро и приготовления к главной цели нашего плавания кончились. Заготовление припасов к продолжительному и трудному походу и необходимые исправления судов — все было приведено к окончанию. 22 ноября мы снова подняли якорь, поставили паруса и вышли в океан.

На третий день по оставлении Рио-Жанейрского залива капитан Беллинсгаузен послал лейтенанта Лескова на шлюп «Мирный» и поручил ему пригласить на шлюп «Восток» М. П. Лазарева и священника экспедиции, которого обыкновенное пребывание было на «Мирном». С ними приехали к нам медико-хирург Н. А. Галкин и лейтенанты М. Д. Аннеков и П. М. Новосильский⁷⁸.

Сначала священник отслужил молебствие о ниспослании нам благополучного и успешного окончания предлежащего нам плавания. После того капитан Беллинсгаузен выдал командиру «Мирного» жалованье и порционные деньги для офицеров и служителей вверенного ему шлюпа на двадцать месяцев, а в случае невольной разлуки «Востока» и «Мирного» предписал ему следующее:

1. Чтob шлюп «Мирный» в дурную погоду держался за кормоу «Востока» не далее версты**, во время туманов еще ближе, а в ясные дни шел бы с нами рядом в расстоянии от семи до четырнадцати верст, дабы пространнее обозреть горизонт.

* Многие туманные пятна, представляющиеся в хороших трубах Доллонда или Размздена⁷⁹, в виде светящейся белизны, с помощью лучших, вновь усовершенствованных телескопов или рефлекторов, обращаются в группы мелких и частых звезд, но другие ни при каких, донныне известных, оптических средствах не изменяют свой вид непрерывно светлого пятна. К числу последних, между многими другими, приписываются и пятна Андромеды, Ориона, Магелланового облака и Млечный путь, но сила кембрического телескопа показала Бонду⁸⁰ (в пятне Андромеды) 1500 звезд, а граф Роа⁸¹ с помощью своего гигантского телескопа видел множество звезд в пятне Ориона.

** На полях И. М. Симоновым сделана пометка в морских мерах: «5 кабельтовых». — *Ред.*

2. Когда, в ночное время, на шлюпе «Восток» будет поднят фонарь, тогда и на «Мирном» должен быть в фонаре огонь поднят на видном месте.

3. Внушить господам вахтенным лейтенантам, что «Мирный» должен следовать за «Востоком» неразлучно, а потому они и должны наблюдать за этим неослабно

4. В случае невольной разлуки шлюпы должны искать один другого в продолжение трех дней на том месте, где они в последний раз видели друг друга, и во время поисков производить пальбу из пушек.

5. Если после таких поисков шлюпы не встретятся, то должен поступать по данной инструкции, копию с которой командир «Мирного» уже имел.

6. Когда неожиданная разлука случится до прибытия к острову Георгия, то свидание назначается на высоте залива Овладения, где шлюпы должны ожидать друг друга четыре дня, а потом поступить по инструкции.

7. Если шлюпы разлучатся невольно близ Фалкландских (Фолклендских) островов и время дозволит, то держаться около этих островов и, отыскав гавань, войти в нее, разводите огни на горах и ожидать «Восток» шесть дней. По прошествии этого срока пройти через Куков пролив в Порт-Жаксон [Порт-Джаксон] и там уже ожидать прибытия шлюпа «Восток».

По принятии денег и предписания командир и офицеры «Мирного» пообедали у нас и отравились домой.

* * *

В 7 часов вечера по данному сигналу «Мирный» подошел к корме шлюпа «Восток», и тут эти до сих пор неразлучные два спутника, пожелав друг другу благополучного пути и счастливых успехов, продолжали углубляться далее к югу.

Уже по приготовлениям, по распоряжениям и по предосторожностям можно было видеть, что суда наши готовились совершить путь небезопасный, а ежедневные воздушные перемены ясно свидетельствовали, что мы вышли уже из благословенного равноденственного пояса и быстро приближаемся к угрюмому полюсу. Полуденная температура с каждым днем понижалась на три четверти градуса Реомюрова термометра. То к вечеру засвежеет ветер, то небо покроется облаками, то шквал найдет с дождем и градом или молния блеснет, то прогремит отдаленный гром. Еще 27 ноября в южной широте 33° мы были окружены дождем и туманом, и во время темной ночи потеряли из виду нашего спутника, мы жгли огни фальш-феерами, и «Мирный» не отвечал нам, поутру на рассвете не видно было его над горизонтом. Мы убавили парусов в надежде, что он нас догонит и увидели его, к общей радости, после 3 часов пополудни, когда туман несколько рассеялся. Путь наш лежал к острову Новой Георгии:

Альбатрос.

Из альбома рисунков художника П. Михайлова.

капитан Беллинсгаузен с него хотел начать изыскания свои в Южном Ледовитом море. Но на пути своем туда он хотел испытать счастье найти остров Гранде (Le grande — Великий Остров), который в 1675 году виден был Ларошем, на возвратном пути его из Южного океана в Бразилию, в широте $46^{\circ} 89$.

И действительно, его можно было отыскать по одному только счастью, потому что из описания его положения невозможно было узнать, в какой долготе видел Ларош остров Гранде. Его и прежде нас искали Лаперуз, Ванкувер и Коллет так же безуспешно, как и мы. Однажды вахтенный лейтенант донес капитану, что виден бурун*. Капитан обрадовался, потому что можно было ожидать близость берегов острова, виденного Ларошем, если он ошибся в вычислении географической широты острова. Но когда мы подошли ближе к буруну, то увидели, что волнение плескало через мертвого кита. Он был окружен множеством морских птиц, из которых одни стаями вились над китом, а другие, сидя на нем, пировали. Д. А. Демидов и штаб-лекарь Берг подъезжали к нему на ялике и застрелили весьма большого альбатроса и несколько других птиц.

Морские птицы нас окружали во множестве ежедневно. Офицеры шлюпа вообще очень удачно стреляли по ним и наполняли орнитологический кабинет экспедиции альбатроса-

* Бурун значит непрерывный прибой морских волн, разбивающихся с пеной о берег или о подводный камень.

ми, фрегатами, петрелями, бурными птицами и многими другими породами.

Из них к роду самых больших птиц принадлежит альбатрос. Лучший экземпляр этой породы пальмоногих птиц застрелил М. П. Лазарев на шлюпе «Мирном». Альбатрос его весил 31 фунт; величиной он был немного более гуся, но пух его был так густ, что он казался вдвое больше, а красотой своею, белизною и мягкостью пуха, он, конечно, превосходит лебедя, так прекрасно описанного Бюфоном. Крылья его имели в полете до четырех с половиной аршин [более 3 метров]; верхняя часть их серая, а прочие перья альбатросов отличаются поразительной белизною. Есть и совершенно белые альбатросы, кроме оконечностей крыльев; французские матросы по величине называли альбатросов капскими баранами (*mouton de Cap*), потому что их очень много встречается близ мыса Доброй Надежды.

Фрегаты также отличаются непомерной длиною своих крыльев; с помощью их они пренебрегают ветрами и бурями, возносятся выше громов и удаляются от берегов часто на 1 500 верст. Большой фрегат (*Tachypetes aquila*) имеет в полете до 5 аршин; перья на нем черные с синим отливом.

Черные фрегаты водятся в южных морях.

Не должно, однакож, думать, что в обширных океанах и птицы водятся большие; напротив, мы видели там очень многочисленные породы петрелей, которые не больше голубя. Очень трудно было стрелять бурных петрелей: штаб-лекарю Бергу удалось застрелить одну из них. Ее привязали у нас к веревке и спустили с кормы в воду; тогда другие бурные птицы слетелись около нее, а между тем со спущенной на море шлюпке настреляли этих посетительниц до 10 штук и подняли со шлюпкой на корабль.

Когда мы были в южной широте 48°50', тогда показались на море пингвины, прибывшие к нам навстречу из Южного Ледовитого моря. А солнце в тот же день, проводивши нас до своей южной границы, обратилось в возвратный путь от тропика Козерога на север.

А между тем у нас там было, в широте Парижа и Вены, в середине лета, при полном блеске солнца, при теплом северном ветре, так холодно, как в холодный осенний С.-Петербургский день: термометр Реомюра в полдень показывал 6 градусов тепла; зато и в полночь было столько же.

Мы шли к угрюмому югу, не думая о том, что готовило нам негостеприимное Ледовитое море; мы думали только об исполнении своего долга. Притом же, в те молодые годы о настоящих и предстоящих опасностях мы забывали. А жили будущим: оно нам рисовалось, как будто бы во сне, прелестною мечтою, как в радужных лучах, вдали переливалось и, как в калейдоскопе, играло пестротою.

Если хотите, чтоб я оживил перед вами картину тогдашнего нашего положения, представьте себе идущие под парусами два маленькие корвета, которые окружены к северу морем, к западу морем, к востоку морем беспредельным, а на юге ожидают их море, туман и льды.

На пути к этим неласковым предметам нашего плавания за нами следовала многочисленная свита; там на поверхности океана толпились стройные акулы, изумрудные дорады и гордые киты со своими великолепными фонтанами; около нас порхали разных пород птицы, а над нами парили альбатросы и фрегаты.

Но вот уже термометр спустился до нуля градусов, и мы увидели первый летний снег: это значит, что мы вступили в пределы вечной зимы*.

ПЛАВАНИЕ ВО ЛЬДАХ ЮЖНОГО ОКЕАНА

Георгия, Южная Георгия, остров короля Георга — вот те различные названия, под какими ныне известна та земля, к которой мы приближались. Первым из этих имен назвал ее в честь короля Георга III капитан Кук, обозревший и описавший северо-восточный берег острова в январе месяце 1775 года.

Некоторые думают, что остров Георгия был открыт ровно сто лет прежде Кука французом Ларошем, находившимся в английской службе, и первоначально назывался его именем⁸².

Сам Кук в описании второго своего путешествия говорит, что за год перед ним капитан Фюрно, проходя близ тех мест от 60 до 55 градусов южной широты, а на долготе от 60 градусов до 40 градусов к западу от Гринича не видел никакого берега, почему он, капитан Кук, боялся, держась далее к югу, чтобы не пройти далеко от земли, которая, как сказывали, обретена капитаном Ларошем в 1675 году, а потом испанским кораблем «Львом» в 1756 году⁸³. Далее капитан Кук свидетельствует, что этот остров Лароша был показан на карте Далримпля под широтою 54°30' и в западной долготе 45° от Гринича⁸⁴. Но мне кажется, что это положение ближе указывает на острова Авроры, виденные потом в 1796 году с испанского корабля «Атревиды» и в новейшее время Виддклем⁸⁵, который говорит, что они состоят из трех скал, лежащих в широте 53°48' и долготе 43°25'. Как кажется, Ларош всегда ошибался как в широте, так в особенности в долготе многими градусами, это и неудивительно, потому что в исходе XVII века морская астрономия была еще далека от совершенства.

* На полях рукописи Симонова помечено: 14 декабря 1819 года. —
Ред.

Остров Южной Георгии лежит почти под одинакой шириною с северными городами: Москвою, Копенгагеном, Единбургом, а между тем вот что пишет об нем знаменитый натуралист Форстер⁸⁶, сопутствовавший Куку во втором его путешествии:

«После того, как мы нашли жителей на страшных и бесплодных каменных берегах Огненной Земли, почти позволено думать, что нет земли, которая была бы необитаема. Но остров Новой Георгии совершенно опровергает это предположение. На Огненной Земле климат несравненно умереннее, и есть там несколько весьма мелких деревьев, которые служат, однакож, жителям для согревания во время холода и для сварения пищи. В Южной Георгии нет ни куста такого растения, которое могло бы заменить лес, а потому заключить можно, что не только непросвещенные жители Огненной Земли, но и европейцы, со всеми их природными и искусственными пособиями, не могли бы поселиться на этом замерзшем острове, где в середине лета не бывает теплее 10 градусов Реомюра. Может быть, зимы там не столько холодны, как, судя по легкой температуре, предполагать должно, но все же стужа, вероятно, доходит там до 30 градусов.

Кроме того, что Новая Георгия необитаема, она не имеет никаких произведений, которые могли бы хотя временно привлекать европейских мореплавателей.

Сивучи и тюлени несравненно в большем количестве водятся и легче ловятся на необитаемых берегах Южной Америки, на островах Фолклендских и Нового Года.

Когда наши ежегодные китовые ловли совершенно опустошат Северный Атлантический океан, тогда промышленники пустятся, может быть, и в Южное полушарие, но им не нужно будет доходить до Новой Георгии, потому что в недавнем времени португальцы и жители североамериканских колоний побили великое множество китов у берегов Южной Америки, не доходя до Фолклендских островов*.

Итак, ежели, когда-нибудь, по прошествии нескольких тысяч лет, Южная или Новая Георгия сделается полезной для жителей земного шара, то, конечно, не прежде, как берега Патагонии и Огненной Земли будут в таком же состоянии, в каком ныне Швеция и Шотландия».

Но не прошло еще сорока пяти лет после Кука, как мы шли к Новой Георгии, конечно, не с тем, чтобы там поселиться, но вот что с нами случилось.

15 декабря я вышел рано на верхнюю палубу корабля, и

* В XX веке стал широко развиваться китобойный промысел в Антарктике. Промысел регулируется Международной конференцией, устанавливающей норму промысла и квоты разных стран. Советская китобойная флотилия «Слава» наряду с промыслом ведет в Антарктике большую научно-исследовательскую работу. — *Ред.*

меня поздравили с прибытием к берегу, которого я, однакож, не видел.

Вахтенный лейтенант А. С. Лесков уверял меня, что в четвертом часу утра он видел берега, которые вскоре потом скрылись в тумане. В 8 часов туман мало-помалу начал исчезать, а из-за него постепенно открывались седые остроко-нечные скалы Новой Георгии и двух маленьких островов: Вил-лиса и Птичьего, лежащих близ северо-западной оконечно-сти Георгии.

Капитан Беллинсгаузен приказал держать путь вдоль юго-западного берега острова, который не был еще описан ни Ку-ком, ни другими мореплавателями.

Утро было довольно ясное, но после полудня небо опять стало покрываться облаками и туманом, и вскоре потом вер-шины гор скрылись в тумане, так что трудно было срисовы-вать и класть на карту берега острова, лежащего от нас в расстоянии $2\frac{1}{4}$ и $3\frac{1}{2}$ верст. Однакож по временам мы ясно видели, что предстоящий пред нами берег состоял из остро-конечных каменных утесов, а заливы наполнены были масса-ми льда.

— Эх! Как ледники-то туго набиты, — говорили матросы.

А я, увлеченный вышеприведенным мнением Форстера о Новой Георгии, думал:

— Вот та земля, которую с 1775 года после Кука ни одна человеческая нога не посещала. С этими мыслями спустился я в кают-компанию, чтоб кончить вычисления некоторых на-блюдений.

Вскоре после меня сошел сверху капитан-лейтенант И. И. Завадовский и сказал мне:

— К нам идет с берега бот под парусами.

— Знаю, Иван Иванович, это Павэл и Вергиния едут к нам со своего необитаемого острова, — отвечал я, полагая что Завадовский шутит.

— Вы не верите, а я говорю правду. Бот идет к нам с берега под английским флагом.

— О, так это должен быть пакетбот, посланный к нам с письмом из Европы.

— Посмотрите сами и увидите.

Зная, что И. И. Завадовский неправду никогда настоятель-но не утверждает, я поверил его словам и, поднявшись на-верх, действительно увидел, что довольно большой бот к нам приблизился.

Мы легли в дрейф *. Бот сделал то же, и четверо промыш-ленников пристали к шлюпу на маленьком китобойном ялике ⁸⁷.

* Лечь в дрейф — значит остановить ход корабля, расположив па-руса так, чтобы одни влекли вперед, а другие назад и чтоб действие одних уничтожалось другими.

Трое из них вошли на шлюп «Восток». Сначала я не хотел верить, чтоб в этих холодных местах можно было найти людей. Каково же было мое удивление, когда один из прибывших на шлюп промышленников сказал нам на чисто русском языке:

— Здравствуйте, господа! Поздравляю вас с приездом.

Это было для меня чудом, но не мечтою, потому что я сам говорил с ним и узнал от него, что он прибыл туда из Англии, за четыре месяца до нашего прихода, для ловли морских слонов. Они вышли к нам из залива Марии, где стоят у них два трехмачтовые судна. Из этого главного своего пристанища разъезжают они по всем бухтам.

Промышленник, знавший русский язык, называл себя пруссаком, и, по словам его, он выучился говорить по-русски в бытность свою в Санкт-Петербурге, в Риге и в Архангельске.

Капитан Беллинсгаузен почитает его русским матросом, бежавшим во время пребывания наших военных кораблей в Англии, но нам он в этом не признавался. Между прочим, он сказывал, что на острове в свежей воде они не нуждаются, потому что в заливе Марии протекает очень большой ручей; растительность там ничтожна и ничего нет, кроме какой-то соломы и мхов; четвероногие там не водятся.

Итак Форстер ошибся в своем заключении: Патагония и Огненная Земля далеки еще от того состояния, в каком находятся Швеция и Норвегия, а между тем предприимчивая промышленность заставляет два корабля и на каждом по 45 человек экипажа ежегодно переплывать через Атлантический океан и проводить большую часть года на бесплодных скалах Новой Георгии и там посреди ежедневных туманов спать под опрокинутыми лодками и греться у огня, разведенного шкурами пингвинов и жиром морских животных.

Посетившие нас промышленники не одной Георгией ограничивают свой промысел, но иногда достигают до Сандвичевей Земли, где они видели извержение пламени из двух сопок. Капитан приказал нашим новогоргиевским знакомцам дать по чарке водки и сказал им, что нам пора уже продолжать свое дело. Они выпили за наше здоровье, пожелали нам счастливого пути и отправились к своему снежному острову.

Во весь этот день и в следующий за ним на шлюпе «Восток» занимались снятием на карту юго-западного берега Новой Георгии, а как капитан Беллинсгаузен первый подробно обозрел и описал этот берег, то он и назвал примечательные места его именами своих спутников.

Так, на карте его⁸⁸ найдете мыс Порядин, мыс Демидов, остров Анненков, залив Новосильский, мыс Куприянов. Другие четыре острова: Виллис, Птичий, Пикерсгиль и Купер названы так капитаном Куком, два последние в честь двух его

офицеров, а первый в память и в поощрение матросу, прежде других увидевшему этот остров. Капитан Кук не описывал юго-западный берег Георгии и не был близ острова Пикерс-Гилля, но усмотрел его издали.

В самом деле вид острова короля Георга весьма печален. Волны с шумом дробятся о каменистый берег его, на котором в диком беспорядке разбросаны гранитные обломки гор.

В заливах гнездились ледяные глыбы, а возвышенные места покрыты вечным снегом, на скалах резкий переход от белизны снега к черному грунту земли или камня, а облака, венцеобразно вьющиеся на остроконечных вершинах гор, делают эту дикую картину еще разительнее.

Во время двухдневного плавания нашего близ этих берегов температура воздуха переходила от $+4^{\circ}$ до $+2^{\circ}$ Реомюрова термометра. Густой туман беспрестанно то покрывал берега острова, то опять рассеивался, то обращался в дождь или снег.

Шлюп «Мирный» мы беспрестанно теряли из виду; иногда так далеко он отставал от нас, что не отвечал на наши пушечные сигналы.

Между тем ветер делался крепче и разводил большое волнение. Наконец, 17 декабря капитан Беллинсгаузен, окончив гидрографическую съемку, приказал делать сигналы «Мирному», чтобы он следовал за «Востоком» по направлению к северной оконечности Сандвичевой Земли, которую капитан намерен был осмотреть с восточной стороны, потому что открывший эту землю капитан Кук обозрел только западную его сторону. Издали мы видели Клерковы камни, открытые Куком.

В первые пять дней по отплытии нашем от Новой Георгии с нами ничего особенно примечательного не случилось. Температура воздуха колебалась между 0° и $2\frac{1}{2}^{\circ}$. Ветер по большей части был сильный и разводил большое волнение, но когда и утихал, тогда взволнованное море продолжало еще сильно колебать наши шлюпы. Дождь и снег часто повторялись. Солнце то покрывалось облаками и туманом, то опять являлось и позволяло нам делать необходимые астрономические наблюдения, а обычные в тех местах густые туманы то расстилались по горизонту и скрывали от нас пунтика нашего, то опять рассеивались, и тогда появление шедшего за нами шлюпа «Мирного» столько же было для нас радостно, как свидание с другом. Но и здесь не один «Мирный» следовал за нами, прежняя свита продолжала окружать нас: дельфины, акулы и киты в море, а фрегаты, альбатросы, петрели и бурные птицы в воздухе. К ним присоединились

еще пингвины; они плавали и ныряли перед нами с великой быстротою, кружились около шлюпа, несмотря на скорый ход его, и кричали диким, пронзительным голосом. А когда случилось нам проходить мимо льдины, тогда пингвины фрунтом стояли на льдине и своим обычным криком приветствовали наше шествие. И нельзя же иначе: это природные жители тех мест, а потому они обязанностию почли встречать и провожать нас с честью.

Это еще не настоящее Ледовитое море, однакож плавающие ледяные острова начали нам встречаться: одни из них имели вид огромного здания, другие возвышались над поверхностью моря почти на 26 сажен, а прочие ничего особенного в себе не заключали. Но вдали к югу мы видели с помощью труб, что льды там были чаще.

Имея целью идти прямо к Сандвичевой Земле, как Беллингаузен на сей раз не углублялся далеко к югу и 22 декабря увидели мы остров, но он был еще далеко от Сандвичевой Земли, не близко и от острова Сретения. Это был новый остров — первое открытие шлюпа «Восток». Капитан назвал его именем лейтенанта Лескова. Весь этот день был пасмурный; мрак тумана расстилался по поверхности моря и часто скрывал остров от глаз наших. Мне удалось, однакож, взять близ полуденную высоту солнца, которая доставила нам возможность определить географическую широту острова.

Вечером долго я был на шканцах. Луна блистала из облаков; несколько звезд сверкали над горизонтом, но все небо опять покрылось густым туманом.

Следующий за этим день был для нас счастливее: мы открыли еще два довольно большие острова, и солнце, являясь на безоблачных местах неба, дозволяло нам поутру, в полдень и вечером сделать астрономические наблюдения, нужные для верного определения географического положения вновь обретенных островов, из которых первый по порядку открытия назван Высоким [Торсона; см. прим. 27. — *Ред.*], а другой — именем капитан-лейтенанта Завадовского.

После полудня мы близко подошли к острову Завадовского и заметили, что гора, в середине его находящаяся, извергала густой дым, который до того времени мы принимали за облака. От этого дыма на шлюпе слышен был серный запах. А на другое утро, когда рассеялись облака, окружавшие эту гору, ясно уже приметно было, что дым шел из жерла сопки, находящейся не на самой вершине горы, а в боку на двух третях высоты ее. В 9 часов утра И. И. Завадовский, Демидов и я отправились на шлюпке на берег острова Завадовского, и на половине пути нашего к нему нас встретили пингвины и, быстро плавая и ныряя, сопровождали нас до самого берега. Некоторые обгоняли нас, приплывали к берегу и

Острова маркиза де Траверсе: Лескова, Торсона, Завадовского.

Из альбома рисунков художника П. Михайлова.

выходили на него, как будто с известием о нашем появлении; другие бросались с берега в воду, подплывали к нам и опять возвращались на берег, как будто с удостоверением верности донесения первых.

Казалось, что шлюпка наша, к ним плывущая, занимала как пингвинов, так и птиц, их окружающих.

Чайки, утки, альбатросы и курицы Эгмонтской⁸⁹ гавани летали почти над головами нашими. Но в этом тревожном движении обитателей и соседей острова Завадовского приметно было только любопытство и удивление, но не страх.

Птицы часто садились на воду не далее, как в двух шагах от нас, так что один матрос едва не убил утку веслом, но она успела нырнуть и в глубине моря спаслась от удара. Подъехав к острову, мы нашли небольшую пристань, но по причине сильного волнения с трудом могли выйти на берег. Миллионы пингвинов стояли на земле один подле другого, и прохода не было от тесноты. А так как они в первый раз видели человеческие фигуры, то прибытие наше не возбуждало между ними никакого беспокойства. Мы должны были употреблять силу, чтоб пройти через бесчисленные ряды их на средину, где их было очень мало. Они безвредно защищались лапами и носами, но пинки и палки заставляли их дать нам дорогу. После мы узнали, что была очень важная

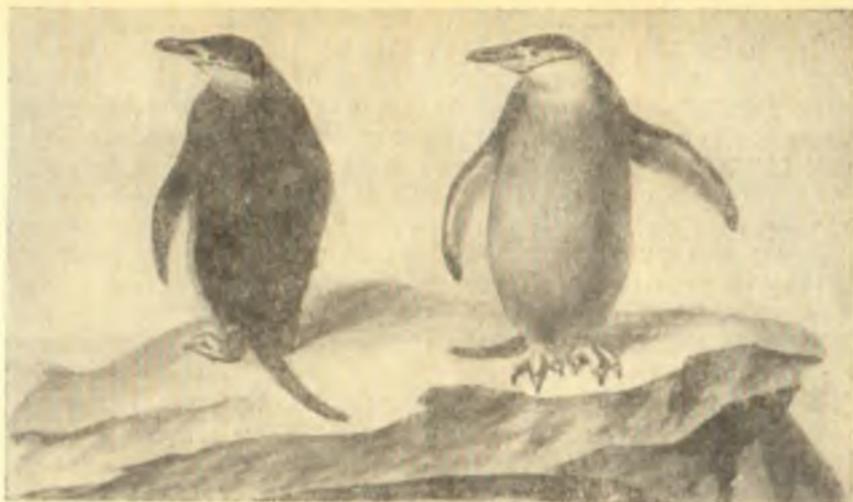
причина их упорства. Пингвины по близости к берегу вырывали ямки, клали в них яйца, и в то время, как мы вышли на остров Завадовского, самки выводили детей.

Там мы видели два рода пингвинов. Общий вид этих морских пальмоногих нырков ближе всего подходит к гагаре: они так же дурно ходят, а летать совершенно не могут, так же стоят вертикально на своих коротеньких бланжевых* лапах. Они назначены для того, чтоб большую часть жизни своей проводить на море, питаться рыбою и морскими растениями, а потому крылья их лишены способности держать на воздухе, помогают им нырять и плавать с великой быстротой. Перья на крыльях очень коротки, так что с первого взгляда походят на чешую. На прочих частях тела их перья немного длиннее, но вообще очень жестки. Спинка и верхняя сторона крыльев у них бурые с голубыми крапинками, а на прочих частях тела перья белые, хвосты бурые, короткие и к концу тонкие. Когда они на воде, то спина их отливается блеском черного, а грудь белого венецианского атласа. Из двух пород пингвинов, виденных нами на огнедышащем острове Завадовского, одних мы назвали простыми пингвинами, потому что они меньше других и проще наружностью: нос у них черный, острый, с загнутым вниз верхним концом, голова круглая, гладкая, глаза соломенного цвета с черным зрачком; на белой шее черная узенькая полоска проведена, как ожерелье.

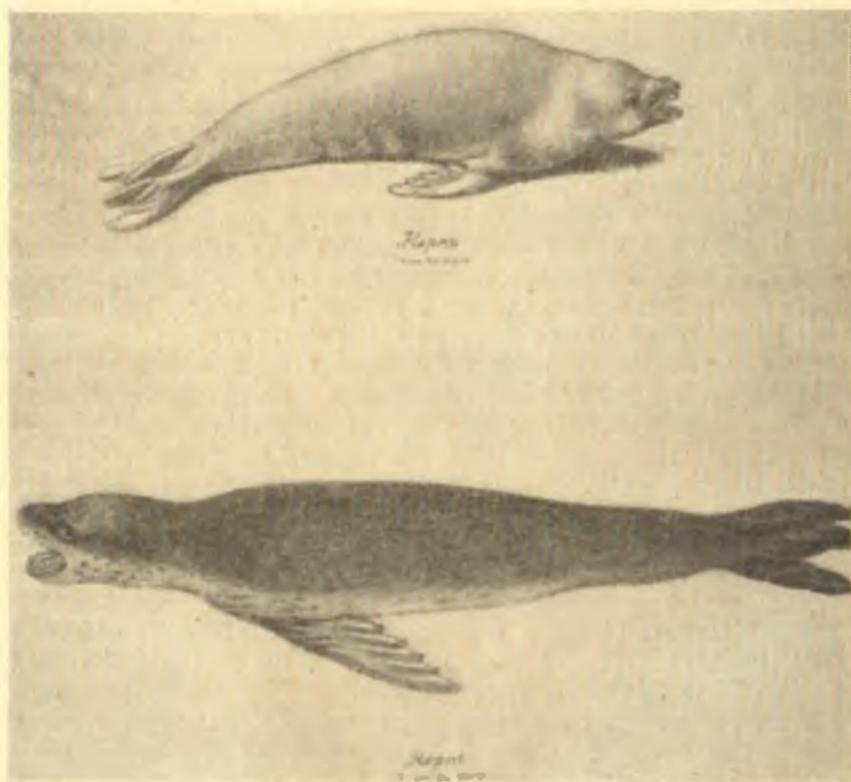
Другую породу мы прозвали мандаринами. Они красивее простых, нос у них красный, голова украшена оранжевыми перышками наподобие золотого венка; глаза красные с маленьким черным зрачком, шея поразительной белизны без черного ожерелья. Сколько я видел и наблюдал, то мне казалось, что каждый пингвин обеих пород высиживал одно яйцо крупнее лебединого и несколько синеватого цвета. Каждая порода пингвинов сидела особыми толпами и редко смешивалась между собою⁹⁰.

Пробившись через толпы неподвижных пингвинов, мы поднялись на гору до такой высоты, где жерло сопки было почти перед глазами нашими, и видели, как дым клубами выходил из пропасти, без извержения огня и лавы. Далее войти на гору было невозможно, как по крутизне ее, так и по сыпучести прежней, как кряж, мелкой лавы, которая на всяком шагу осыпалась под ногами нашими и влекла нас вниз. Измученные многими попытками войти выше, мы принуждены были возвратиться вниз, собрав несколько кусков лавы и камней. Вместе с этим минералогическим собранием мы привезли на шлюп множество живых пингвинов, которые на гладкой палубе шлюпа переваливались с ноги на ногу,

* Кремовый или «телесный» цвет. — *Ред.*

Пингвины.

Нерпы.

Из альбома рисунков художника П. Михайлова

забавляли нас своей неловкой походкой. Впрочем, они сами чувствовали, что шаги очень мало подвигали их вперед, а потому старались более прыгать обеими ногами вдруг. Но и этот способ ходьбы не всегда был удачен, и часто, потеряв равновесие, они падали: в таком случае, чтоб не ушибать свою грудь, они упирались носом в палубу. Настреленные дорогой с острова на шлюп курицы Егмонтской гавани доставили нам к святкам свежую дичину, из которой жареная вкусом имеет сходство с дикой уткой.

Группа, состоящая из трех вновь открытых островов: Завадовского, Высокого и Лескова, названа начальником нашей экспедиции по имени министра морских сил островами маркиза де-Траверсе.

В день рождества христово, 25 декабря 1819 года, капитан принимал на «Восток» с «Мирного» командиров его — М. П. Лазарева с некоторыми офицерами и со священником экспедиции. По приезде их была отслужена у нас обедня и совершено молебствие с коленопреклонением [по случаю годовщины] избавления России от нашествия иноплеменных войск.

М. П. Лазарев со своими офицерами остались у нас обедать. Матросам для праздника приготовлены были, между прочим, русские щи из кислой капусты и свежей свинины, после обедни каждому служителю розданы были по полкружки пива, а в четыре часа по стакану пунша с ямайским ромом, с сахаром и с лимоном.

Бодро моряки наши готовились итти к мрачному югу, где частые ледяные массы издали грозили нам гибелью. Весело проводили мы этот день в приятной беседе прекрасных наших спутников, среди первых успехов нашего плаванья, ввиду первых наших открытий: но грустно было расставаться с нашими гостями, может быть, надолго и, может быть, навсегда...

На другой день после рождества христово мы продолжали описывать острова маркиза де-Траверсе. На третий — прошли мимо трех маленьких островов, названных Куком островами Сретения.

В пятый день святков мы приблизились к самому северному острову Сандвичевой Земли, который назван был капитаном Куком именем друга его Сандерса.

Английский мореплаватель шел в тех местах с юга, и там, в южной широте $59^{\circ}26'$ и в западной долготе $9^{\circ}33'$, он увидел берег, названный им Южным берегом, потому что он был южнее всех тогда известных берегов.

В то же время он увидел три черные каменные утеса с пещерами и один из них с остроконечною горою, которую Кук назвал пиком Фризелланда, а из-за горы открылся ему высокий берег, названный им мысом Бристоль. После того он открыл еще берег, названный им мысом Монтегю, и на-

конец остров Сандерс, к которому мы подошли почти через 44 года после него.

Капитан Кук почти уверен был, что он открыл берег весьма обширного острова. Он думал, что берег южный и мыс Бристоль соединены землею, хотя ясно он того не утверждал, а о соединении мыса Бристоль и Монтегю он прямо уже выражается, что между этими двумя мысами местами виден был берег, и, вероятно, они им соединены. Но вместе с тем признается, что сколько бы он ни желал узнать об этом с точностью, однакож по причине непрерывных туманов не мог подвергнуть себя опасности ближе подойти к берегу, которого все заливы наполнены льдами, все горы от вершины до самого моря покрыты глубокими снегами, и где не видно было никакого пристанища. Хотя Кук самую северную оконечность Сандвичевой Земли и называет островом Сандерса, но он не был уверен, действительно это отдельный остров или составляет оконечность большого острова. Надобно вспомнить, что сказали в своих описаниях об этом плавании сам Кук и сотрудник его, известный естествоиспытатель его экспедиции Форстер, чтоб судить, почему знаменитый мореплаватель, не исследовав подробно группу островов, названную им Сандвичевою Землею, поспешил от них удалиться.

Вот что повествует об этих южных местах Форстер.

«Разнообразные опасности, которым мы с некоторого времени непрестанно были подвержены, требовали усиленных трудов и новых беспокойств. Мы достигли немного далее 60° южной широты, а уж простудные болезни начали показываться. Ртуть в термометре стояла на точке замерзания, и эта степень холода, беспрерывные густые туманы, дожди и мокрый снег не могли способствовать к сохранению здоровья. Когда начальник наш поворотил к северу, тогда каждый из нас думал, что время терпения скоро пройдет, но эта надежда наша осталась тщетною».

Далее, изображая картину тех мест, Форстер говорит:

«Приближаясь более, увидели мы, что берег понижался к морю и состоял из груды камней, представляющих нестройный беспорядок хаоса. Кажется, что эти ужасные места не могли даже служить убежищем и тем водоземным, которые населяют остров Георгию».

И вот что пишет Кук в повествовании о втором плавании своем в главе, относящейся к обретению Сандвичевой Земли:

«По непрестанным опасностям, которым подвержено плавание в этих местах, никто еще не осмелился пройти так далеко, как я, далее же идти было невозможно. Читатель может представить, как ужасно простиралось плавание среди гро-

мадных льдов и непрестанно густых туманов, при несносном холоде, при сильных дождях и при снеге. Страшный вид обретенных нами берегов еще более увеличивает ужас. Эти земли, лишенные природой теплотворного действия солнечных лучей и осужденные оставаться в вечных снегах и льдах, были непреступны, ограждены ими на дальнейшее пространство.

При таком объяснении моем, продолжает Кук, читатель, конечно, не будет ожидать меня далее к югу. При всем желании моем более приблизиться к полюсу, безрассудно было бы подвергнуть опасности все плоды многочисленных наших обретенных, единственно для ближайшего обозрения берега, которого точное описание не может принести никакой пользы ни мореплаванию, ни географии и никакой другой науке»⁹¹...

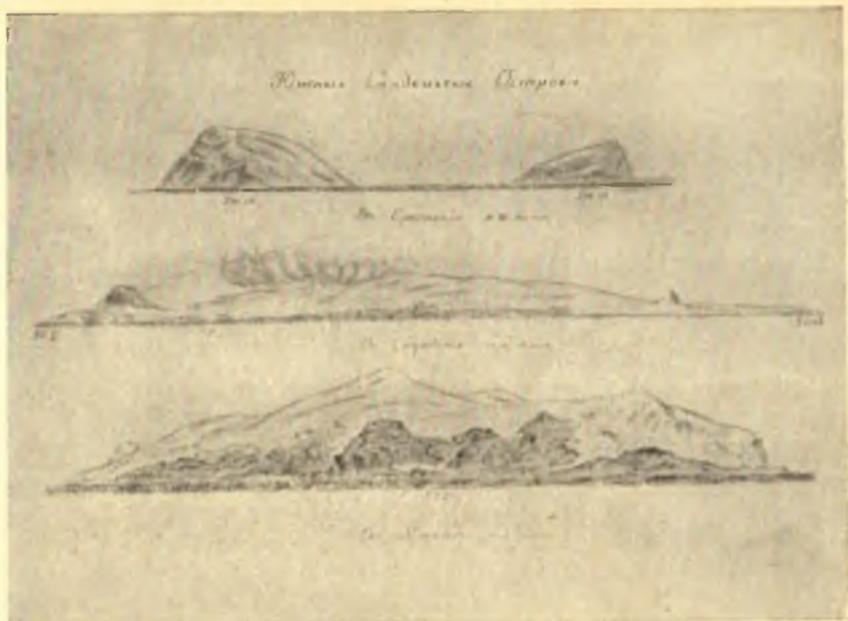
Однакож мы проникли в этот страшный юг до широты 60°25', то-есть на 36 верст далее Кука, и притом на восточной стороне островов, названных Куком Сандвичевой Землей, подходили близко к ним, с точностью определили их место, вид и величину и нашли, что берег Южный, Бристоль, Монтегию, так же как и Сандерс, составляют группу отдельных островов, из которых самый большой остров Монтегия заключает менее 45 верст в окружности.

К описанию Кука и Форстера пустынных берегов Южного Сандвича я могу присовокупить, что через 44 года после них мы нашли там тот же нестройный беспорядок хаоса, как выразился Форстер, те же опасности, какие встретил Кук, и тот же холод температуры воздуха, стоящей на точке замерзания. Мрак туманов, дождь и снег беспрестанно сменяли друг друга. Одно утро только было ясное, а когда облака, покрывавшие вершину горы острова Сандерса, развеялись, то мы увидели при свете солнечном, что гора эта расстилалась по воздуху густой дым, извергаемый огнедышащим жерлом ее. После того, чем далее углублялись мы к югу, тем погода делалась мрачнее, а льдяные массы встречались нам чаще и огромнее. Я сказал уже, что мы обозревали Южные Сандвичевы острова с восточной стороны, а тут именно и льды скопились несравненно в большем количестве, нежели на западной стороне, где проходил Кук.

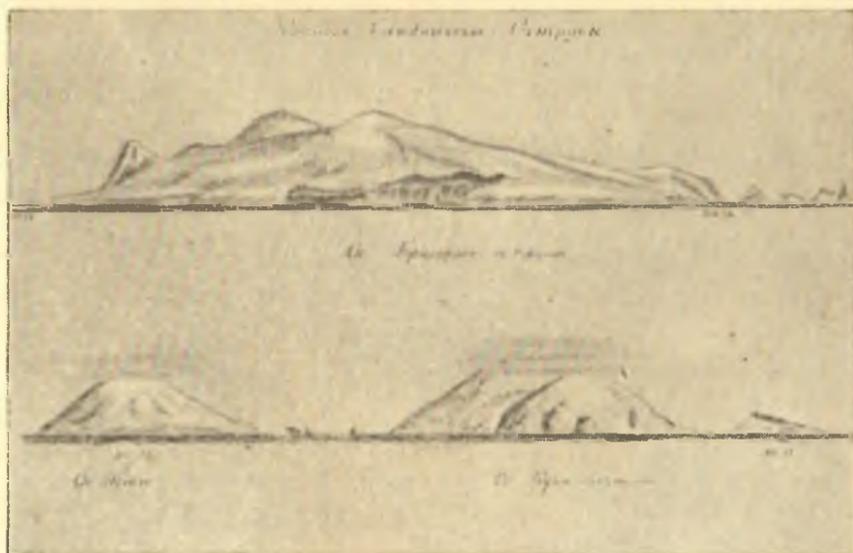
* * *

1 января 1820 года. В 6 часов утра офицеры и чиновники шлюпа «Восток» один за другим собирались в кают-компанию, приветствовали друг друга с Новым Годом и желали нового счастья. Потом пошли мы все к нашему путеводителю, и каждый сказал ему, хотя в различных выражениях, но почти одно и то же.

— Поздравляем вас, Фаддей Фаддеевич, с Новым Годом и желаем вам новых успехов и громкой славы.

Южные Сандвичевы острова: Сретенья, Саундерс, Монтегю.

Южные Сандвичевы острова: Бристоль, Туле, Кука.

Из альбома рисунков художника П. Михайлова

— Трудно она достается, господа, а скоро и еще труднее нам будет, поэтому я, во-первых, пожелаю вам благополучно возвратиться в любезное отечество, а добрую славу будем заслуживать терпением, трудами и усердным исполнением воли пославшего нас. Итак, помолимся богу, да послужим государю. Вперед, господа!

— Вперед! — отвечали все единогласно в знак сочувствия к словам капитана.

Между тем, как мы пили чай, слышен был наверху пушечный выстрел: это значило, что «Мирный» исчез из вида и «Восток» подавал ему голос, для указания своего места. С «Мирного» ответа не было.

Когда мы взошли на шканцы, то увидели, что шлюп «Восток» окружен был плавающими льдинами в близком расстоянии и густым туманом. Рев волн, дробящихся о ледяные массы, сливался с пронзительным криком пингвинов. В 8 часов утра к этим диким звукам присоединился грохот пушек, подававших со шлюпа «Востока» туманный сигнал «Мирному» с тем, чтоб он показал свое место такими же выстрелами. Ответа не было. Между тем вахтенный лейтенант, стоя на баке, со вниманием всматривался во всякую льдину, к которой мы приближались, и беспрестанно командовал рулевому то придерживаться круче к ветру, то спускаться под ветер, чтоб избежать губительной встречи с плавающими льдинами. На средней мачте сидел матрос и считал окружающие нас льдины.

— Сколько насчитал? — спросил его один из офицеров.

— На одной стороне тысячу, а на другой еще не считал, — отвечал матрос с салинга*.

Капитан Беллинсгаузен задумчиво ходил по шканцам взад и вперед: не страх волновал душу бесстрашного мореходца — в этом всякий из нас был уверен, но без сомнения им преобладала дума об исполнении его долга, о славе и чести русского флага, и, может быть, он в мыслях своих согласовал свое личное самоотвержение с высокою ответственностью за жизнь вверенного ему экипажа. Но никакие глубокие думы не отвлекали его опытного взора от окружающих нас опасностей и в крайних случаях он приказывал повернуть на другой галс.

Во время поворота, от потрясения такелажа, градом падал с него лед, покрывавший все снасти, смоченные дождем и туманом и потом покрытые гололеდიцей, которую служители беспрестанно околачивали на вантах.

* Салингом называется площадка, сделанная под второй стеньгой (коленом) мачты, на которую обыкновенно посылаются матросы, если нужно что-нибудь рассмотреть вдали горизонта.

В полдень проглянуло солнце, и полуденная высота его показала нам, что мы находимся в южной широте $56^{\circ}51'$. Это почти градусом меньше Санкт-Петербурга, а между тем ртуть в термометре нашем стояла на точке замерзания. Конечно, под этой широтой где-нибудь в обширной России было, может быть, и 40° мороза, но не должно забывать, что у нас на севере январь месяц есть середина зимы, рождественские и крещенские морозы у нас знамениты, а на Южном полушарии январь соответствует самому жаркому у нас июлю месяцу. Как же велик бывает мороз на острове Монтегу, например, в зимние месяцы, то-есть в июле и в августе, но об этом предмете я намерен распространиться подробнее по окончании нашего плавания близ Антарктического полярного круга.

Лучи солнечные рассеяли туман, и перед нами открылся «Мирный», который за шумом волн и ветра не слышал наших выстрелов.

На другой день описаны были в подробности острова Бристоль и Южный. Последний состоит из одной скалы и трех небольших, но высоких и неприступных островов, из которых средний назван капитаном Беллинсгаузенем именем Кука, а другой от самого Кука получил название Южного Тюле [Туле], потому что древние именем Тюле (*Ultima Thule*) называли северный край земли.

Между тем встречающиеся с нами льдины постепенно увеличивались как в объеме, так и числом их. Мы проходили под ветром мимо одного плавающего ледяного острова, имеющего в длину и ширину более пяти верст, а в высоту около пяти сажен над водою. Эта высота ничтожна в сравнении с другими льдинами, которые мы и прежде и после того видели, но я об ней упоминаю для того, чтоб показать, какое они пространство часто занимают.

Наконец мы зашли в такую чашу мелкого льда, что он начал царапать медную обшивку шлюпа и срывать головки гвоздей, ее прикреплявших. Повреждение оттого только было невелико, что шлюпы шли покойно и не было волнения.

Проникнув на юг более нежели градусом далее Тюле, мы искали там продолжения гряды Сандвичевых островов, которая тянется от Фолклендских островов через острова Авроры, Южной Георгии, Клерковы каменя, острова Маркизаде-Траверсе и Сретения. Но когда шлюп «Восток» дошел уже до того предела, где не было возможности проникнуть далее к югу, то сверху мачты, при ясном небе, на пространстве 70 верст не видно было никаких следов новых островов или скал, над поверхностью моря возвышающихся. Перед нами открылась к югу и к западу одна непрерывная масса льда. Это обстоятельство и окружающая нас опасность заставили

Начальника экспедиции выйти из тесного лабиринта льдов обоих островов и пробираться между большими и малыми льдинами по западную сторону Сандвичевых островов, пройти между островами Бристолем и Монтего к востоку.

Мы оставили холодный и опасный Сандвич, и это была последняя земля, которую мы видели в продолжение первой половины наших поисков в Антарктическом Ледовитом море.

Но опасности нас не оставляли: мы беспрестанно проходили между множеством ледяных островов, и вахтенный лейтенант должен был иметь самую напряженную бдительность, чтоб, уклоняясь от них во-время, действовать рулем, а потому он редко сходил с носовой части шлюпа.

Идучи к востоку между 59° и 60° широты, мы увеличили наш кабинет естественной истории, застрелив лежащую на льдине нерпу (Phoque Commun). Это водноземное * животное подстрелено было офицерами «Востока» и «Мирного» в одно время.

Недолго мы шли к востоку. С 10 января капитан Беллинсгаузен, воспользовавшись хорошею погодою, пошел на юго-восток, а потом, заметив, что зыбь от бывшего волнения продолжалась с юга, он заключил, что на юге менее льду, нежели сколько перед этим мы встречали, велел поставить все паруса и пошел за полярный круг. 16 января 1820 года в полдень мы были уже в 69°22' южной широты и в 15°25' [2°15' западной долготы] восточной долготы. В этом опасном Антарктическом холодном поясе земли, между ветров, снегов и туманов, посреди бесчисленного множества льдин, блуждали мы около 9 дней. Несмотря, однакож, на трудность опасного положения нашего, мы пригласили к себе командира и офицеров шлюпа «Мирного» однажды обедать у нас, и, пробыв до XI часов вечера, между рассказов о наших опасностях и приключениях, М. П. Лазарев довел до сведения капитана, что шлюп «Мирный», проходя в тесноте между ледяными островами и мелким льдом, набежал на довольно большую низкую льдину и ударился так сильно, что все выбежали наверх.

Шлюп «Мирный» был значительно поврежден и требовал починки, но, к счастью, удар воспоследовал в такое место, где твердое укрепление предохранило шлюп от течи и от близкой его гибели.

Капитан Беллинсгаузен делал еще две попытки углубиться как можно далее к югу во время текущего лета. Первую — 6 февраля, достигнув до 69°6' широты, в восточной долготе

* Симонов неправильно применяет этот термин. Земноводные (амфибии) — это лягушки, саламандры, тритоны и др. Нерпа (тюлень) относится к млекопитающим. — *Ред.*

43°32' [15°52']*, а вторую — 14 февраля, доходя только до 66°49' южной широты, в восточной долготе 59°6' [41°26']. И всякий раз встречали мы в этих местах непроницаемые льды, туманы, мокрый снег и холод до 4° Реомюра. Между тем М. П. Лазарев объявил начальнику экспедиции, что, если плавание наше будет продолжаться еще долго, то он останется без дров; такой же недостаток и на «Востоке» начал оказываться. По этой причине и потому еще, что ближайшая гавань, где можно застать дровами и свежими съестными припасами, Порт-Жаксон, была от нас в расстоянии более 6 тысяч верст, капитан Беллингаузен счел полезным выйти из близ полярных широт, где господствовали восточные, противные нам ветры, и приближаться к северу до той параллели, где встретить первый попутный ветер, по направлению к востоку. С этим ветром он предположил идти к южной широте 61° до восточной долготы 105°, чтоб осмотреть ту часть Ледовитого моря, где никто еще не был. Капитан Кук предоставил это будущим мореплавателям, а сам пошел к северу для отыскания Квергеленовой земли, которую многие почитали тогда мысом Южного материка⁹².

Достигнув этой цели, мы ничего нового не открыли, а между тем во время 104-дневного плавания нашего от Рио-Жанейро, в местах по большей части сырых и холодных, где беспрестанно мы видели туман или дождь, шел мокрый снег, шлюпы проникнуты были такою сыростью, что хороший климат был для нас необходим. Хотя для предохранения здоровья, находящихся на шлюпе людей, капитан приказывал для просушки в палубах, где жили служители, разводить в железных печах огонь, офицерские каюты просушивать калеными ядрами, а кают-компанию каминами, но во время сильной качки такую меру употреблять было невозможно.

И это не помешало бы нам попытаться еще раз проникнуть далее к югу, тем более, что здоровье офицеров и служителей было в лучшем состоянии, но непрерывные снега, темные ночи и приближение равноденственных бурь, решительно заставили капитана оставить большие широты и идти в Порт-Жаксон. Когда капитан победил свое сильное стремление идти к югу, тогда он призвал к себе М. П. Лазарева и сказал ему, что близ пересечения пути капитана Кука шлюпы должны разлучиться: «Мирному» должно идти по параллели на 2½ и на 3 градуса южнее пути капитана Фюрно, приближаясь к восточной долготе 152° [134—135°] войти в

* Следует считать, вместо 43°32' только 33°32': это соответствует (в системе меридиана Ферро) 15°52' по Гринвичу, что показано во втором издании труда Беллингаузена. Это — единственное расхождение между двумя авторами. Интересно, что рукопись дает восточную долготу, а в первом издании труда Беллингаузена было поставлено «западной» и исправлено на восточную лишь во втором издании 1949 года. — *Ред.*

южную широту 49°30', продолжать плавание по этой параллели к востоку, дабы осмотреть остров Компанейский, означенный на Аросмитовой карте⁹³ в южной широте 49°30' и восточной долготы 160°44' [143°04']; потом, обозрев пространство от этого острова до южной оконечности Вандименовой земли, итти в Порт-Жаксон. Шлюпу «Восток» назначено было плавание севернее пути капитана Кука, также на 2½ или на 3 градуса, чтоб оба шлюпа перешли и обозрели пространство моря по долготы за 55° по широте на 8°, которое еще никем из известных мореходцев не было осмотрено. Приближаясь к Компанейскому острову, капитан Беллинсгаузен намерен был осмотреть его и потом итти в Порт-Жаксон.

В заключение этой инструкции командиру «Мирного» начальник экспедиции сказал ему: — Когда наступит час разлуки, я дам вам знать об этом по телеграфу.

На другой день после того, 5 марта, капитан потребовал с «Мирного» на «Восток» священника экспедиции, чтоб во время предстоящего пути доставить своему экипажу возможность исполнить христианские обязанности. По прибытию священника телеграф, составленный из различных флагов при семи пушечных выстрелах, возвестил с «Востока» разлуку нашу с неразлучным доселе спутником надолго. С «Мирного» отвечали нам 20 выстрелами, и оба шлюпа, пожелав через телеграф взаимно друг другу счастливого пути, расстались.

Но льды с нами еще не расставались: они долго еще встречались с нами и попрежнему угрожали нам, особливо в темные уже осенние ночи. Одна из встретившихся ледяных мин имела высоты более 50 сажен над водою. Часто во время темной ночи мы узнавали о близкой опасности удариться о льдину по одному только шуму разбивающихся об нее морских волн. Однажды в три часа утра мы вошли в средину множества плавающих льдин, и одно только южное сияние показало нам путь выйти из этой чащи, миновав опасной встречи со льдиной. Такие опасности тем более могли быть для нас пагубны, что, разлучившись с «Мирным», мы были одни без помощи и без надежды на спасение. С приближением к экватору положение наше ежедневно улучшалось, и опасности уменьшались по мере уменьшения окружающих нас льдин. Море хотя и волновалось от бурных равноденственных ветров, но оно и в этом неприятном положении представляло явление обыкновенных морей. Какая разница с тем холодным югом, где всякая минута открывала новые ужасы оледенелой природы. При всем том мне удалось видеть, что и там, близ Южного полюса, в местах, почти лишенных жизни, есть, однакож, жизнь в существах, которые там только и обитают и для которых наши климаты убийственны.

Для них трескучие морозы
Среди родных полярных льдов

Приятнее, чем наши розы
И зелень летняя садов.

Есть в этих местах и красота, и великолепие, и явления, удивляющие человека, и предметы, возбуждающие в нем живые впечатления.

Чтоб живее представить себе общую картину мест, соседственных с Южным полюсом, вообразите на расстоянии многих тысяч верст от земли, обитаемой людьми, два маленьких кораблика, окруженных со всех сторон огромными ледяными массами и таким туманом, что в десяти саженях эти льды едва были приметны. Присоедините к этой картине бурю, взволнованное море и темную ночь.

Спутник наш «Мирный» часто и днем давал нам знать о своем месте только пушечными выстрелами, а льды, о которые можно было разбиться вдребезги, за туманами и мраком скрывали нашу опасность. «Да, бояться было стыдно, — как пишет Ф. Ф. Беллинсгаузен в своем сочинении о нашем плавании около света, — а всякий твердый человек внутренне повторял: Боже, спаси!»

А когда туман и мрак рассеивались, что представлялось глазам нашим? Опять волнующееся море, облачное небо и ледяные массы... Обширное поле для размышлений! Обильная пища для сильных ощущений!

Не подумайте, однакож, чтоб виды полярных льдин были однообразны и скучны. Совсем нет! Эти мертвые глыбы представляют иногда живые разнообразные картины. Иные подобились огромному зданию или развалинам древнего замка, другие возвышались, как горы с пещерами и водопадами, в которых вода, поднятая волнением с одной стороны, каскадом падала в море — с другой, иные имели вид моста или триумфальных ворот; некоторые, приняв очертания чудовищного зверя, плавали, как нептуновы тритоны; одна льдина была подобна турецкому дивану с загнутой спинкой и украшенно-му резной работой.

Не подумайте, чтоб удовольствие наше ограничивалось тем, что мы, за неимением лучшего, только любовались мертвым разнообразием ледяных масс, как кристалльными замками Шахерезады. Нет! В ясное время, при спокойном ветре и других благоприятных обстоятельствах, мы тешились иногда забавной охотой. Опишу вам и это препровождение времени на одном кристалльном острове чистого небесноглубого цвета. Эта глыба льда была невелика: на нем сидело множество королевских пингвинов. Они отличались от двух, прежде мною описанных, пород тем, что грудь и шея их украшена яркими тенями от оранжевого до палевого цвета. Я с одним из друзей моих подъехал к льдине на ялике, и мы нашли на вершине ее прекрасный грот, которого стены были гладко покрыты снегом, как чистым алебастром. Сначала мы окинули взором всю окрестность морскую. Боже мой! Как ничтожны показались нам шлюпы «Восток» и «Мирный», на которых

двести отважных моряков под начальством двух опытных мореходцев удалились в пустынные места моря и льдов, на 12 тысяч верст от своей отчины. Мы стояли на плавающем обломке льда среди грозного и обширного океана, окруженные со всех сторон бесчисленным множеством больших и малых льдин, из которых каждая готовила нам гибель и смерть. Мертвая природа оживлялась только толпящимися около нас пингвинами и летающими над головами нашими бурными птицами и альбатросами. Мертвая тишина нарушалась только карканьем птиц и шумом волн, разбивающихся об льдины. Мысли наши перенеслись ближе к полюсу, где века протекли в совершенном однообразии, где нет перемен года, нет перемен дня, где виденная нами картина продолжается от сотворения мира и будет продолжаться до конца его. Солнце там светит, но так же слабо и так же бесполезно для годовых перемен, как полная луна. Оно светит там в продолжение шести месяцев и настолько же временами скрывается под горизонтом, но день там мало разнится от ночи и лето, вероятно, мало разнится от зимы.

Пингвиная охота рассеяла наши мысли. Для этой ловли нам не нужно было запастись ни сетями, ни силками, ни огнестрельным оружием: мы просто брали за шею стоящих подле нас пингвинов и клали в большой мешок. Сначала они безвредно защищались своими длинными носами, потом искали спасение бегством, но на первом шагу теряли равновесие, падали и ползком хотели избегнуть от похищения. Мы часто и сами падали вместе с ними на льдину и со смехом наполняли мешки этой дичиной. Немногим пингвинам удалось броситься в океан с крутизны льдины, но мы не успели еще от нее отъехать, как они вновь взбирались на льдину и забавляли нас уловкой, с какой они принаравливались, чтоб волны помогали им на нее кинуться. Некоторые очень ловко хватались за лед когтями и носами, иногда обрывались и падали в море, делали новые попытки и этой забавой поддерживали наш смех и забаву. В этот раз добыча наша состояла из 30 больших пингвинов, которые доставили нам много удовольствия и довольно вкусную свежую пищу.

В другой раз мы подошли к огромному ледяному острову, и чтоб отбить от него несколько кусков льду, для пополнения нашего запаса пресной воды, капитан приказал стрелять в эту льдину пушечными ядрами. Долго она выдерживала нашу канонаду и, наконец, сильно зашаталась. Тут представилась нам прекрасная картина: куски чистого льду падали в море за каждым выстрелом, матросы подбирали их и клали в шлюбки, а киты благородной породы, с важностью испанских грандов, плавали между нами и льдиной, гордо поднимали из воды свои головы; с шумом извергали фонтаны и тихо опять погружались в море. Пушечные выстрелы наши направлены

Айсберги около Южного полюса.
 Рисовал И. М. Симонов. (Приложение к письму из порта Джаксона,
 первый лист.)

Айсберги около Южного полюса.
 Рисовал И. М. Симонов. (Приложение к письму из порта Джаксона,
 второй лист.)

были и на китов, но безуспешно, потому что карронады совершенно неудобны для стрельбы в цель. Гораздо успешнее был наш сбор отбитого льду, который доставил нам на этот раз 49 бочек чистой и вкусной пресной воды. Очень примечательно это действие мороза, что лед, состоящий из горькой, соленой морской воды, не включает в себе тех частиц, которые в ней так неприятны для вкуса.

Эти пустынные и часто безмолвные картины сменялись иногда шумной борьбой двух стихий, и тогда ветер свистел, ударяясь о снасти, вырывал паруса, срывая воду с поверхности моря, и нес ее по воздуху. Волны пенились грядой по всему пространству океана, то поднимались буграми, то глубоко опускались вниз, с шумом и с пеной ударялись о шлюп наш и часто перекатывались через палубу. Шлюп сильно колебался, то поднимался на волны, то погружался в глубину, и мачты его делали часто угол в 35° с вертикальной линией. Море, как бездна, около него клокотало, — страшно было взглянуть на его кипящую пену.

Вид взволнованного океана особенно разителен бывает во мраке ночи: все море, как в огнях, как будто плоск свет блестит из-под воды. Мрак неба и моря, сливаясь и освещаясь фосфорическим светом морских волн, представляет величественную картину. Там на высоте небес звезды то загораются, то скрываются за облаками, а тут из-под руля, как река, протекает фосфорно-светлая и длинная струя. Но как я опишу вид неба, освещенного или, лучше сказать, воспламененного полярным сиянием близ Антарктического круга!

Сначала на южной стороне неба замечены были три столба света Млечного пути, или хвоста большой кометы; блеск их то ослабевал, то опять разливался по небу рекою, имея направление к зениту, близ которого верхние концы столбов иногда загибались, как будто увлеченные движением ветра; иногда светлые столбы вдруг принимали вид дуги, но вскоре дуга исчезала, опять являлись столбы, и такие изменения беспрестанно повторялись до тех пор, как небо покрылось облаками; но в следующие ночи явление было еще сильнее и представляло поразительное зрелище. Из бледных столбов и дуг вытекали большие кисти света, заключающие в себе многие радужные цвета, и в особенности светлорозовый, бледнозеленый и светлофиолетовый. Эти кисти длинными тонкими струями бегали параллельно самим себе по всему небосклону, перебиваясь различными огнями, и покрывали все видимое пространство небесного свода. Каждая игра явления продолжалась 10 минут, потом исчезала, оставляя на небе светлые столбы или дуги, и почти через 10 минут с новою силою опять повторялась.

Небо горит и уже недалеко, говорили матросы. И в самом деле, небо как будто воспламенялось. Никакие потешные

Заготовка льда для питьевой воды.

Из альбома рисунков художника П. Михайлова.

огни не могут сравняться с этим явлением, ни светом, ни яркостью цветов, ни быстротою движений, ни пространством, объятым переливами сияния. Боже мой, думал я, как величественна природа во всех ее проявлениях! А что, если бы северное и южное сияние сливались воедино и продолжались непрерывно над всем пространством верхних слоев нашей атмосферы силою, несравненно большею. Тогда бы, без сомнения, у нас продолжался вечный день, и явление это, сделавшись обычным, не обращало бы на себя нашего внимания. Тогда земля уподобилась бы солнцу, где, по соображениям астрономов, есть и твердая земля, есть и атмосфера, и сверх нее с величайшею силою света продолжается непрерывная игра великолепного, вместе слившегося северного и южного сияния, которое представляется нам в виде светлого шара, называемого солнцем. И действительно, в солнечном свете примечается такое же движение, такое же волнение, какое мы ближе видели в южном земном сиянии. А в местах, где солнечный свет раздвигается, астрономы видят черное твердое тело и атмосферу, подобную нашему воздуху*.

Земное сияние, сравнительно с солнечным, так слабо, что сосредоточивается в двух только, почти противоположных, местах, неправильно называемых магнитными полюсами, и в наших довольно северных странах редко бывает видимо. Нам удалось видеть сильную игру его, вероятно, потому, что мы были недалеко от южного магнитного полюса. Правда, я и в Казани и в Москве несколько раз видел явление, которое называют северным сиянием. Оно представлялось мне в виде прекрасного розового облака, которого довольно яркий свет переливался из места в место. Мне кажется, настоящее северное сияние, так же как и южное, не в таком виде должно представляться. Когда оно слабо, то обыкновенно оно является в виде белых столбов или дуг, как мы видели в первую ночь в Южном Ледовитом море, когда же оно сильно, то должно представляться в виде разноцветных огней, разлитых по всему небу, как мною описано. В особенности мне подозрителен розовый цвет. Не есть ли наше розовое сияние только отражение в атмосфере происходящего над горизонтом северного сияния, как заря, окрашенная атмосферическим воздухом в розовый цвет, есть отражение в нем закатившегося под горизонт солнца. Говоря о полярных сияниях, почитаю необходимым заметить несколько слов, сказанных Беккерелем¹⁰¹ [Беккерелем]** в его любопытном и обширном сочинении о электричестве и магнетизме.

«Араго⁹⁵ заметил, — говорит Бекрель, — что северные сияния, видимые только в Америке, в Санкт-Петербурге и в Си-

* Речь идет, очевидно, о солнечных пятнах. Другие сведения о солнце, приводимые И. М. Симоновым, не соответствуют современной науке.

** *Traité d'électricité et du magnétisme*, Tome 1, p. 387, 388.

Южное полярное сияние.
Из альбома рисунков художника П. Михайлова.

бири, несмотря на огромное расстояние, которое разделяет нас от этих мест, очень приметно действуют на магнитную стрелку, наблюдаемую в Париже. Имеют ли подобные действия на нее южные сияния? Араго, соображая различные наблюдения над южными сияниями *, сообщаемые ему Симоновым, думал отвечать утвердительно, но после он узнал, что в те дни, когда русский путешественник наблюдал сияние близ Южного полюса, подобное явление было и на севере. Следовательно, — прибавляет Бекрель, — наблюдения его не могут привести ни к какому следствию».

А мне кажется, напротив, это ведет к весьма важному заключению, а именно, что северные и южные сияния бывают одновременно. Думаю, что не может быть игры северного сияния без подобной игры южного сияния, и наоборот, потому, что в противном случае не было бы равновесия в действии электрических сил в природе земного шара. Может случиться, что одно из этих сияний слабее другого, но они всегда должны быть одновременны. Эти явления, сосредоточиваясь в магнитных полюсах, должны, по моему мнению, стремиться одно к другому и соединиться на магнитном экваторе, но электричество это, удаляясь от магнитных полюсов, повидимому, до такой степени слабеет, что оно, делаясь не приметно для глаза, свидетельствует о своем протяжении во все пределы земли действием своим на магнитную стрелку. Естественно и то, что северные и южные сияния бывают блистательны у магнитных полюсов и неприметны у экватора, потому что электрические токи земли собираются к полюсам в одну точку и на экваторе раскидываются на пространстве по окружности на 36 тысяч верст. Я сказал выше, что нам удалось видеть сильную игру южного сияния, вероятно, потому, что мы были недалеко от Южного Ледовитого полюса и действительно были в 60° южной широты; мы не очень далеко были от того места, где многие физики и мореплаватели предполагают Южный магнитный полюс **.

Блистательным и восхитительным зрелищем южного полярного сияния мы любовались каждую ночь от 2 по 7 марта 1820 года. Потом небо покрылось облаками, а потом попутный шторм перенес нас в цветущие места Новой Голландии.

ПЛАВАНИЕ В УМЕРЕННОМ ПОЯСЕ ВЕЛИКОГО ОКЕАНА

Во время сорокадневного пребывания нашего в Порт-Жаксоне все приготовления к новому плаванью нашему были окончены; повреждения шлюпов исправлены, провизия заго-

* В сочинении Бекреля сказано над северными сияниями, но это должна быть топографическая ошибка, потому что нельзя назвать северными сияния, когда они были наблюдаемы мною у Южного полярного круга.

** Simondoff, Recherches sur l'action Magnetique de la terre. Kazan, 1845, p. 114.

товлена; больных уже не было, кроме нашего слесаря, упавшего с мачты. И мы 8 мая 1820 года выступили в Великий океан, прозванный Тихим морем *. Но он не оправдал свое проименование и встретил нас неблагоприятно. Едва мы вышли из Порт-Жаксонского залива, нас закачало сильное волнение.

Плавая близ года по разным морям и океанам, я при-вык уже и к бурям и к волнениям, но никогда так дурно себя не чувствовал, как в начале плавания в Тихом море: голова кружилась, тоска тяготила грудь, пища сделалась неприятна. На второй и третий день я испытал настоящую морскую болезнь в первый и последний раз в моей жизни.

Такое неприятное положение наше продолжалось очень долго и в двенадцатый день, по выходе нашем из новоголландской неги, дошло до последней крайности. Мая 19-го числа день был мрачный и очень часто шел дождь; ветер был свежий, а в четыре часа пополудни обратился в шторм и рвал паруса, но к вечеру вдруг затих, отчего на море произошло невыразимо жестокое волнение.

А когда бурный ветер стихает, а разведенное на море волнение еще не успокоилось, в то время паруса лишаются силы, руль теряет действие, и корабль, не повинувшись воле капитана, предается во власть морских волн, медленно двигается по их течению, поворачивается то в ту, то в другую сторону, между тем как сильное волнение продолжает качать его то вдоль, то с боку на бок. Мореходцы называют это безветренное волнение зыбью.

В тот вечер, когда настигли нас в Тихом море безветрие и зыбь, я читал книгу в кают-компании перед лампой, повешенной на цепочке под люком, то-есть под окном, освещающим сверху кают-компанию. Шлюп наш так сильно качался, что цепочка лампы делала с потолком и полом кают-компания угол часто в 55°, вместо прямого. Это значит, что мачты шлюпа уклонялись от вертикальной линии до 35°, более этого уклонения я во все плавание наше не замечал. В одно время я почувствовал тяжелый удар в борт шлюпа и сильное в нем потрясение, вода проливным потоком полилась через люк на мою голову.

— Боже мой! Что это такое? — сказал вошедший в кают-компанию штаб-лекарь Берг.

— Это, Яков Иванович, вероятно, девятый вал изволил перекатиться через борт и пролил свою горькую воду на палубу и на люк, — отвечал я ему, шутя.

Между тем на шканцах сильно засуетились: иные бежали наверх, другие сверху, разумеется те, которые там были не-

* Ошибка — корабли экспедиций вышли из Порт-Жаксона 8 мая. — Ред.

нужны. Никто, однакож, не мог нам сказать, что делалось на верхней палубе. Я хотел узнать об этом на месте и вышел на шканцы. Ночь была так темна, что в двух шагах невозможно было отличить человека. По палубе разливалась вода и катились пушечные ядра, высыпавшиеся из мест своих, называемых кранцами. Офицеры и матросы суетились и деятельно хлопотали всякий по своей должности: одни командовали, а другие на бегу тянули снасти. Я видел, что на этот раз я там был лишний, и ушел в кают-компанию дочитывать свою книгу.

Наконец, мало-помалу, все начало приходить к прежнему спокойствию. Лейтенант Лесков первый вошел в кают-компанию и рассказал мне подробно то незавидное положение, в каком мы в то время находились. Зыбь и боковая качка шлюпа были так сильны, что на подветренный шкафут хлынула большая масса воды, сорвала сетку* и унесла ее в море. Бывший в то время на шкафуте лейтенант Лесков едва не подвергся той же участи: вода вовлекла уже его за борт, но, к счастью, попавшая в руки веревка спасла его от гибели. На палубе налилось воды около фута, а в трюме** прибавилось до 13 дюймов. Когда капитан-лейтенант Завадовский спешил наверх, то вода полилась на него потоком, и он во тьме ночной, облитый с головы до ног, ушиб плечо очень больно. К довершению всех этих неприятностей вахтенный лейтенант донес капитану, что якоря пришли в движение. Капитан приказал укрепить их, но как борт шлюпа почти весь погружался в воду, то эта работа сопряжена была с опасностью жизни. К счастью, вся тревога кончилась без ущерба в людях, что легко могло случиться во время работы в такую темноту и при такой сильной качке.

По инструкции, данной капитану Беллинсгаузену, надлежало идти севернее Новой Зеландии к островам Товарищества и он хотел для исполнения этого плана идти от Новой Голландии прямо к острову Опаро, открытому Ванкувером⁹⁶. Зайдя таким образом восточнее острова Товарищества, капитан Беллинсгаузен намерен был пройти тою частию океана, которую Роговейн⁹⁷ назвал Сердитым морем, и между островами Опасного архипелага***, открытого Бугенвилем. Такие грозные наименования не очень приятны для мореплавателей, но там-то именно капитан Беллинсгаузен надеялся открыть несколько неизвестных островов или мелей и тем принести большую пользу для мореплавания, что и увенчалось совершенным успехом. Между тем прямой путь от Новой Голландии

* Сеткой называется борт корабля, или перегородка, ограждающая от моря часть верхней палубы, заключающуюся между большой передней мачтой, которую называют шкафутом.

** Трюм есть самое нижнее дно корабля.

*** См. прим. 32.

дии к острову Опаро ему совершенно не удался, а потому, потеряв надежду скоро дожждаться благополучного ветра, он решил пройти Куковым проливом и укрыться на несколько дней от дурной погоды в заливе королевы Шарлотты близ северного берега южного острова Новой Зеландии, называемого Тавай Поснумму [Тавай Пунаму].

Скоро увидели мы берега Новой Зеландии, без труда вошли в Куков пролив, но не скоро проникли в залив королевы Шарлотты. Там также встретили нас противный ветер и противное течение, что заставило капитана предварительно бросить якорь, не доходя до островов Длинного и Матуары.

Едва мы остановились на время в этом месте, как две лодки, наполненные жителями острова, отъехали от берега и плыли к нам. Большая часть сидящих на лодке гребла короткими веслами, каждый про себя, без всякого порядка. Подъехав к шлюпу, на передней лодке, вероятно, старший из присутствующих там жителей встал и долго говорил нам нареспев что-то на своем, довольно приятном для слуха, но непонятном нам, языке. Чтоб объяснить им наше дружеское расположение, мы распустили белые платки и показывали им знаки, чтоб они безбоязненно приставали к шлюпу. Не знаю, поняли ли они наши знаки, но нескоро они нам вверились, однако же пристали к борту, и сначала вошел на шлюп один только старший. Он поздоровался с нами пожатием руки и вновь начал говорить что-то очень продолжительное, а капитан, чтоб прекратить его длинную и непонятную для нас речь, подарил ему зеркальце, ножик и несколько пронизок, что очень красноречиво высказало ему наши дружеские намерения, и притом язык подарков понятен для всех народов. Старшина новозеландцев был очень доволен подарками, но ему хотелось получить что-то другое, и усердно толковал нам, что ему нужно «фау», но мы его на этот раз не поняли.

Между тем, приискав в путешествии капитана Кука, что по-новозеландски рыба называется ика, мы сказали это слово старшине, бывшему на шлюпе. Он тотчас понял, что мы желаем получить от них свежей рыбы, и, обратившись к своим лодкам, закричал громко: «ика». За ним и люди, сидевшие в лодках, несколько раз повторили — «ика, ика». При этом казалось нам, что они телодвижением своим выражали некоторого рода удовольствие, что легко могут удовлетворить желанию нашему. Капитан приказал подать старшине рюмку рому; он выпил полрюмки и, кажется, не очень был рад нашему напитку, а толковал нам что-то такое, чего мы не поняли. Наконец, он сделал несколько знаков, выражающих его к нам дружелюбие, и уехал вместе с другими добывать нам рыбу — по-новозеландски «ика». В лодках не было с ними никакого оружия, что означало, повидимому, совершенное их к нам доверие.

Это уже совсем другой народ в сравнении с новголландцами. Новозеландцы показались нам людьми с огнем ума в глазах, с воинственной гордостью в осанке, с приятными чертами лица. Некоторые из них напоминали мне древних римлян, как я видел их на эстампах, особенно когда мантия висела на плечах новозеландца, а перья развевались на голове его. Разумеется, их правильные и приятные лица обезображены были некоторою одичалостью и татуировкой, которою они тщательно покрывали различные части своего тела. Рост их довольно высокий; костистые, плечи широкие, сложение крепкое, мускулистое; лица худощавые; цвет лица и тела очень смуглый, почти бронзовый; волосы черные, длинные, у иных гладкие, а у других курчавые. Сзади они отпускали свои волосы длинными локонами, а спереди стригли их и пересыпали красным порошком или мазали красной краской.

Так как место в Новой Зеландии, где мы были, лежит уже под широтой 41°6', и как в этой широте Южного полушария бывает довольно холодно, то новозеландцы имели уже нужду в платье. Для этого они делали пряжу из широких листьев растения, называемого новозеландским льном (*phormium tenax*). Из этой пряжи, которую можно сучить так тонко, как лен, они ткали различные ткани, смотря по потребности, и тонкие, и плотные, и косматые, как наши меха. Все платье их делалось из этих тканей — более или менее тонких, более или менее теплых, — смотря по временам года. Оно состояло, во-первых, из камзола, которым они обертывали свое тело от груди до пояса; сверх этого они перепоясывали себя лоскутом ткани, наподобие юбочки, висящей от пояса до колен.

Как юбочка, так и камзол придерживались на поясе плетеным кушаком, а сверх этого нижнего платья накидывалась и укреплялась у шеи веревочкой теплая или холодная мантия, смотря по погоде и по температуре воздуха.

Главное украшение и щегольство новозеландцев состояло в татуировке, то-есть в расписывании лица и тела. Эти операции делались с малолетства и обыкновенно влекли за собою лихорадку, продолжавшуюся несколько дней. Затем они делали маленькие сквозные отверстия в средней преграде носа, как новголландцы, для вкладывания палочки поперек носа над верхней губой, а в ушах принимали большие дыры и вкладывали в них вместо серег пучки птичьего пуху.

Несмотря на то, что природа или бездействие изобретательного духа лишили их металлических средств и важных пособий для общежития, какие извлекаются на твердой земле из железа, надобно еще удивляться искусству новозеландцев делать ткани и лодки.

Мы видели у них лодки длиною в $6\frac{1}{2}$ сажен и шириною почти в два аршина, а Кук в сочинении своем говорил, что он вымерил одну лодку длиной $9\frac{3}{4}$ сажен. Подводная часть их обыкновенно выдалбливалась из одного дерева, а сверху привязывались веревками еще по две доски на каждой стороне, вышиною в поларшина, а чтобы не было течи, то в связях досок и лодки они клали камыш и закрывали его снаружи и внутри лыками в $6\frac{1}{2}$ вершка шириною. Украшение лодок состояло по большей части из резной работы, представляющей карикатурное изображение человеческого лица, а на корме—из бревна, поднимавшегося на 2 аршина вверх; резные фигуры, кормовое бревно и верхние доски были покрыты красною краскою⁹⁸.

Простояв целую ночь на якоре очень далеко от берега, на другой день мы снялись в 8 часов утра и, при противном ветре, лавировали до полудня. Сделав 25 поворотов, наконец, мы бросили якорь в прекрасной, со всех сторон закрытой гавани между островами Длинным, Матуарой и Тавои Поснумму. Во все это время за нами следовали две новозеландские лодки, и сидящие на них новозеландцы наши просились на шлюп. Мы не могли принять их и знаками приглашали их приехать к нам в то время, как мы будем на месте. Вероятно, они не понимали наших знаков и долго следовали то за нами, то за «Мирным». Наконец, удалились к берегу.

Едва мы бросили якорь и, прекратив работы, сели обедать, как новозеландцы опять приехали к нам и без всякой боязни вошли почти все на борт, оставляя на лодках по одному человеку. Капитан попросил пригласить старшину с нами обедать, встретил его со всею вежливостью Океании: обнялся с ним, поздоровался прикосновением носов и посадил его за столом на первое место между собою и М. П. Лазаревым, который у нас же обедал со своими офицерами. Все лежащее на столе его удивляло, он все с любопытством рассматривал, но кушанья отведывал не прежде, как удостоверюсь, что и мы едим то же. Всего охотнее он ел сухари и сладкие кушанья. Вино ему не очень нравилось. Между тем он объявил, что люди его привезли много ика (рыбы), и опять толковал «фау» и «токи». Между тем капитан всеми известными ему способами уверял его в своих дружелюбных намерениях к жителям Новой Зеландии и в доказательство своего дружеского к ним расположения подарил ему, как старшине их, прекрасно выполированный топор. Получив эту драгоценность, он вскрикнул: «токи, токи», и радость выразилась на его лице. Он истощил все способы изъявления благодарных чувств к капитану и назвал его «гоа» (приятель). Тут мы узнали, что «токи» значит топор. Более он был уже не в силах сидеть за столом: спешил показать полученный им драгоценный

подарок своим соотчичам. Как обед наш кончился, то и мы пошли за ним на шканцы.

Тут началось совершенное торжище: по приказанию капитана командир шлюпа выменил у них на запасенные во множестве пронизки, гвозди, зеркальцы, шелковые ленточки и другие безделицы до семи пудов рыбы, между которыми была камбала, форели, макрели и треска. Прочая рыба была совсем нам не известна, но вообще очень вкусна. Судя по ничтожной цене вещей, которые они у нас охотно брали, новозеландская рыба и вкусные морские раки очень дешево нам обошлись. Офицеры также меною приобретали новозеландские ткани, одежды, военное оружие, домашние их вещи и рыболовные орудия и другие предметы любопытства — ничтожные, но редкие для нас — европейцев. Мы узнали, что «фау» значит гвоздь.

Из примеров моей личной мены с новозеландцами можно видеть, какую цену они приписывали нашим вещам, совершенно не понимая их употребления. Так, я выменил у начальника очень хорошо обточенную костяную иглу, которыми они делают свои ткани, на отломанную от медного подсвечника ручку, похожую на перстень; на другой день я видел этот обломок в ушах, вместо серьги, у постороннего новозеландца, а не у того, кто от меня получил его. Другой за костяную удочку выменил у меня маленькую красную ленточку и прыгал от радости. Третий таинственно показывал мне из-под плаща своего долото, сделанное из нефрита и, повидимому, дорожил им, потому что он не соглашался уступить его мне ни за гвозди, ни за бутылку, ни за красную тесемку, ни за замок, которого я объяснил ему употребление. Наконец, после многих неудачных моих предложений, он отдал мне долото за предложенный мною ему в шутку лоскуток простой писчей бумаги, величиной в осьмую долю листа. На двух новозеландцах накинуты были на плечи полушубки с рукавами, сшитые веревками из новозеландского льну; их выменили матросы: один за старый платок, а другой за изношенную холстинную курточку.

Между тем как мена продолжалась, мы потчевали гостей наших кофею, который им очень понравился, так что старшина их попросил другую чашку кофею. Когда же мена кончилась, то старшина посадил своих соотчичей на шканцах и разделил им полученные от нас сухари. Чтоб еще более потешить гостей наших, капитан приказал флейтщику играть на флейте, а барабанщику бить в барабан. Новозеландский старшина сам хотел испытать и то и другое, но флейта была ему не послушна, несмотря ни на какие его усилия, а барабан под его ударами издавал хотя несвязные, но громкие звуки, что весьма радовало новозеландца.

Гости наши хотели нам заплатить таким же удовольствием

и затянули свою песню. Каждый куплет сначала запевал один, а после приставали все и кричали, сколько имели сил. Мелодия их состояла не более как из трех тонов, и пение их заключалось более в словах и в крике. Впрочем, у новозеландцев есть духовая музыка. М. П. Лазарев показывал мне вымененную у них дудку, сделанную наподобие флагиолета, только несравненно толще, и украшенную резной работой, с одним ладом на конце, а не на боку дудки. В нее дуют так, как в валторну, и тон ее подобен тону наших рогов.

По отъезде гостей наших капитан Беллинггаузен приказал сделать несколько пушечных выстрелов, а вечером пустил несколько ракет, чтобы этим средством возвестить внутренним жителям острова Тавои Поснумму о нашем прибытии к берегам залива королевы Шарлотты.

На другой день я с самого утра занялся приисканием удобного места для астрономических наблюдений. Первоначальное настроение мое было делать наблюдения на острове Гиппе, на том месте, где были походные обсерватории астрономов Веллнса (Уолса) и Белли, бывших в путешествии с капитанами Куком и Фюрно. Но, объехав кругом около этого острова, я увидел, что с инструментами выходить на него почти не было никакой возможности. Форстер нашел, что во время их пребывания на вершину этого каменного утеса можно было взойти только с одной стороны весьма узкою и трудною дорогой, по которой, по прошествии сорока семи лет после Форстера, входили и без инструментов с величайшим трудом. Остров Гиппа (Хиппа) соединен с островом Матуэрой (Матуарой) небольшим перешейком, который во время больших приливов покрывается водою. Остров Матуара хотя и отложе Гиппы, но покрыт густым лесом. Так как суда наши остановились в проливе королевы Шарлотты на весьма короткое время, то мы на берегу обсерватории не учреждали, а всякий день я съезжал на берег для наблюдений, служащих к определению географической широты и долготы и для проверки хода хронометров три раза в день. Для этих наблюдений я нашел очень удобное место на перешейке, соединяющем остров Матуару и Гиппу. На вершине скалы острова Гиппы мы видели несколько оставленных дикими шалашей, может быть, это были те самые шалаша, о которых упоминает Форстер.

Часто новозеландцы были на шлюпах «Востоке» и «Мирном». Нередко и наши капитаны и офицеры съезжали на берег ловить рыбу, стрелять птицу, запасать воду или посещать знакомых и незнакомых новозеландцев. Вместе с ними, в такое время, когда мои занятия на перешейке, соединяющем острова Гиппу и Матуару, оканчивались, и я не упускал случая познакомиться покороче как с землей, так и с ее дикими обитателями.

Когда я в первый раз вышел на берег Корабельной бухты (Schips Cove), то слух мой поражен был самым приятным сливанием пения птиц с журчанием обильного потока, текущего в море, а горы, покрытые густым непроходимым лесом и освещенные близко скатившимся к ним солнцем, представляли для глаз великолепную картину дикой природы. Капитан Беллинсгаузен говорит, что это прекрасное пение береговых птиц отзывалось подобно фортепианам с флейтами; капитан Кук также с удовольствием пишет о приятном пении новозеландских воздушных певцов. В самом деле, слух наш давно уже лишен был такого приятного удовольствия, да я и не помню, слышал ли я где-нибудь в других пяти частях света такой согласный хор многочисленных певчих птиц, безбоязненно и очень близко около нас порхающих на свободе. Время было, как в лучший весенний вечер, при 16° тепла по Реомюру [20° по Цельсию], несмотря на то, что мы были там в последних числах месяца мая, который на Южном полушарии соответствует нашему ноябрю; но зато географическая широта тех мест Новой Зеландии соответствует широте Рима и Барселоны. Форстер, бывши с Куком в Новой Зеландии также в исходе мая 1773 года, нашел в огородах на острове Гипле зелень, посеянную капитаном Фюрно в прежнее его там пребывание. При этом случае Форстер замечает, что таким образом в Новой Зеландии они ели зимою европейскую зелень. Он думает, что климат в южной части Новой Зеландии весьма умеренный, и, невзирая на близость гор, покрытых снегом, залив королевы Шарлотты редко мерзнет; по крайней мере, при них мороза не было до 6 июня. Между тем, они находили некоторые растения в цвете.

Напротив того, в следующую весну, то-есть 1773 года, в начале ноября месяца, соответствующего нашему маю, Форстер нашел, что воздух был там холоден и пронзителен. Растения и травы мало еще распустились, и птицы показывались только в долинах, закрытых от сильных южных ветров. Форстер полагает при этом случае, что такая погода продолжается там всю зиму и немалую часть лета. Он сравнивает климат в заливе королевы Шарлотты с климатом Фолклендских островов, несмотря на то, что эти острова южнее северного берега острова Таваи Поснумму 10-ю градусами, что он приписывает охлаждению Новой Зеландии снегами, покрывающими многие высокие горы.

Но через год после того, в 1774 году, в тех же местах в исходе октября месяца, соответствующего нашему апрелю, тот же сопутствующий Куку естествоиспытатель описывает климат залива королевы Шарлотты следующими словами:

«22 октября при самом восхождении солнца небо явилось нам во всей своей красоте. Мы в первый раз услышали согласное пение птиц, предвещающих приближение весны. Поч-

ти все офицеры съехали на берег, чтобы воспользоваться столь приятною погодою, и мы отправились с капитаном Куком в шлюбке к мысу Жаксону, вдоль берега и заходили на многие, на пути нашем лежащие, острова.

Такие метеорологические противоречия доказывают непостоянство климата на южном острове Новой Зеландии. Все путешественники замечают, что там ураганы бывают часты и сильны, что и нам случилось видеть и испытать в продолжение кратковременного пребывания нашего в заливе королевы Шарлотты и в Куковом проливе. Полуденная температура воздуха изменилась в это время от $4\frac{1}{2}$ до 16° тепла по Реомюру, а в полночь было постоянно 4° тепла. Новая Зеландия составляет почти антиподы с Испанией и Португалией, но вообще думают, что климат этой страны подобен климату средней Франции, за исключением господствующей в Новой Зеландии сырости».

Кроме новозеландского льну (*phormium tenax*), из которого в Англии выделывают пряжу, мягкую, белую и тонкую, как шелк, произрастают там много очень полезных растений. Из больших деревьев в особенности примечательна сосна, которой листья полезны от скорбута, но там нет ни пальм, ни хлебного дерева, ни плодоносных деревьев. Природные жители из растительного царства употребляют в пищу корень растения, называемого Форстером пальмовою капустою⁹⁹, и род папоротника, называемого им мамакгу, наполненного мягким телом, из которого по разрезании корня выходит красноватый клейкий сок, похожий на саго. Европейские овощи, коренья и зелень, разведенные в Новой Зеландии Куком, Фюрно и Форстером, все произрастают обильно, но употреблялась в пищу жителями этой страны только картофель.

Из четвероногих животных первые мореплаватели, бывшие в Новой Зеландии, встретили только две породы: крыс в лесах и нелающих собак, которые, как и у нас, живут неразлучно с человеком. Эти собаки очень похожи на ту породу, которую Бюффон называет пастушьими собаками. К берегам Новой Зеландии приходят все морские рыбы и звери, живущие в Восточном и Южном океане; заходят и пингвины из Южного Ледовитого моря. Мы сами видели в Куковом проливе живого пингвина, а новозеландцы употребляют их в пищу. Кроме множества певчих птиц, порхающих перед нами на берегах залива королевы Шарлотты, мы видели там род голубей и маленьких зеленых новозеландских попугайчиков, примечательных своею стройностью. Царство минеральное богато там кварцем, базальтом, зеленым нефритом, из которого новозеландцы делают домашние инструменты, мрамором, яшмой, гранитом и многими вулканическими произведениями. Форстер думает, что там должны быть железные рудники.

Новозеландцы очень ласково принимали нас в своих некрасивых жилищах. Ближнее к Корабельной бухте селение расположено было по обе стороны маленькой речки, берега которой обложены были камнем. Не надобно принимать за мостовую эти камни, положенные по порядку без всякого искусства. Дома их состояли из шалашей¹⁰⁰ вышиною в два роста человека в середине и гораздо ниже по бокам. Их поддерживают внутри резные столбы с безобразными человеческими фигурами, выкрашенные красной краской. Стены сделаны из камыша и внутри обтянуты тонкими рогожами, а крыша покрыта травой. В шалашах это было сделано по два входа — с передней и с задней стороны. В середине каждого шалаша были сложены из камня род печей, где разводился огонь как для тепла, так и для приготовления пищи, а по сторонам были на землю положены род циновок из новозеландского льна, на которых островитяне днем сидят, а ночью спят.

Старшина знакомой нам орды живет чище и обширнее других: домик его имеет небольшую переднюю комнату.

При этом посещении новозеландского селения наши кабинеты редкостей увеличились вымененными копьями, дротиками, военными деревянными булавами и пр. Все эти орудия часто были отделаны резной работой, изображающей рыб, птиц или человека с открытым ртом и с длинным языком, или с просто вырезанными кругами, или кольцами.

Часто у них на берегу или у нас на обоих шлюпах, при взаимных посещениях наших, новозеландцы предлагали нам в виде удовольствия представить зрелище их военной пляски¹⁰¹, называемой гейва. Это какое-то дикое бешенство, очень странное и единообразное. Пляшущие островитяне обыкновенно становятся рядом, топают в такт ногами на одном месте, руки подымают вверх, бросают друг на друга бешеные взгляды, делают неистовые кривлянья лицом и телом и с диким криком поют песни. На конце каждого куплета они вдруг одновременно останавливаются на правой ноге, наклоняют голову, левую руку опускают вниз, а правую колеблют над головою и с хрипением оканчивают куплеты своей песни. Пляска их выражает что-то воинственное, и, повидимому, все новозеландцы к ней страстны: едва один начинает, и все мгновенно к нему пристают. Нам понравился один молодой островитянин; однажды мы увели его в кают-компанию и угощали его там различными сладостями, а живописец между тем написал с него портрет. В это время вдруг дикие крики его земляков возвестили пляску, и приятель наш никак не мог устоять на месте. Он выпросился наверх, схватил с лодки какое-то копьё, пристал к пляшущим, мускулы его пришли в движение, глаза засверкали, и молодой островитянин обратился в испуганного. По окончании пляски всякое действующее

Главное селение Южной Новой Зеландии
в заливе королевы Шарлотты.

Военные пляски в Южной Новой Зеландии
в заливе королевы Шарлотты.

Из альбома рисунков художника П. Михайлова.

лицо гейвы смотрело, как герой, торжествующий победу над своими неприятелями ¹⁰⁶.

Во все время семидневного пребывания нашего близ берегов острова Таваи Поснумму мы были в всегдашнем согласии с его жителями, но это потому только, что они боялись наших пушек и ружий. При первом посещении своем на шлюп «Восток» они показали нам, что знают действие нашей артиллерии, и, показывая на пушки, с некоторым страхом произносили «пу». Однакож, при всей уверенности их в превосходстве сил наших, мы никогда не решались посещать места, ими обитаемые, без оружия и достаточного прикрытия.

* *
*

Между тем грозные порывы ветра и в заливе королевы Шарлотты не оставили нас в покое. До 2 июня погода была довольно хороша. Солнце иногда затмевалось облаками, но никогда надолго не скрывалось от глаз наших. По большей части облака, блуждающие по своду небесному, были тонки и редки: казалось, что они ветром оторвались от гор, их притягивающих. Но барометр беспрестанно понижался, и предсказания его сбылись. Июня 2-го с утра раннего небо обложилось тучами, пошел проливной дождь, ветер дунул и море зашумело. Серые волны его ударились о шлюп наш с такою силою, что один якорь, на котором мы стояли, не в силах был удержать нас на месте, — бросили другой. Весь этот день был тревожный, бурный и дождливый; молния блистала, громы отражались в горах, и эхо повторяло их; у берегов образовались вихри, вертели воды на поверхности моря, а шквалы со всех сторон набегали на шлюпы. К вечеру показались звезды, и с ними блеснул луч надежды на ясный день. И действительно, на другое утро мрак исчез, и солнце величественно блистало над горизонтом. Все было тихо, только поколебленное море не могло еще успокоиться и сильно волновалось почти до вечера.

Июня 4-го, лишь только окончил я обыкновенные ежедневные наблюдения на избранном нами берегу и возвратился на шлюп, капитан Беллинсгаузен приказал сниматься с якоря. В это время новозеландцы в последний раз были на шлюпе нашем. Старшина их и словами и знаками выразил пред нами свое душевное сожаление, видя приготовления наши к немедленному отъезду. И это сожаление, конечно, было чисто-сердечно, потому что он еще надеялся за свои безделки выменять у нас много необходимых для него вещей. Были между ними и такие, которые охотно согласились бы отправиться с нами в Европу, но старшина их очень внимательно смотрел, чтоб кто-нибудь не остался с нами. Один молодой зеландец убедительно просил нас взять его с собою и обещал усердно работать на шлюпе. Мы, с позволения капитана, дали ему

Начальник Южной Зеландии со своей женою.
Из альбома рисунков художника Н. Михайлова.

знать, что от него зависит остаться с нами. Это согласие привело его в восторг, но желание его не укрылось от старшин, которые почти силою заставили своего предприимчивого соплеменника возвратиться на берег. С досадой и грустью приложил он нос свой к моему носу и медленно спустился в лодку своего семейства.

Якорь был поднят, паруса наполнились, мы пошли в Куков пролив, а многочисленная флотилия новозеландских лодок — к берегу.

Едва мы вышли в открытое пространство пролива, небо покрылось облаками, волны зашумели, и сильный противный ветер опять сносил нас к заливу королевы Шарлотты. На другой день ветер еще более усилился и заставил нас блуждать в тесном проливе в продолжение шести суток, подвергая шлюпы близкой опасности быть разбитыми о береговые скалы Новой Зеландии. В течение этого времени капитан Белликсгаузен беспрестанно пытался выйти из Кукового пролива, но всякий раз при выходе в открытое море встречал сильный противный ветер и принужденным находилась обратиться во внутренность пролива. По ночам молния блистала, громы раскатывались по густым мрачным тучам, которые осыпали нас дождем, снегом или градом. В таком положении иногда и сре-

ди белого дня невозможно было видеть окружающих нас берегов и опасностей. Сильные порывы ветра преобразовывались иногда в совершенную бурю, иногда в штиль, а это в тесных морях не лучше бури, потому что зыбь несравненно беспокойнее волнения при ветре; а когда, при безветрии, течение повлечет корабль к таким берегам, где нельзя бросить якорь, тогда надобно готовиться к кораблекрушению.

Это шестидневное плавание взад и вперед в Куковом проливе мы почитали одним из самых опасных случаев нашего путешествия и усердно благодарили бога, в то время как 10 июня маленький попутный ветерок передвинул нас за мыс Пализер и вывел в Великий океан с восточной стороны Новой Зеландии. После этого все пошло хорошо и благополучно: в продолжение осмнадцати дней мы не имели никаких неприятностей и не встретили ничего любопытного, кроме необыкновенно пленительной картины, какими иногда природа украшает морской безбрежный горизонт. В один вечер синие и густые облака теснились близ горизонта: вдруг луна нашла между ними отверстие, в которое лучи ее, проникая и отражаясь в облаках много раз, предстали пред нами из освещенных облаков в многочисленных и в различных формах являющегося сияния. В самом деле это зрелище было блистательно, и мы с вахтенным лейтенантом А. С. Лесковым, ходя по шканцам, не могли свести [отвести] глаз от этого живого, яркого и игривого оптического явления.

Таким образом, 28 июня паруса, наполненные пассатным ветром, быстро несли нас к острову Опаро¹⁰², обретенному Ванкувером в 1791 году. На другой день поутру в половине шестого часа я увидел этот гористый и утесистый остров не более как в 28 верстах. Опаро с виду похож на Tenerif, но гораздо менее его. Горы возвышались на нем весьма тонкими, остроконечными, снизу они голы и каменисты, а сверху покрыты густыми лесами. В полдень, когда мы были от острова не далее семи верст, жители нас увидели, спустили в море свои лодки и прибыли к нам в то время, как мы садились обедать.

Островитяне скоро согласились взойти на шлюп, подарили нам морских раков и какого-то квашеного теста. Мы отдаривали им вещами, для них редкими и полезными. Островитяне, заметив нашу щедрость, стали напрашиваться на подарки и раков своих не отдавали иначе, как на обмен. А когда уже у них мало осталось привезенных ими гостинцев, то двое раздирали одного рака, и каждый хотел променять нам на какую-нибудь вещь свою половину рака. Других же любопытных и редких для нас вещей с ними не было—ни одежды, ни оружия. На одном островитянине был кушак из древесной коры, и он был в восторге, что променял его на удочку. Впрочем, они брали с приметными знаками радости всякую безде-

Жители острова Опаро.

Из альбома рисунков художника П. Михайлова.

лицу, и когда я продел в ухо одного островитянина бумажку, вместо бывшего там листочка травы, то и все стали просить меня о таком же наряде. Начальнику их подарен был топор, бутылка, стакан и две бронзовые медали. Другие дарили и меняли на раков серьги, перстни и подобные мелочи, но железо они более всего ценили. Один гость наш отдал капитану корень, похожий на редьку, и, подавая его, сказал: «ма гиппка». Без сомнения, он хотел сказать, что из этого корня они заготавливают впрок свое квашеное тесто. Жители островов Общества делают такое тесто из хлебного дерева и называют его ма ги. У нас этот корень варили и нашли, что он очень питателен и имеет приятный вкус. Но квашеное тесто островитян отвратительно по своему кислому вкусу и по запаху, похожему на татарское квашеное кобылье молоко, которое называется кумыс. Тесто, привезенное к нам с острова Опаро, было двух родов: одно зеленое, кажется, старое, и другое белое, вероятно, молодое.

Жители острова Опаро по большей части люди среднего роста, но очень жирны, плотны и плечисты: народ, должно быть, сильный. Средний рост их, по измерению моему, оказался 2 аршина 6 вершков, а средняя ширина плеч слишком 10 вершков. Форма лица их не очень много разнится от европейских лиц, но цвет как лица, так и тела бронзовый; носы орлиные, но недлинные, губы обыкновенные, глаза карие, волосы черные и несколько курчавые, а у иных и совсем ров-

ные; они стригут их так, как русские мужики; бороды небольшие, но довольно густые. Наши матросы называли их опаринскими ребятами. Мы видели между ними очень древних и седых стариков. Это признак долголетия.

Дикость и необузданность приметна во всех чертах их и во всех их движениях. Радость их выражается неистовым криком. Голос их — бас и очень густой. Они плавают с такою легкостью, что вода, кажется, есть их обычная стихия. Лодки их так узки, что в ширину ее можно сесть одному только человеку. В этот первый день их посещения нас окружало 23 лодки, и на каждой из них менее пяти человек не было. Такие узкие и довольно высокие лодки не могут быть на воде устойчивы и покойны и очень легко могут опрокинуться вверх дном, но чтоб предупредить такие неприятные случаи, к ним с одной стороны приделываются отводы¹⁰³. Они состоят из шестов, положенных в нескольких местах поперек лодки. С одной стороны эти шесты свешиваются с лодки над поверхностью моря, и на концах их прикрепляются вертикально вниз жердочки равной длины, а к концам этих жердочек привязывается длинная жердь параллельно с длиною лодки; она погружается очень неглубоко в море и не допускает лодку опрокинуться на сторону отвода, потому что этот отвод, погружаясь в море и будучи легче воды, поддерживает равновесие лодки, а на противную сторону лодка не может опрокинуться по причине тяжести отвода. На больших лодках мы видели двойные отводы, погружающиеся в море на обеих сторонах лодки. Были у них также и двойные лодки, не имеющие надобности в отводах, потому что две лодки, связанные вместе, друг друга поддерживают. Но вообще надобно заметить, что в искусстве делать лодки опаровцы далеко отстали от новозеландцев, равно как и в других искусствах и рукоделиях. Никакая резная работа не украшала лодки жителей острова Опаро, и никакие ткани не покрывали их тело. Мы только и заметили на некоторых кушаки или пояса из древесной коры или из травы, а на других — мочальные веревочки на шее. Из вещей, привезенных к нам с острова Опаро, самая примечательная вещь была сухая тыква, нигде не прорезанная. Ее выменял капитан Беллинсгаузен, но неизвестно, на какое употребление она была назначена.

Когда они возвращались домой, то не давали себе труда сходить по трапу вниз, но поодиночке прямо бросались с борта в море и вплавь достигали до своих лодок.

На другой день поутру опять приехали к нам береговые гости в том же виде, почти в том же числе и с тою же церемонией здоровались с нами, прикладывая нос к носу. Один из них, с шестью пальцами на правой руке, с длинными рыжими волосами, имел совершенно европейскую наружность; он имел от роду около 18 лет и дрожал от страха, когда с

него писали портрет. Жители острова Опаро вообще все нас боялись и, несмотря на то, на каждом шагу обнаруживали страсть свою к воровству¹⁰⁴, но это ремесло у нас им не удавалось. Во-первых, часовые с заряженными ружьями за ними присматривали, а во-вторых, угроза выстрелом и задержание на шлюпах стариков заставили их тотчас возвратить украденное.

Окончив гидрографическую съемку, капитан объявил гостям нашим, что мы идем далее к северу, и островитяне один за другим бросились в океан и разместились в своих лодках, но при прощании с нами они были в большой тревоге, потому что один соотечественник их решил остаться с нами на шлюпе. Ни убеждения, ни сила, ни слезы, которые я сам видел на глазах одного убеждавшего его островитянина, не могли отклонить твердо принятого им намерения. Сначала он хотел укрыться от убеждений соотечественников и спрятаться во внутренних местах шлюпа, но часовые, не понимая его намерения и опасаясь, чтоб он не украл что-нибудь, не пустили его в нижнюю палубу. Тогда он лицом к лицу пред своими соотечественниками прямо объявил им, что он останется с нами. Капитан и офицеры шлюпа не убеждали его к этому и не отклоняли его намерения. Мы совершенно не вмешивались в спор его с земляками. Наконец, и они оставили его с нами: воли их недостаточно было победить упорное желание своего предприимчивого соотечественника, который долго смотрел вслед удаляющихся друзей его. Напоследок оказалось, что и его воли недостаточно было, чтобы победить силу любви к отечеству. Он бросился в море и вплавь пустился вслед за своими к берегу. Земляки увидели его издали и взяли на лодку.

Отечества и дым приятен
Нам и сладок.

На берегу острова Опаро мы не были, не видели ни хижинок, ни женщин, ни семейной жизни его жителей, но по одному взгляду на посещавших нас островитян можно уже судить, что домашний быт их стоит гораздо ниже против новозеландцев, но выше, без всякого сомнения, новоголландцев. Остров Опаро имеет в окружности около 15 миль. Хотя за противным маловетрием мы не подходили к нему ближе $7\frac{3}{4}$ верст, но ясно видели его довольно высокие остроконечные горы, водопад, стремящийся по скалам их на северо-восточной стороне, и укрепления, построенные на горах, к которым ведут узкие тропинки. Эти укрепления показывают, что общество жителей острова Опаро хотя и малочисленно, но состоит, по крайней мере, из двух враждующих между собою племён. Внешних неприятелей им опасаться невозможно, потому что остров их отдален от всех других островов Великого океана на пространство, недостижимое для тогдашнего со-

стояния жалкой гребной флотилии всей Океании. Географы считают на нем 1 500 человек жителей. Этот остров лежит под 27°38' южной широты и под 126°35' [144°15'] западной долготы.

Отсюда мы приметно стали приближаться к южному поворотному кругу. Время постепенно улучшалось, и с севера веяло уже на нас тропическим воздухом. Вечера были очаровательны, ночи ясны, в продолжение которых часто восхищали и удивляли нас своим блеском и быстротою движения падающие звезды и болиды. Конечно, эти явления не новость и в Европе, где во всякую ночь можно видеть падающие звезды, где многие видели и болиды или огненные шары, быстро движущиеся от верхних слоев атмосферы; были люди, хотя редкие, которые видели с неба падающие камни — аеролиты-метеоролиты. Но при тонкости, чистоте и прозрачности тропической атмосферы они являются в ней и многочисленнее и блистательнее. Приближаясь к тропику и в пределах равноденственного пояса, мы часто любовались, как падающие звезды, одна за другой, являлись, пробегали большое пространство неба и мгновенно исчезали, между тем как след их на небе длинною светлою полосою неподвижно на одном месте блистал еще в продолжение многих секунд. Крузенштерн повествует, что он и спутники в его путешествии около света видели огненный шар, явившийся с таким блеском, что весь корабль был освещен в продолжение полуминуты. Он двигался с умеренною скоростью в горизонтальном направлении к северо-востоку и исчез, но светлая полоса следа его, шириною около четверти градуса, двигаясь в ту же сторону, была видна еще целый час после *. Спутник Крузенштерна, астроном вверенной ему экспедиции Горнер, заметил, что этот шар явился в созвездии Тельца, а исчез в созвездии Северной Короны, след его возвышался над горизонтом на 15°.

Вообще замечено, что эти явления бывают в жарких климатах чаще и блистательнее, нежели в умеренных и холодных, еще лучше на земле, нежели на море, и еще превосходнее в местах, возвышенных над поверхностью моря. По этой причине ни нам, ни спутникам Крузенштерна, и никому из мореплавателей, без сомнения, не удалось видеть такого блистательного зрелища падающих звезд, каким любовались А. Гумбольдт и Бонпланд [Бонплан] в Кумане ¹⁰⁵.

Собранные сведения о том, было ли это явление замечено в других местах, показали, что это зрелище было предметом удивления от Бразилии до Лабрадора; в Гренландии видели его Моравские братья, разумеется, в слабейшем уже виде, а в Германии Цейзинг, свящ. Иттерштедтский, 12 ноября приме-

* Путешествие вокруг света капитана Крузенштерна, часть 1, СПб., 1809, стр. 48.

тил несколько падающих звезд очень белого света от 6 до 7 часов утра, что соответствует двум с половиной часам в Кумане. После того появились там на юге и на юго-западе светлые красноватые лучи от 4 до 6 фут длиною, а между 4-ю и 8-ю часами утра юго-западная часть неба сильно освещалась от времени до времени беловатым светом, который пробегал по горизонту. С вероятием можно было заключить, что это был отблеск тех же падающих звезд, которые своим великолепием удивляли Гумбольдта и Бонпланда в Кумане.

Много было видимо и других падающих звезд и болидов, примечательных своею многочисленностию и блеском, в разные времена и в разных местах, но никакие явления этого рода не могли еще сравниться с поразительным зрелищем, виденным в ночи с 12-го на 13 число ноября 1833 года в Северной Америке. Это был дождь огненных метеоров. Казалось, что все светила небесные посыпались к горизонту во все стороны: падающие звезды были величиною с Юпитера, с Венеру, а болиды — с полную луну. Наблюдатель бостонский уподобляет густоту этого явления, в минуту наибольшего числа падающих звезд, довольно сильному снегу. В этот момент он не успевал считать, сколько падает звезд в определенное время; но когда явление значительно ослабело, то он насчитал 650 падающих звезд в 15 минут на пространстве десятой части видимого небосклона, что, таким образом, составит по 26 000 звезд, падающих в час на всем небосклоне.

Тщательное наблюдение описанных мною явлений привело физиков, во-первых, к тому заключению, что падающие звезды и болиды проистекают из одного источника, а обширное пространство земной поверхности, на котором эти явления были видимы, заставляет думать, что они начинаются в пределах выше тех слоев атмосферы, где плотность воздуха могла бы быть приметна. К этому в 1833 году в первый раз было сделано очень важное замечание, что направления всех болидов и падающих звезд, виденных в ночи с 12-го на 13 ноября, были параллельны, и продолжение их в противную сторону движения сходилось в звезде γ созвездия Льва. Притом, несмотря на то, что эта звезда изменяла свое положение в отношении к горизонту и меридиану от суточного движения земли, наблюдаемые болиды и падающие звезды не переставали совершать пути, сходящиеся в той же звезде γ Льва, в продолжение целой ночи. Подобные явления, виданные в ночи с 13-го на 14 ноября в Америке в 1834 году и в Бремене в 1838 году, подтвердили параллельность движения падающих звезд и болидов и направление их к точке неба, противоположной звезде γ Льва. Эти любопытные замечания порождают такую мысль, что болиды и падающие звезды не зависят от суточного движения земного шара, как будто бы тела, чуждые земле, приходящие к ней из внешнего мира.

Наконец, замечено, что наибольшее движение падающих звезд и болидов случается по большей части между 10-м и 15-м числами ноября. Другой период сильного явления падающих звезд начинается 10 августа. Этот период так давно уже известен в католических землях Европы и Америки, что там и между простым народом падающие в эту ночь звезды называются слезами св. Лаврентия, которому западная церковь празднует в 10-е число августа.

Это периодическое повторение явления падающих звезд и болидов в определенные дни года и мысль, что это могут быть тела, не принадлежащие к нашему земному миру, привели многих физиков к весьма смелому предположению.

Говоря о ноябрьском периоде падающих звезд, Араго заключает: «Итак, более и более подтверждается существование пояса, составленного из миллиона маленьких тел, которых орбиты встречают плоскость эклиптики в той точке, где земля ежегодно бывает между 11-м и 13 ноября. Этот новый планетный мир начинает нам открываться»*. Знаменитый астроном напечатал эти выражения в обыкновенном календаре на 1836 год в статье, заключающей в себе выписки из наставлений морским офицерам, отправляющимся в путешествие около света на корвете «Боните», о том, на что полезнее обратить особенное внимание для пользы наук. Он сказал это мимоходом — в выноске в статье своей, и вся ученая Европа стала повторять, что не одни только планеты и кометы движутся около солнца, но с ними вместе обращаются также около центра нашей планетной системы груды камней различного вида и величины: многие из этих в непрерывном поясе рассыпанных груд, как планеты, описывают эллиптические орбиты, пересекающие эклиптику, и когда земля на пути своем около солнца встречает их, то некоторые камни воспламеняются в самых верхних слоях атмосферы и являются нам в виде падающих звезд, болидов и аеролитов. Вслед за тем астрономы и физики с обычным трудолюбием начали следить за явлениями падающих звезд, считая их по целым ночам в известные периоды. Но многочисленные наблюдения их не прибавляли ни одного нового факта для подкрепления вновь предложенной теории падающих звезд, ни к рассеянию тех сомнений, которые она вселяет.

Всякая теория, предложенная для объяснения какого-нибудь явления природы, тогда только удовлетворяет науке, когда она может ответить на все вопросы, к явлению принадлежащие. Между тем как каменный вихрь, движущийся около солнца, для того только, чтоб от времени до времени пред-

* *Annuaire pour l'an 1836*, p. 296. De la connexion des saimes, physiques par Mary Somerville, traduit de l'anglais par M^{te} T. Meulien, Supplement, p. 490.

ставить опять пред нами великолепное зрелище падающих звезд и болидов, оставляет без ответа следующие вопросы:

1. Почему падающие звезды и болиды подобно северному сиянию воспламеняются и светятся за пределами нашей атмосферы, где нет ни воздуха, ни газов?

2. Почему болиды после того, как они исчезнут, оставляют после себя светлый след, подобный иногда столбам северного сияния, на довольно приметное время; а были случаи, что след исчезнувшего болида светился в продолжение часа, как свидетельствует адмирал Крузенштерн?

3. Почему явление с 12-го на 13 ноября 1833 г. было сопровождается северным сиянием?

4. А если это было случайное слияние двух разных явлений, то отчего, в глазах российского вице-адмирала барона Врангеля, падающая звезда зажгла северное сияние в таком темном месте неба, где до прикосновения падающей звезды сияния не было, хотя некоторые другие части небесного свода и были освещены блистательным сиянием?

Эти четыре вопроса невольно рождают пятый: нет ли чего-нибудь общего между падающими звездами, болидами и северным сиянием? Если они имеют между собою тесную связь, тогда блистательные явления, которыми любовались Гумбольдт и Бонпланд в Кумане (в 1799 г.), мы в Великом океане (1820 г.) и проф. Ольмстид в Северной Америке (1833 г.), будут явлениями нашими земными, домашними, а не пришельцами с другого мира, готовыми побить нас камнями*.

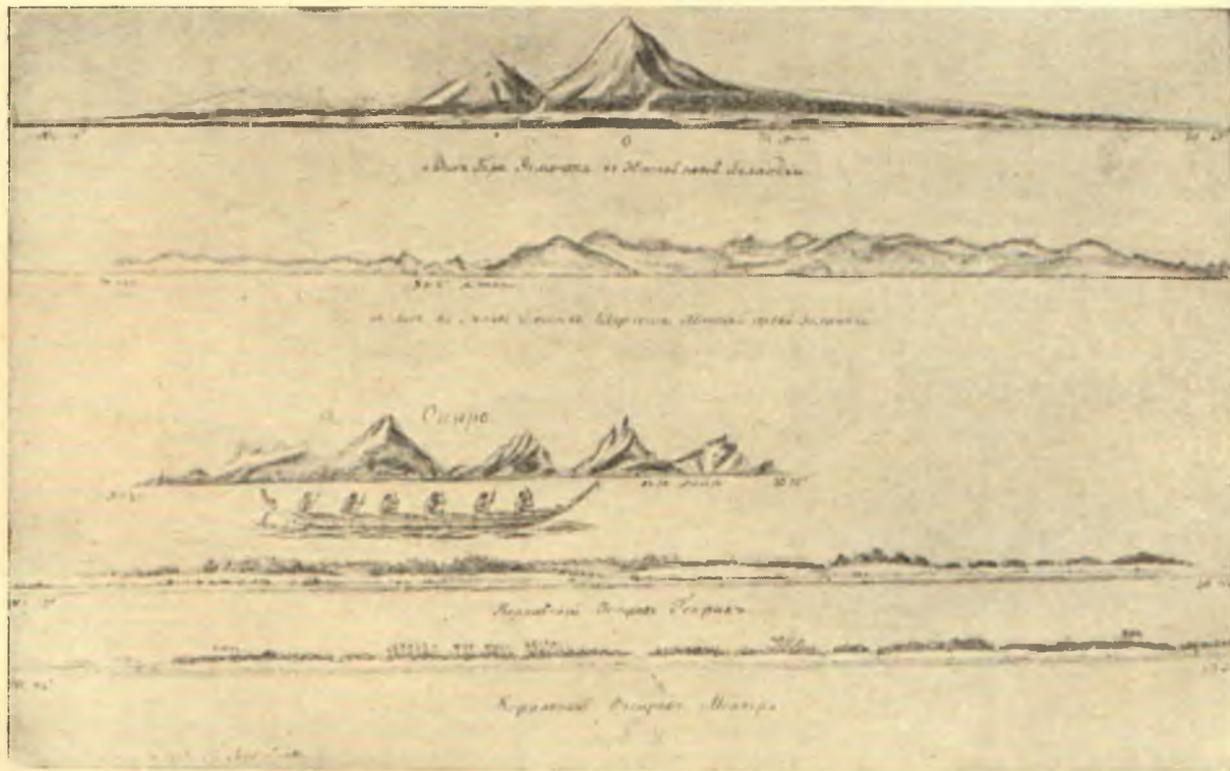
ПЛАВАНИЕ В ТРОПИЧЕСКИХ ПРЕДЕЛАХ ВЕЛИКОГО ОКЕАНА

Июля 2-го в 7 часов вечера мы вторично прошли через поворотный круг Козерога, и с приближением к тропику мы приметно переходили от прохлады умеренного к теплоте жаркого пояса. 5 июля поутру мы увидели весьма низменный берег, покрытый зеленеющими деревьями. Географическая широта его, определенная мною на северной оконечности берега, составляет $19^{\circ}11'10''$ южная, а долгота середины острова оказалась западная $123^{\circ}36'$. По приближении к острову капитан послал на берег шлюбку, чтоб осмотреть местность его и набрать кокосов, если они там родятся. Я был в числе отъезжающих на берег и взял с собою для наблюдений секстант и хронометр. Подъезжая к острову, мы заметили, что он был окружен коральным рифом на довольно большое пространство. Коральное дно моря было так мелко, что нельзя было ехать на шлюбке прямо к берегу, а вода была так прозрачна,

* На полях рукописи замечание автора: «В примечании поговорить о аеролитах».

что мы, ехав параллельно с рифом, без труда могли видеть, где глубже и где удобнее приблизиться к острову. В одном месте на коральном дне увидели мы широкую щель, имеющую направление к берегу, и решились следовать по этой щели на ялике. Едва мы начали приводить в действие нашу попытку, как вдруг сильный буран подкатился под ялик, поднял его корму, посадил ее на остроконечный коралл, а волны, следующие одна за другою, били ялик об воду то в ту, то в другую сторону. Нам ничего не оставалось делать, как спрыгнуть один за другим в воду и в брод итти к берегу. Бывший с нами гардемарин Роман Александрович Адамс (ныне капитан первого ранга) первый подал к тому пример, но он едва успел избавиться от опасности быть прижатым лодкой к кораллу. Между тем как офицеры шли по пояс в воде, матросы сняли ялик с остроконечного коралла, нашли достаточную глубину для хода ялика к берегу и привели его к весьма удобной пристани. Путь наш в воде был довольно длинен, и я прошел его не без приключения. Со мной были два ящика с инструментами, и я держал выше головы ящик с секстантом в правой, а ящик с хронометром в левой руке. На глубине выше пояса волна буруна толкнула меня в спину так сильно, что я упал на колени и погрузился в воду с головой, с руками и с ящиками. Когда я пришел на берег, то, к счастью, увидел, что в ящик с хронометром ни одна капля воды не проникла, а секстант был вымочен и трубочки его наполнились морской водою. Впрочем, немного труда нужно было, чтобы вылить воду из трубочки, вывинтить стекла, перетереть все насухо, и секстант попрежнему дал мне очень верные наблюдения для определения географической широты северного берега острова Генриха. С нами вместе вышли на берег офицеры шлюпа «Мирного», которые подошли к острову на своей шлюпке гораздо удачнее нас. Это первый встретившийся нам коральный остров, но он очень низок, очень узок и, как кажется, очень нов на своем коральном фундаменте. Лес низок и крив, растительность еще бедна, жителей и следа мы не видели, кососов не нашли.

Капитан Беллинсгаузен принял этот берег за остров Генриха, открытый капитаном Валлисом¹⁰⁶ [Уоллис] в 1767 году, который видели потом капитан Дюпере [Дюперрей] в 1823 и капитан Бичи в 1826 году. По определению этих мореплавателей оказывается, что широта и долгота этого острова несходствует с виденным нами островом. Сверх того, острова Генриха составляют маленькую группу нескольких островов, а мы были на одном уединенном острове и других островов близ его не видели. Всего вероятнее, что это был остров Кумберланд [Камеберлен], также открытый Валлисом в 1767 году; в 1826 году его видел Бичи¹⁰⁷ в южной широте 19°11' и в западной долготе 123°35' [по Ферро], что совершенно согласно

Вид горы Эдмонта в Южной Новой Зеландии; вход в залив королевы Шарлотты, остров Опаро, коралловый остров Генриха и коралловый остров Моллера.
Из альбома рисунков художника П. Михайлова.

с географическим положением острова, на котором мы были 5 июня 1820 года

Скоро пушечный сигнальный выстрел вызвал нас с берега на шлюп. Возвратившись домой, пошли далее к мало посещаемым местам Опасного архипелага, и в 17½ верстах остров скрылся от нас под горизонтом. В следующий день в 9 часов утра другой уже остров красовался перед нами, с людьми и с кокосовыми деревьями. Кажется, остров этот был населен многочисленным племенем: это нам доказывали огни, в многих местах разведенные, и толпы жителей, вооруженных пиками, которые что-то кричали и делали нам разные знаки, кажется, они пригласили нас к себе и притом так усердно, что двое бежали некоторое время по берегу параллельно со шлюпами, прошедшими вдоль берега в расстоянии от него не далее двух верст. По определении географического положения места, капитан Беллинсгаузен признал эту землю за остров Лук [Boу] (Bow — лук с тетивой для стрел), открытый и названный этим именем капитаном Куком¹⁰⁸. Действительно, середина юго-западного берега острова фигурой своей похожа на догнестрельное оружие, которого он носит имя. Так как этот остров был уже известен, то капитан Беллинсгаузен не хотел долго останавливаться у берегов его; он не посылал туда и офицеров за кокосами, потому что белый цвет воды и сильный шум волн буруна, дробящегося в береговые мадрепоры¹⁰⁹, заставляли думать: там близ берегов так же мелко и так же неудобно приставать, как и к острову Кумберланду.

В половине третьего часа пополудни того же дня матрос, бывший на салинге, т. е. на площадке, сделанной над второй стеньгой (коленом) мачты, увидел еще берег. К вечеру мы прошли мимо его в пяти верстах и видели, что он находится так же близко над поверхностью океана, как и остров Лув, так же имеет коральное основание, так же посреди его находится лагун*, с тою только разницей, что там, на острове Лук, лагун замкнут со всех сторон и имеет не более двух узких соединений с наружным берегом, а на этом вновь увиденном острове юго-восточный берег еще не совсем образовался и делает подводный риф, через который перекатываются волны буруна. Северо-западный его берег покрыт лесом, над которым величественно возвышались кокосовые пальмы, и населен людьми.

В 6 часов вечера небо помрачнело и мы ничего уже не видели на берегу, кроме огня, разведенного в нескольких местах. В продолжение ночи шлюп «Восток» держался на одном месте под малыми парусами, а течение отнесло его очень

* Так называют российские мореплаватели море, заключающееся посреди кольцеобразного корального острова в тропическом месте Великого океана.

далеко от берега. Ветер между тем затих, так что шлюп наш не мог приблизиться к берегу ранее двух часов пополудни 8 июля.

По наблюдениям, широта оказалась $17^{\circ}49'$ южная, западная долгота 143° [по Парижскому меридиану. — *Ред.*]. В этом месте на картах, находящихся на шлюпах «Востоке» и «Мирном», не было означено никакой земли, почему капитан Беллинсгаузен принял этот остров за новое открытие и назвал его именем Моллера*. Следовательно, это было первое открытие начальника нашего в прекрасном тропическом климате; первый населенный остров, открытый нашею Южною экспедициею. По этой причине капитан Беллинсгаузен внимательно осмотрел его, сделал гидрографическую съемку и хотел познакомиться с жителями острова; а так как они к нам не ехали, то капитан сам поехал к ним на ялике, взяв с собою живописца экспедиции Михайлоза и мичмана Демидова. За ним и с «Мирного» отправился на остров капитан Лазарев с медико-хирургом Галкиным, с лейтенантом Анненковым и с мичманом Новосильским. Все офицеры и гребцы, на случай неприязненных действий жителей, были вооружены.

Здесь очень скоро, на третий день, над русскими мореходцами оправдалось то, что я сказал выше сего о враждебном расположении к европейцам диких островитян при первых с ними сношениях. Капитан Беллинсгаузен описывает свою поездку на остров Моллер почти в следующих выражениях:

«Когда мы подошли к коралловому берегу, о который разбивался большой бурун, так что без опасности повредить ялик о подводный коралл пристать было трудно, тогда на берегу к этому месту сбегалось до шестидесяти человек мужчин, и число их беспрестанно возрастало. Некоторые были с бородами, волосы на голове у всех были короткие, курчавые, черные. При среднем росте лицо и тело их, загоревшие от солнечного жара, были бронзового цвета, подобно как у всех островитян Великого океана. Островитяне были все вооружены длинными пиками, а в другой руке некоторые держали деревянную лопатку, которою, как и в Новой Зеландии, они бьют неприятеля по головам. Женщины также вооружены [вооруженные] пиками и дубинами, стояли у леса в 20 сажнях назад: они были обернуты от пояса до колен тонкою рогожею.

— Лишь только мы приблизились к берегу, — продолжает Беллинсгаузен, — островитяне все с громким криком, махая

* Контр-адмирал Федор Васильевич Моллер 2 в то время был главным командиром Кронштадтского порта и имел флаг свой на состоявшем под начальством капитана Беллинсгаузена 44-пушечном фрегате «Тихвинской Богородицы».

Вид коралльного острова Моллера.

Из альбома рисунков художника П. Михайлова.

пиками, угрожали нам и явно показали, что они готовы силою воспрепятствовать нам приставать к берегу. Мы бросили к ним на берег подарки и всячески старались склонить их к миру, но старание наше было безуспешно; брошенные нами вещи они брали охотно, но допускать нас к берегу не соглашались. Мы выстрелили дробью сверх голов их, они испугались—женщины и некоторые из молодых людей отступили далее к лесу, а прочие все присели. Видя, однако же, что выстрелы наши никакого вреда им не сделали, они ободрились и над нами же смеялись, не переставая притом приседать при всяком выстреле и плескать на себя воду при виде ружейного огня; они, без сомнения, думали, что мы хотим обжечь их нашими вспышками. Когда же «Мирный» подошел ближе к берегу, сделал, по данному нами сигналу, выстрел ядром из пушки, пущенным в лес над головами островитян, тогда все они оробели. Пожилые мужчины присели и мочили тело свое водой, а молодые вслед за женщинами побежали к лесу, зажгли его во многих местах, произвели длинную непрерывную линию разрушительного огня и тем прикрыли свое отступление на большое пространство.

Мудрено ли было с европейскими наступательными и оборонительными средствами заставить и остальную толпу островитян, вооруженных деревянными копьями и толстыми палками, удалиться в лес за женщинами, но для этого надобно было хотя над одним из них показать действие нашего оружия; а это бы значило без всякой нужды запятнать кровью

прекрасное воспоминание в нашем плавании около света...» Напрасное кровопролитие не в духе русского народа, а потому всегда кроткий, всегда благородный капитан Беллинсгаузен не хотел этим средством проложить путь к удовлетворению бесполезного любопытства. И что бы мы нашли или узнали там полезного для науки или человечества? Тропический климат, свойства коралльных островов, вид и характер жителей, произведения природы?

Все это мы надеялись в непродолжительном времени видеть и узнать на других коралльных тропических островах, где жители более дружески расположены будут принять европейских странников.

Когда шлюбки «Востока» и «Мирного» довольно далеко отплыли от берега, тогда женщины первые выбежали из леса на берег, даже в море по колено, и разными кривляниями, часто не очень пристойными, насмехались над неудачным посещением капитанов. Некоторые матросы просили позволения проучить насмешниц из ружья дробью; капитан не согласился, но я думаю, что и без того это событие надолго останется в памяти жителей острова Моллера. Пусть Дюмон-Дюрвиль дает острову Моллера другое имя и приписывает открытие его другому мореплавателю, от этого слава капитана Беллинсгаузена нисколько не уменьшится, потому что следующий за тем многочисленный ряд новых открытий никто у него оспаривать не может.

По 10 июля шлюп «Восток» с неразлучным спутником своим «Мирным» шел все почти к северу, и там, под южной широтой $15^{\circ}51'$, в западной долготе $143^{\circ}9'$ [по Парижскому меридиану] открыл новый населенный коралльный остров, названный капитаном Беллинсгаузеном островом графа Аракчеева. Отсюда начальник нашей экспедиции приказал поворотить прямо на запад и шел между южными широтами $15^{\circ}40'$ и 17° , уклоняясь то в ту, то в другую сторону параллельных кругов. В этой полосе, заключающей в себе один градус и двадцать минут, то-есть 140 верст широты, на пространстве $5\frac{1}{2}$ градусов по долготе, то-есть на 554 версты длины, в продолжение восьми дней капитан Беллинсгаузен открыл 12 новых островов. Это — порядочный архипелаг, и капитан Беллинсгаузен по справедливости назвал эту группу островами Россиян.

Вот в каком порядке острова эти были открыты:

10	июля	остр. графа Аракчеева	—	южн шир.	$15^{\circ}51'$	зап. д.	$143^{\circ}9'$	[$140^{\circ}49'$]
11	"	кн. Волконского	"	"	$15^{\circ}47'$	"	$144^{\circ}31'$	[$142^{\circ}11'$]
12	"	кн. Барклая-де-Толли	"	"	$16^{\circ}6'$	"	$144^{\circ}39'$	[$142^{\circ}19'$]
13	"	Нигиру	"	"	$16^{\circ}43'$	"	$145^{\circ}5'$	[$142^{\circ}45'$]
14	"	ген. Ермолова	"	"	$16^{\circ}22'$	"	$145^{\circ}26'$	[$143^{\circ}06'$]
14	"	кн. Голенищева - Кутузова	Смоленского	"	$16^{\circ}32'$	"	$146^{\circ}30'$	[$144^{\circ}10'$]

15	июля	остр. ген. Раевского	— южн. шир.	16°43'	зап. д.	146°31'	[144°11']
15	"	" графа Остен-Сакена	" "	16°29'	" "	146°38'	[144°18']
16	"	" адм. Чичагова	" "	16°50'	" "	147°13'	[144°53']
16	"	" графа Милорадовича	" "	16°47'	" "	147°33'	[145°13']
16	"	" графа Витгенштейна	" "	16°21'	" "	147°51'	[145°33']
18	"	" адм. Грейга	" "	16°11'	" "	148°36'	[146°16']

Сверх этого в продолжение того же времени капитан Беллинсгаузен осмотрел и описал два острова, прежде его открытых:

17	июля	остров	2	Пализер	южн. шир.	15°31'	зап. долг.	148°43'	[146°23']
18	"	"	3	Пализер	" "	15°46'	" "	148°54'	[146°34']

Именем Пализера в 1774 г. капитан Кук назвал четыре острова. Капитан Беллинсгаузен отметил их на своей карте номерами по порядку, описанному Куком. Но они открыты были прежде Кука Роггенвейном и названы им первоначально Гибельными островами, потому что близ них из Роггенвейновой эскадры погиб один корабль, а другие два спаслись с большим трудом.

Все эти острова и многие другие, которые остались от нас вдалеке, имеют одинаковый вид: все они образовались на коралловых или мадрепоровых основаниях. Форстер, Перон и другие путешественники думали, что ничтожная порода зоофитов, именуемая полипами, строит свои известковые дома одно поколение над другим, начиная со дна неизмеримого моря до тех пор, пока последнее поколение их выведет родовой этаж свой у самой поверхности моря. С этим поколением последнего слоя воды прекращается вся генерация полипов, потому что они не могут ни строить своих домов, ни жить выше воды в одном воздухе. Два новейшие естествоиспытателя Куа и Гемсар, несколько раз путешествовавшие около света и объехавшие Океанию во многих направлениях, нашли в вышеупомянутом мнении только то не согласным с истиной, что полипы не могут в больших глубинах выносить ни сильного давления воды, ни лишения солнечного света, который не достигает до глубины 200 сажен. Таким образом, надобно принять, что зоофиты начинают свои построения не на песчаном дне океана, а на подводных скалах, весьма неглубоко скрывающихся в море свои вершины. На этих крепких известковых могилках отживших многочисленных поколений зоофитов морские волны кладут несколько слоев земляных частиц и органических веществ, из которых от времени до времени образуются земли, а наносимые на нее теми же волнами или воздухом семена растений зарождают там травы и деревья.

Имея одинаковое происхождение, все коралловые и мадрепоровые острова почти однообразны, выключая фигуры, кото-

рые, без сомнения, зависят от очертания скал в том месте, где строители-зоофиты начинают класть первый этаж своего родового здания. Все эти острова низки, узки, и каждый остров имеет свое средиземное море, называемое обыкновенно лагуном. Часто эти лагуны не со всех сторон окружены землею и соединяются с океаном в тех местах, где кораллы не дошли еще до поверхности воды и не покрылись еще землею, а выглядывают из-под верхнего слоя океана, как подводные камни. Иногда такие коралловые мели имеют протяжение более покрытой землею и населенной уже частью [части] острова. На всех низких коралловых островах произрастания по большей части тощи и природа бедна. Из четвероногих животных островитяне знали только свиней, собак и мышей до тех пор, пока европейцы развели коров, лошадей, овец, коз, зайцев и кошек.

Пресная вода достается в колодцах на глубине около двух сажен, где известковый слой мадрепор, твердый и грубый на поверхности, делается нежнее и пористее и процеживает, вероятно, морскую воду, очищая ее от соленых и сорных частиц ¹¹⁰.

Проследим в коротких словах то, что мы видели нового и любопытного для нас во время последнего счастливого плавания, которое я называю счастливым как потому, что в последнее время экспедиция наша обогатила географические сведения многими открытиями, так и потому, что во все время нашего путешествия в Опасном архипелаге и в Сердитом море никаких неприятностей с нами не случилось, несмотря на грозные наименования этих мест, которые, без сомнения, недаром им даны.

Жители острова Аракчеева нас так же неблагоприятно приняли, как и жители Моллера. Капитаны и офицеры наши не ездили к ним на остров, но они сами приблизились к шлюпам на 6 лодках, на которых было около 25 человек, вооруженных арканами, пиками и булавами. Несмотря на наши ласки и подарки, они не согласились к нам приблизиться, а того менее войти на шлюпы наши. Казалось, что они издали, рассчитав худо свои силы, отправились к нам с намерением сделать нападение и овладеть шлюпами, но, вероятно, скоро увидели свое бессилие и по этой причине поспешили возвратиться на берег. Когда же мы приблизились к острову на расстоянии от берега менее нежели в 900 сажен, островитяне понесли свои лодки во внутренний лагун и зажгли во многих местах лес и кустарники, вероятно с намерением устрашить нас, а может быть и для того, чтобы собрать против нас своих воинов. Но мы не имели ни малейшего желания и интереса выходить на берег, и вместо того вечером в глазах их зажгли по нескольку ракет и представили им зрелище разноцветных огней, каких они и не видавали.

В следующую ночь * точно такую же забаву представили мы, пустивши поодиночке 12 ракет близ берега острова князя Волконского, на котором мы видели в лесу расстилающийся дым, что означало населенность острова. В полдень следующего дня мы были уже вблизи от острова Баркляя-де-Толли, на берегу которого видны были люди и лодки. Июля 13-го за час до полудня, перед нашими глазами был еще остров, покрытый частью лесом, частью мелким кустарником; из кокосовых деревьев мы видели только три пня без листьев. Мы не заметили никаких признаков, из которых можно было бы заключить, что этот остров обитаем, но с берега его приезжали к нам два островитянина, из которых один, казалось, был господином лодки, а другой его работником. Они без всяких предварительных объяснений вошли на шканцы шлюпа «Востока», и главный из них, по имени Эри-Татано, предложил капитану на обмен несколько зерен морского жемчуга. Он уверял, что на острове очень много его добывается. Из рассказов его, сопровождаемых знаками, можно было понять, что он житель другого острова, а приехал сюда для промысла.

Во время обеда капитан посадил нашего гостя подле себя, он охотно все ел, но его заботило опасение, чтобы не обрезать ножом и не уколотся вилкой, и потому он тщательно наблюдал, как мы едим.

После обеда капитан обрадовал Эри-Татано великолепным подарком, состоящим из красного лейб-гусарского доломана. Офицеры тут же надели на него этот блистательный наряд, а на шею повесили серебряную медаль нашей экспедиции с портретом императора Александра I и с надписью «Восток» и «Мирный», 1819. Любо было смотреть не столько на принятую им осанку в этих украшениях, сколько на невыразимую беспритворно естественную радость дикаря.

Между тем работник нашего гостя по его приказанию съездил на берег и привез оттуда на шлюп «Восток» молодую женщину. Ее пригласили в кают-компанию, где капитан подарил ей зеркальце, сережки, перстень и кусок красного сукна, которым она с радостью заменила свою грубую рогожку, покрывавшую ее тело от пояса до колен **.

Гости наши как мужчины, так и женщины были среднего роста, тело их бронзового цвета, волосы черные и курчавые. Начальник был искусно татуирован по бедрам и ляжкам, а спутница его отличалась очень приятным выражением смуглого лица, живыми блистательными черными глазами и необыкновенно белыми зубами.

* У Симонова на полях пометка «12 июля».

** Искусно сплетенная из травы рогожка ее осталась на шлюпе и по возвращении экспедиции в Россию передана была в музей Адмиралтейского департамента.

Жители кораллового острова Аракчеева.

Жители острова Пализера.

Из альбома рисунков художника П. Михайлова.

Капитан назвал этот вновь открытый им остров Нигирой, потому что гости наши так его называли. М. П. Лазарев ездил с некоторыми офицерами шлюпа «Мирного» на берег острова Нигиру, но мель подводных кораллов и сильно бьющий бурун не допустил их приблизиться к берегу, где, как кажется, были другие спутники посетивших нас островитян.

На острове Ермолова мы видели низкий лес и кустарник, а в лагуне его две лодки.

На лесистом острове светлейшего князя Голенищева-Кутузова Смоленского при тропической вечерней темноте был виден огонь. На другой день поутру (15 июля) пристала к «Мирному» лодка с двумя островитянами и доставила свежей рыбы, которую М. П. Лазарев разделил с нами, а при свидании он рассказывал нам, что эти, посетившие шлюп «Мирный» островитяне были татуированы так же, как и Эри-Татано, приезжавший на «Восток» с острова Нигиру. На «Мирном» гостей с острова светлейшего князя Голенищева-Кутузова Смоленского одарили медалями и разными европейскими вещами, но они просили бритв, из чего можно было заключить, что они знали уже европейцев и, без сомнения, приехали с другого острова на промысел, тем более что на берегу, с которого они посетили «Мирный», не было никакого признака постоянного жительства.

Мимо северного лесистого берега острова Раевского мы прошли при противном ветре в семнадцать верстах.

На островах графа Остен-Сакена и адмирала Чичагова не было заметно следов постоянных жителей.

На острове графа Милорадовича видели мы двух островитян, вероятно приехавших из соседственных мест для промысла. На северном берегу — несколько кокосовых деревьев над тощим, низким и не густым лесом.

Когда мы проходили в расстоянии менее двух верст от берега острова графа Витгенштейна, более сорока человек стояло на голом коральном перешейке. На многих из них накинута были ткани или рогожи в виде мантии. Некоторые, снявши с себя эти ткани и навязав их на длинные шесты, махали нам ими. Близ них на узком перешейке лежали две лодки, из которых одна была двухмачтовая. Остров во многих местах оброс лесом, над которым возвышалось несколько кокосовых деревьев. Капитан очень сожалел, что при крепком ветре и при большом волнении нельзя было послать посетить остров. Ночь была темная, и положение наше не совсем было безопасно по причине окружающих остров подводных кораллов, на которые при крепком ветре и при темноте ночной весьма легко было набежать. Для предосторожности во время ночи мы держались почти на одном месте в 25 верстах от берега.

Потом капитан Беллинсгаузен усмотрел и описал два острова, принадлежащих к группе, состоящей из четырех островов, описанных Куком и названных именем Пализер, а именно 1-й и 2-й, в том порядке, в каком видел их Кук; из них последний назван еще Елизаветою.

Июля 18-го открыт был почти кольцеобразный необыкновенно высокий коралльный остров, названный капитаном Беллинсгаузеном именем адмирала Грейга. За северо-западным, довольно крутым и высоким мысом его было совершенно тихо; бурун не сильно плескал на берег. Начальник экспедиции воспользовался этим благоприятным случаем и отправил на берег шлюпку с офицерами, в числе которых был и я. И мы видели на острове Грейга берега намного выше против других коралльных островов, но ту же малорослую природу, те же низкие и тощие деревья, те же густые и сплошные кустарники, взаимно переплетшие свои неровные ветви; те же папоротники и ползущие травы. Мы не нашли там, как и на всех подобных островах, ни развесистой тени для защиты от солнца, ни плодов для услаждения вкуса, ни пленительных для глаз цветов. Местами видели мы там следы разведенного огня, а близ лагун выдвинутую на берег старую лодку, но мы не видели ни людей, ни признаков постоянного их жительства на этом острове.

Стоя на узком кольце коралльного острова, среди безмолвного величия океана, я думал о лунных кольцеобразных горах и представлял себе сходство с ними острова Грейга, если бы море высохло до дна *.

Поездка наша на берег острова Грейга наполнила коллекцию шлюпа «Востока» многими редкими для европейцев предметами по трем царствам природы, между которыми лучшим экземпляром был прекрасный голубой попугайчик Полинезии, с красным носом и с красными ногами, величиною с воробья, застреленный лейтенантом Лесковым. Вместе с тем мы привезли с берега небольшое, но очень любопытное собрание кораллов, раковин и улиток.

От острова Грейга капитан Беллинсгаузен пошел к известному уже острову, принадлежащему к числу четырех островов, названных Куком именем Пализер. Это был третий в порядке описания Кука. Проходя мимо него, мы видели у прибрежного леса несколько шалашей, близ которых стояли люди и бегали собаки. Вид маленьких домиков и семейные группы островитян неоспоримо доказали, что они были постоянными жителями острова. По всему видно было, что для них европейцы — не новость. Двое из них сели в лодку, пристали к

* Цвет лунных гор, виденных мною в лучшие рефракторы [телескопы] и после того всегда напоминал мне цвет кораллов и мадрепор Полинезии.

борту шлюпа «Востока», взошли к нам на палубу; так же, как Эри-Татано, один из них вынул из-за пояса сверток с несколькими мелкими жемчужинами и отдал капитану, показывая, что на острове много жемчуга; капитан отдал его зеркалом.

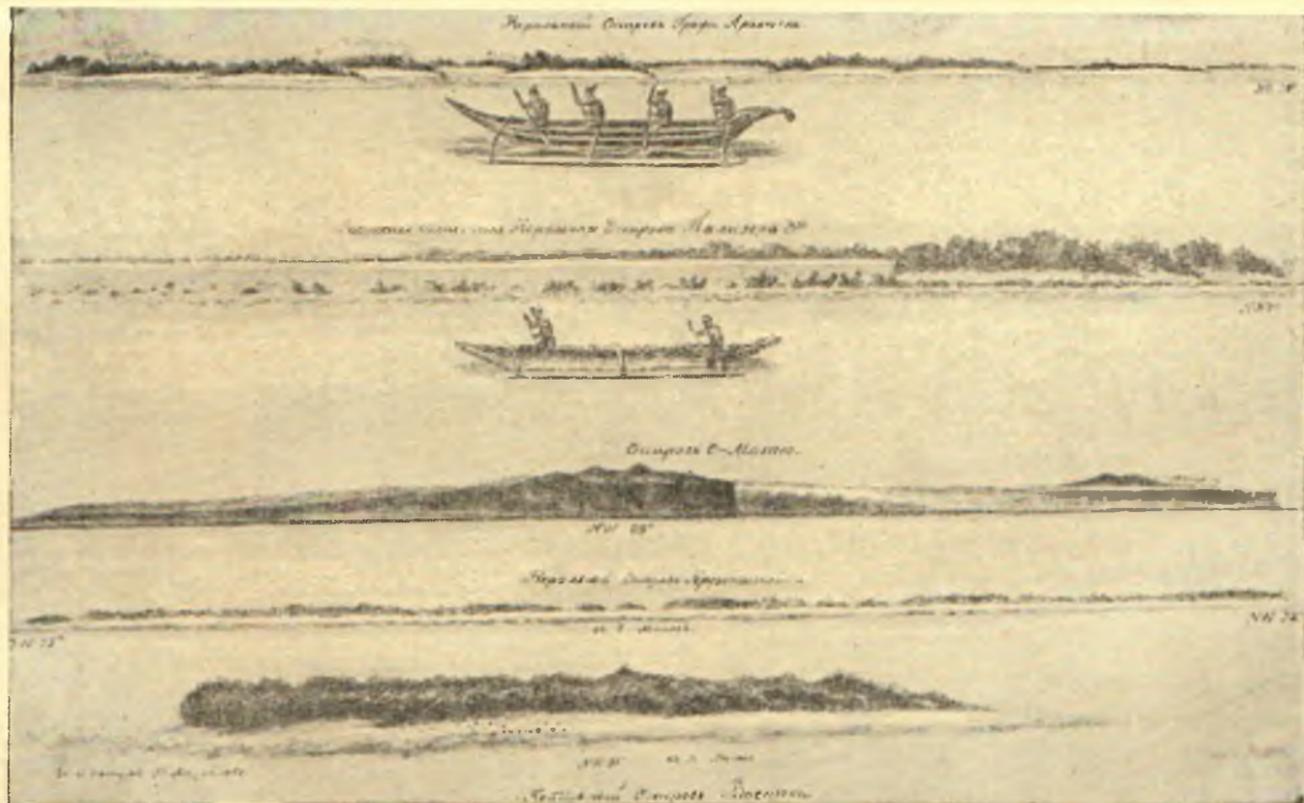
Капитан Беллинсгаузен нашел приличным и четыре острова Пализер причислить к группе островов Россиян, потому, во-первых, что они принадлежат к одной гряде, а во-вторых, хотя они и были открыты другими мореплавателями, но российские мореходцы: Беллинсгаузен в 1820-м и лейтенант Кощебу в 1824 году с точностью определили их географическое место, окончательно описали их вид и измерили их протяжение.

Остров Пализер третий скрылся от нас в расстоянии 31 версты июля 19-го. Во всю следующую ночь и признаков не было новых островов. В это время мы были недалеко от острова Матео, который таитяне называют Мате-Гива. Турнбуль первый из европейских мореплавателей видел его в 1803 году; он нашел, что остров Матео * состоит в подданстве таитского короля и управляется чиновником, от него назначенным. Турнбуль во время своего пребывания у берегов его видел там лодку, пришедшую с острова Таити для собирания дани с жителей Матео. Но этот остров был известен европейцам и прежде Турнбуля: таитянин Тупия говорил об нем Куку в 1769 году и довольно верно назначал его место на карте, а испанский мореходец Бонечеа слышал об этом острове в 1774 году от таитского лоцмана. Мы увидели его в 10 часов утра 20 июля 1820 года в расстоянии 35 верст. Здесь уже не та природа, какая в том лабиринте низких коралловых островов, из которого мы вышли с честью и притом так удачно и счастливо. Здесь среди островов, вместо бездонного лагуна, мы видели возвышение, а вместо побережья, едва превышающего уровень моря, скалы и утесы, на которых произрастает роскошная зелень, кокосовые рощи и другие тенистые деревья.

Остров Матео так же, как и Таити, очевидно, имеет происхождение вулканическое и, может быть, с начала веков возвышается над поверхностью моря. Конечно, морские строители-полипы не упустили случая и к ним пристроить бесчисленное множество тесных кают своего родового дивного кораллового здания; эти пристройки распространили около таких островов подводные мадрепоровые рифы, но не на них опираются высокие остроконечные пики, не на них произрастают высокоствольные деревья и роскошная зелень.

Проходя мимо острова Матео в расстоянии менее двух верст, мы заметили на берегу четыре человеческие фигуры, и

* Правильнее Макатеа. — Ред.

Коралльный остров графа Аракчеева, восточная оконечность кораллового острова Пализера III, остров Матеа, коралловый остров Крузенштерна, коралловый остров Восток
Из альбома рисунков художника П. Михайлова.

казалось, что они делали нам пригласительные знаки. Капитан послал к ним шлюпку, на которой отправились на берег лейтенант Игнатьев, живописец Михайлов, комиссар Резанов и гардемарин Адамс. С «Мирного» также был послан на берег ялик. Еще не успели шлюпки наши подъехать к берегу, как к каждой из них поплыли по два молодых человека и просили убедительно взять их на шлюпы. Двое островитян, доставшиеся на долю «Востока», назывались: старший Аларик, а младший Тулойна. Первый из них был лет семнадцати, а другой около двенадцати. Два мальчика, взятые на «Мирный», были точно тех же возрастов. Наши молодые гости принесли на шлюпку, посланную с «Востока», кокосовых орехов и плодов хлебного дерева; их отблагодарили потребно пронизками и другими безделками. Аларик и Тулойна очень забавляли нас; им дали платье, вымыли их, остригли, одели и обули. Они были неловки в европейских фуфайках и брюках, сделанных из полосатого тика, и при всем том они были очень довольны этими одеждами, но никак не могли привыкнуть к обуви, беспрестанно скидали башмаки и предпочитали ходить с босыми ногами.

Мы уже на Отаити узнали во всей подробности приключение четырех мальчиков, взятых с острова Матео на «Восток» и «Мирный»: они рассказали при нас о своем бедствии отаитскому королю, а английский миссионер перевел нам их повесть.

Они принадлежали к племени жителей острова Анна*; отправившись в море в числе десяти человек, занесены были крепким ветром к пустынному берегу острова Матеа. Вслед за тем к тому же берегу и также случайно подошли несколько лодок с жителями другого острова, вероятно враждующими с жителями острова Анна. Эти враги, бывши сильнее земляков Аларика и Тулойны, напали на них, убили шесть человек и съели их¹¹¹, а четыре мальчика, взятые на шлюпы «Восток» и «Мирный», избегли от такой же участи, укрывшись от людоедов в кустах и пещерах.

Офицеры, бывшие на берегу острова Матеа, видели там обильные потоки свежей воды, но в том месте, где они были, не заметили никаких признаков постоянного на этом острове жительства.

В 9 часов утра 21 июля с салинга были видны две горы острова Таити; вскоре пополудни остров был виден со шканцев, а в 7 часов вечера мы видели на нем разведенные огни. «Таити, Таити», — говорили мы с радостью, смотря на отдаленный берег острова. Радость наша естественна: давно уже мы не были на берегу и не видели свежей пищи, а еще дольше лишены мы были дружеского привета от народов, нами

* Названный Куком островом Цепи [Чейн].

посещаемых, между которыми не нужно иметь камушка за пазухой, как в Новой Зеландии, где мы не могли выходить на берег без вооруженного конвоя. А читая предшествующих нам путешественников, невольно подумаешь, что Таити — рай земной: Квирос¹¹² Валлис, Кук и его спутники и Бугенвиль описали этот остров, как Афины Океании. Бугенвиль назвал его новой Цитерой, а Кук восклицает: «Какая разница между любезным и веселым характером таитян и зверством жителей других архипелагов.

Таити должен показаться путешественникам местом удовольствий мира и истинного счастья»...

На другой день по отплытии нашем от берегов острова Таити мы увидели низенькие островки Тетуа-Роа, на которых проживают несколько семейств. Этот день употреблен был на приведение в путевой порядок шлюпа «Востока» и на уборку всей вымененной на острове Таити провизии. Апельсины и бананы назначены были для ежедневного употребления; они нам дешево достались. По корзине за лист пищевой бумаги. Другую часть апельсинов с лимонами обратили в сок и несколько лимонов посолили для употребления в Южном Ледовитом море. В следующее за тем утро с мачты усмотрен был остров Матеа, на котором найдены были Аларик и Тулойна.

Следуя к северу от Таити с некоторым уклоном на восток, намерение капитана Беллинсгаузена было приблизиться к самому западному из открытых Куком островов Пализер и к близлежащему к нему острову Крузенштерна, открытым русским мореплавателем Коцебу. Тщательное определение мест этих островов заставило капитана Беллинсгаузена утверждать, что остров Пализер IV есть тот самый, который мореплаватели Лемер и Шутен¹¹³ [Скоутен] назвали островом Мух, капитан корабля «Маргариты» — островом Денис, а командор Бейрон [Байрон]¹¹⁴ — островом принца Валлийского. Капитан Беллинсгаузен на своей карте утвердил за ним имя, данное Куком, с цифрой IV по порядку открытия Куком группы островов одного имени Пализер. Начальник нашей экспедиции отдал преимущество названию, данному знаменитым английским мореплавателем, потому что географическое положение этого острова было определено Куком вернее, нежели другими мореходцами. Собирая положение других островов этой группы, капитан Беллинсгаузен пришел к такому заключению, что остров, названный Коцебу именем находившегося под его начальством брига «Рюрика», есть один из островов Пализер, а близ его, лежащий к востоку, который Коцебу принял в 1816 году за Пализер, был новый и до Коцебу никем не замеченный остров. По этой причине капитан Беллинсгаузен на своей карте переставил эти названия: вновь открытый Коцебу остров в южной широте 15°26' и в западной долготе

127°52' [145°32'] назван Рюриком, и возвратил наименование, данное Пализеру I.

Обозрев и описав остров Крузенштерна, мы пошли к западу и к вечеру увидели в южной широте 14°56' и в западной долготе 130°58' небольшой коральный остров с лагуном в середине. Начальник экспедиции назвал этот остров именем незабвенного спутника нашего командира шлюпа «Мирного» М. П. Лазарева и причислил его к числу островов Россиян*.

Остров был покрыт лесом; он казался выдавшимся из моря хребтом гор, и северный его берег был выше, нежели коральные берега других островов. Жителей на нем мы не видели.

Августа 1-го капитан направил путь свой к островам, виденным Рогенвейном и означенным на карте Флорье под именем островов Гронингена и Тиенговена в южной широте 10° и в долготе 159° и 162° к востоку [к западу, у Симонова оговорка. — *Ред.*] от Парижского меридиана¹¹⁵. Несмотря на то, что мы прошли через те самые места, на которых эти острова положены на карте, мы никаких земель там не приметили, а вместо их открыли мы на этом пути два других острова. Первый из них, названный капитаном Беллинсгаузенем «Востоком», по имени главного шлюпа вверенной ему экспедиции, открыт был в южной широте 10°6' и в западной долготе 134°37' [152°17'].

На этом острове мы не заметили следов человеческой жизни, но зато стаями вились над ним фрегаты, фаэтоны и другие птицы, может быть они были единственные обитатели острова.

Другой остров открыт был в южной широте 10°2' и в западной долготе 143°22' [161°02'] и назван островом великого князя Александра¹¹⁶. Со шлюпа «Мирного» увидели его в первых, о чем и сделан был нам условный сигнал, парусами и пушками, но почти в то же время и у нас матрос, сидевший на салинге, провозгласил «Виден берег». Скоро мы приблизились к этому, довольно обширному коральному острову, заключающему в длину около 4½, в ширину около 1¼ версты, а в окружности около 12 верст. Фигура этого острова четырехугольная, но правильно сжатая на середине длины с двух сторон. Посреди его был лагун, берега которого почти параллельны наружным берегам острова. По мере как мы приближались к ним, жители его сбегались на берег: мужчины и женщины, вооруженные пиками и палицами, собрались близ селения, построенного в тени густой кокосовой рощи. Казалось, что они ожидали нас на берег и готовились к битве, но как мы не сходили со шлюпа, то многие из них спустили лодки и окру-

* Местное название Матахива.

жили нас. Мы легли в дрейф, показывали им все известные знаки дружеского с нашей стороны расположения и бросали им подарки, но никакие средства не могли склонить их к нам приблизиться, а с вечернею темнотою они и совсем удалились от нас на берег, не решившись в этот день войти с нами в сношение.

На другой день островитяне были смелее, они подъехали к шлюпам очень близко, охотно меняли свои вещи на наши, но сначала мало имели понятия о величайшей их пользе для них. Они тогда только изъявили знаки удивления и радости при виде топора, когда плотник наш в глазах их перерубил кусок дерева. Однако же мы и в этот день не приобрели доверия островитян ни знаками нашего дружелюбия, ни выгодной для них меной, ни подарками. Они следовали за кормой нашей, схватившись за спущенные со шлюпа веревки, но никакие убеждения наши не могли склонить их взойти на шлюп. Кажется, они приближались к нам с неприязненными видами, потому что мы заметили в лодках их большой запас оружия, употребляемого в Полинезии, т. е. пики, булавы и куски коралловых камней, столь полновесных, что удар ими в голову может положить человека на месте. Они и воспользовались первым удобным случаем, чтобы выказать свои задушевные мысли: в то время, когда служители шлюпа были заняты своими работами и никто не обращал особенного внимания на окружающих нас островитян, они начали бросать из-под кормы на ют и шканцы куски кораллов, из которых один сделал легкий удар в плечо одному боцману.

К счастью, самое сильное нападение их было сделано в то время, когда люди наши, окончив свои работы, разошлись по своим местам, и град камней, пущенный островитянами, не причинил вреда ни одному человеку.

По явной недоверчивости к нам, по совершенному незнанию употребления самых обыкновенных орудий — топора и ножа и вообще по всем приемам можно было заключить, что жители вновь открытого нами острова никогда еще не видели европейцев. По наружности они походили на таитян, но чернее их; платья у них почти никакого не было; черные длинные и волнистые волосы у некоторых распущены были по спине и по плечам, а другие имели головной убор в виде венка из пороста или листьев, на шее почти такое же ожерелье и кокосовую ветвь, а на груди жемчужные раковины, выделанные в виде медали. У многих и в ушах были вложены раковинные обломки обточенных в различном виде и величине. Иные имели на шею спущенные забрала, сплетенные из волокон кокосовой коры наподобие прутьев; передняя часть его подымалась вверх для защиты лица во время сражения. Эта предосторожность также доказывала, что они окружали

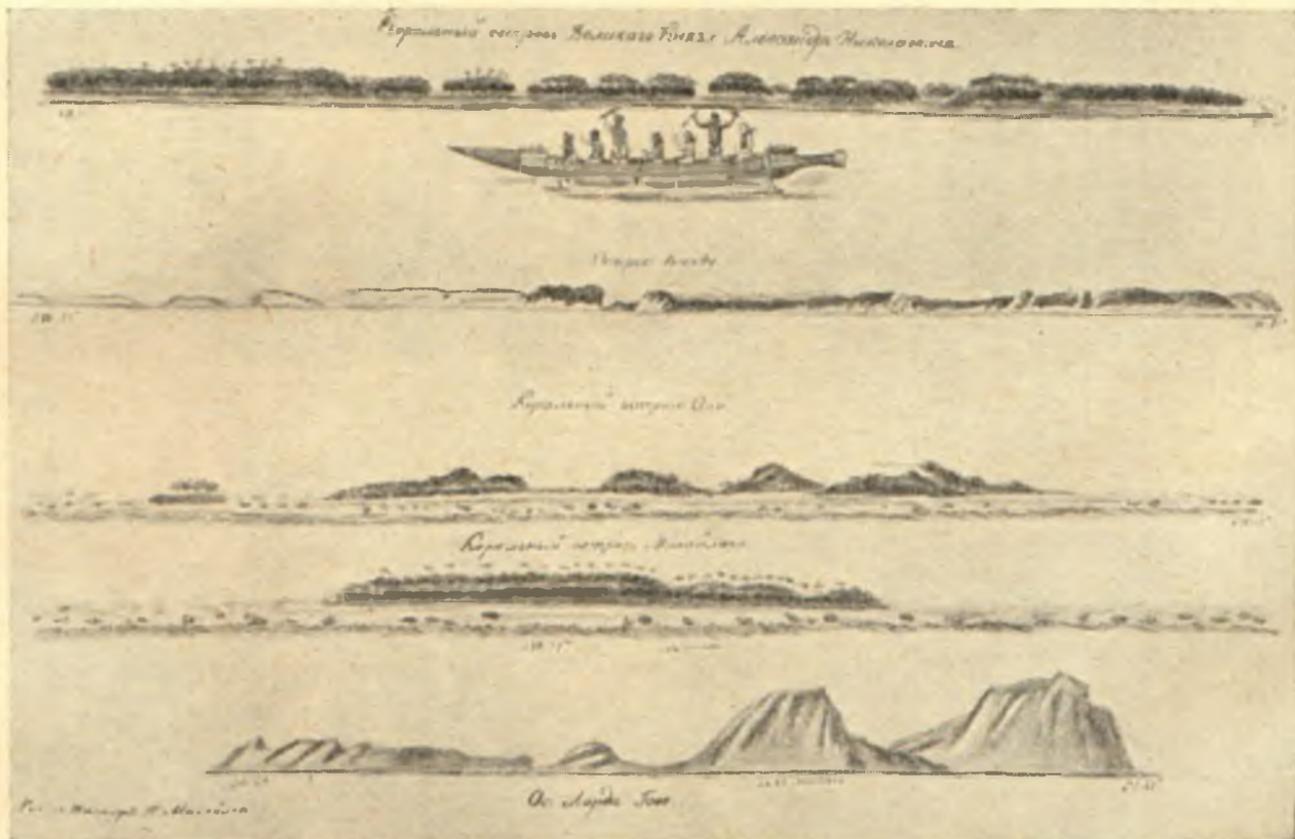
нас с намерением попробовать сил своих для овладения нашими судами.

Отсюда шлюпы наши еще несколько времени шли по параллельному кругу немного южнее 10° южной широты, и 11 августа капитан Беллинсгаузен, потеряв надежду отыскать остров Тиенговен и Гронинген, направил путь нашей маленькой эскадры к Порт-Жаксону одним градусом восточнее пути Лаперуза¹¹⁷. Пройдя острова Опасности¹¹⁸, открытые командором Байроном 21 июня 1763 года, и мимо острова Ваво, принадлежащего к островам Тонга, названным Куком архипелагом Друзей [Дружбы], 17 августа мы поровнялись с островом Поздним (Late), на котором гора возвышается на 1 320 фут над поверхностью моря. Отсюда капитан Беллинсгаузен начал держать путь свой в Новой Голландии между путями Кука и Лаперуза в надежде найти в этом неисследованном пространстве какие-нибудь острова, и надежда его увенчалась блистательным успехом после счастливо избегнутой опасности.

Раскройте атлас, приложенный к описанию путешествия около света капитана Беллинсгаузена; взгляните на 53 карту и вы увидите на ней три острова Оно, окруженные одним коральным рифом. Это лучший перл открытий нашего мореплавателя в тропических пределах Великого океана. Ниже его, то-есть далее к югу, вы увидите два острова Михайлова и Симонова, и тут же немного западнее от Оно¹¹⁹ вы примечите неправильное кольцо, обозначенное точками, с надписью «Берегись».

А знаете ли, что значит это: Берегись? — Это значит, что здесь выглядывала со дна моря гибель нашего корабля и смерть его экипажа. Конечно, смерть славная, Лаперузовская, но тогда, может быть, и нас искали бы так же долго и так же тщетно, как отыскивали некогда Лаперуза, как ищут и теперь Франклина, если б капитан Беллинсгаузен не поберегся. Мне памятна та ночь, когда мы под влиянием самых приятных впечатлений безотчетно стремились к этой гибели, и как чудесно спасены были одним словом мореплавателя, написавшего на этом месте — Берегись!

Два южных острова, из которых один капитан Беллинсгаузен назвал моим именем, а другой — именем живописца нашей экспедиции академика П. Н. Михайлова, открыты были на шлюпе «Востоке» 20 августа 1820 года, около трех часов пополудни, а перед вечером сверху мачты усмотрен был большой остров Оно, и шлюпы «Восток» и «Мирный» направили к нему путь свой. Но я уже говорил, что в тех равноденственных местах нет вечера, и едва дневное светило погрузится под горизонт, едва последний луч солнца скроется за волнами, как вдруг все окрестности покрываются густым мраком; там нет нашей розовой зари, нет сумерек.

Коралловый остров великого князя Александра Николаевича, остров Воваду, коралловые острова Оно, Михайлова, остров лорда Гоу.

Из альбома рисунков художника П. Михайлова.

Зато тропические ночи
На небе темноглубом
Блестят и восхищают очи
Своим магическим огнем.

В 8 часов пополудни над поверхностью моря была уже тьма непроницаемая. Свежий, но ровный ветер, немного наклоня шлюп «Восток», слегка его покачивал, а волны резвые клубились около корабля, плескались в бока его, кипятком клокотали перед носом, и пена их длинную светлую струею протянулась за рулем. А вдали синее море рябило и ежеминутно покрывалось, как звездами, фосфорным блеском морских существ. Казалось, оно хотело вступить в соперничество с небесным сводом. Но нет, там другое дело: там на темноглубом эфире, не золотая, как говорит Державин, судя по нашему климату, но светлая, серебряная плавала луна, окруженная сонмом ярких блистательных светил небесных. Лучи их в этом жарком поясе земного шара не мелькают, не переливаются из цвета в цвет, не играют разноцветными огнями, как у нас, но тихо, спокойно блестят, как небесные лампы, как планеты на нашем северном небе; но зато, переходя через необыкновенно редкий и прозрачный воздух, они глубоко проникают в душу зрителя тропической картины неба. Картины?.. Нет. Это не выражает то, что я видел... Это не живопись, а поэзия и музыка миров... Я вглядывался в златые буквы этой дивной поэмы, я вслушивался в мотивы этой гармонической оратории, и мне казалось, что я понял их значение и голоса. Они мне сказали, что перед нами блестили центры бесчисленных планетных систем, как Земля, населенных разумными существами, которые, как и мы, действуют и размышляют. Мне так и казалось, что некоторые из этих существ, подобно мне, с благоговением смотрели на звездное небо, а иные вперили взоры свои в нашу сторону и всматривались в едва приметную для них светлую точку, которую мы называли громадным лучезарным солнцем.

Созерцание неба, мои мечты и думы прерваны были пением наших молодых артиллерийских унтер-офицеров и подштурманов. Родные песни, под влиянием впечатлений, произведенных на меня безоблачным небом, спокойным океаном и морской тропической ночью, приятно доходили до моего уха вместе с шелестом ветерка, играющего с парусами, с лепетом волн, плещущих в медную оболочку корабля и с звуками мерных шагов капитана и вахтенного лейтенанта, ходящих взад и вперед во всю длину палубы.

Вдруг я замечаю какую-то тревожную заботливость в движениях капитана: он берет зрительную трубу, всматривается в морскую даль с передней части корабля и, обратившись к лейтенанту, отдает приказания.

— По местам! — вскричал лейтенант.

— Грот марса булен и мигериян отдай.

И другие подобные термины морской команды раздались. Все пришло в движение: матросы явились на палубу, стройными толпами бегали, суетились и по звуку свистка боцмана тянули, поправляли и укрепляли снасти. Между тем с нашего корабля пушечные выстрелы следовали звук за звуком через мерное и определенное число минут. Это был сигнальный приказ, отданный начальником экспедиции шлюпу «Мирному», чтобы он, подобно нам, сделал поворот и шел совершенно в противную сторону.

Когда звук пушечный умолк, тревога прекратилась и матросы скрылись в темноте ночной, я подошел к вахтенному лейтенанту и спросил его:

— Кого разбили мы этой грозной канонадой?

Он взял меня за руку, привел на ют, к самой корме шлюпа, и сказал мне:

— Видишь ли эту белую черту морской пены?

— Вижу.

— Слышишь ли этот шум, как будто от отдаленного водопада?

— Слышу.

— Это бьет бурун через коральный риф, идущий на большое пространство: он был перед нами, и если бы мы не поворотились во-время к нему кормами, то «Восток» и «Мирный» через десять минут разбились бы вдребезги об этот коральный порог, а мы...

На другой день мы были близ острова Оно, и вскоре подъехала к борту шлюпа нашего двойная лодка под парусом. Это собственно были две узкие и длинные лодки, сколоченные борт с бортом досками. Двойная лодка была окружена многими маленькими лодками. Одна из них пристала первая к трапу шлюпа «Востока», и сидевшие на ней два человека с великой доверенностью взошли на шлюп и были приняты у нас весьма дружелюбно. Они нам привезли кокосов, бананов и других плодов и корней, за что нами были отдарены щедро.

По всему было видно, что жители острова Оно никогда не видели европейцев; если двое первых посетителей наших смело вошли на шлюп наш, это произошло оттого, что один из них знаком был с европейцами на Дружественных островах. Этот островитянин, по имени Пауль, будучи уроженцем острова Тонга или Тонгатабу, был занесен бурей на остров Оно, где впоследствии времени заслужил приязнь жителей и доверенность короля. Вскоре за ним вошли на шлюп наш и другие островитяне, между которыми были два сына владельца острова, прибывшие к нам на двойной лодке. Через час после них приехал к нам туран, то-есть владелец острова Оно, по имени Фио.

По прибытии его Пауль принял на себя обязанность церемониймейстера и составил любопытный церемониал свидания своего турана с начальником шлюпа «Востока». Он посадил их один против другого на пол и каждого окружил своей свитой. Потом туран Фио приказал принести с его лодки кокосовую ветвь с двумя незрелыми орехами и подал ее Паулю, который поднял ее кверху, пропел громко какую-то песнь, хлопая в ладоши и по бедрам своим. Ему припевала и повторяла такие же удары ладонями свита турана. По окончании пения Пауль начал отламывать с ветви отростки, не имеющие плодов, приговаривая какие-то для нас непонятные слова. После того опять все островитяне запели, хлопая ладонями попрежнему. Наконец, все встали, и гости наши подходили к нам и здоровались с нами прикосновениями носа к носу по обычаю, принятому во всей Полинезии.

Вся эта сцена происходила на шканцах, а оттуда капитан повел турана Фио в свою каюту и подарил ему красной фланели, медаль, пилу, несколько топоров и разных других вещей. Посетители наши возвратились от нас домой довольно поздно, но Фио, Пауль и еще один островитянин из свиты турана остались у нас ночевать. Пауль посетил мою каюту.

Чтоб позабавить гостей наших какою-нибудь для них диковинкою, капитан Беллинсгаузен приказал пустить пред ними несколько ракет. Островитяне сначала были совершенно поражены блеском и быстротою зрелища и выразили свое удивление глосами и ударами ладонью по открытому рту, от чего произошли звуки в роде Авававава, А-ва-ва-ва... В минуты треска и взрывов ракет Фио держался за платье капитана. А когда удивление их прошло и осталось одно чувство страха, то гости наши просили прекратить зрелище.

Поужинав с нами с удовольствием, Фио и двое его приближенных пошли спать в капитанскую каюту, где были приготовлены им посланные на полу госпитальные тюфяки с подушками и с простынями. Но сон их был краток и беспокоен. В тот день и в ту ночь, как и во все время плаванья нашего в жарком поясе земли, я непрерывно наблюдал еже-часное колебание ртути в барометре, и как барометры шлюпа висели в той каюте капитана, где были приготовлены постели для гостей наших, то я и входил в нее в начале каждого часа. При всяком появлении моем ночью с фонариком в руках в капитанскую каюту островитяне вскакивали и бормотали что-то на своем языке. Беспокойный сон их был понятен: многие тревожные думы, без сомнения, заставляли турана Фио размыслить и о том, что он видел в продолжение последнего дня и вечера, и о том, благоразумно ли поступил он, вверившись сильным и неизвестным ему пришельцам. Тревожное состояние их продолжалось до утра, и я перед восхождением солнца, наблюдая температуру наружного

воздуха на термометре, висевшем на шканцах, встретил их на верхней палубе. В виду острова Оно гости наши спокойно уже прогуливались по шканцам и по шкафуту, присвоив себе постланные им простыни и накинув их на плечи свои в виде римской тоги. Капитан Беллинггаузен оставил за ними эти неправильно приобретенные ими мантии.

С восхождением солнца островитяне опять приехали к нам на 7 парусных и на 36 гребных лодках в числе около двухсот человек. В этот день мена с жителями доставила нам много редких вещей: разные роды оружия, воинские знаки начальников, ткани белые и цветные, большие раковины. Многие из этих вещей отделаны лучше таитских. Как владетель острова, так и все наши гости с нелицемерно-дружеским расположением приглашали нас на берег, уверяя нас, что там мы за каждую нитку стеклянных пронизок получим живую свинью (буага), что и здесь почитается самым богатым предметом промышленности. Но весна приближалась. Капитан строго рассчитывал время для предстоящих нам исследований и поспешил направить путь свой прямо к Порт-Жаксону для приготовления шлюпов к окончательному обозрению Южного Ледовитого океана.

На острове Оно мы видели в последний раз новое для нас племя диких ¹²⁰ народов. В последующие плавания мы встречали много островов, много и сами открыли новых, но те острова были необитаемы.

Имея сношения с жителями островов, рассеянных на большом пространстве Великого океана, мы заметили между ними, кроме очерка лица, еще искусственные признаки, отличающие одно племя от другого. Без сомнения, самое главное наружное отличие жителей разных островов заключается в татуировке, но, чтобы видеть различие рисунков в этом испещрении человеческого тела, надобно долго странствовать и приучить глаз свой к узорам, отличающим не только различные племена, но и разные состояния людей одного и того же острова. Другие, более приметные признаки для отличия жителей разных мест доставляет так же, как и в Европе, мода, которая проникла даже и в первобытный образ жизни непросвещенных обитателей Океании.

За неимением одежды вся мода жителей острова Оно сосредоточивалась в прическе волос. У турана Фио волосы, завитые в мелкие кольца, а может быть и от природы курчавые, были причесаны по всей голове *á la titus*. У сына его волосы были разделены на несколько пучков, перевязанных снурками у самой головы, а концы пучков взбиты по всей голове, выключая задних прядей волос, висевших локонами по плечам: в правом виске его был вплетен пушистый цветок. У некоторых передние и верхние волосы очень низко взбиты на голове, а виски и задние волосы висели вниз, ровными

пряжами или мелкими локонами. К этой прическе присоединяется пудра и притом гораздо затейнее французской—пудра разноцветная: красная, желтая, голубая. Сверх того, у многих были воткнуты в задние волосы вертикально-черепаховые или деревянные гребенки и горизонтально-черепаховые шпильки в фут длиною. И то, и другое иногда употреблялось для того, чтоб почесать в голове и не измять прически. У некоторых на шее были ожерелья из мелких раковин, нанизанных на шурки и тесемки из человеческих волос; у других на гаких же тесьмах висели в виде медали в кружках обточенные жемчужные раковины; у многих на руках выше локтя были перламутровые кольца в виде браслет, и у всех нижние части ушей имели огромные прорехи, куда вкладывались большие куски раковин толщиной в $1\frac{1}{4}$ дюйма и длиною в $2\frac{1}{2}$ дюйма, отчего уши их безобразно отвисли. Но самый болезненный обычай почти во всей Океании заключается в отнятии пальца в память умерших близких родственников. На Оно мы видели многих мужчин без мизинцев.

Августа 22 в 9 часов утра мы простились с ласковыми и дружелюбными жителями Оно, спустили с борта шлюпа и турана Фио, и окружавших его расчесанных и напудренных маркизов Полинезии на их узенькие лодки и дали волю ветру наполнить паруса наши. Скоро поровнялись мы с тем коральным рифом, который незадолго перед тем грозил нам опасностью. Осторожность спасла нас от гибели, а наше тщательное определение этого опасного места спало, может быть, многих мореплавателей, путешествовавших по следам нашим. В 2 часа пополудни прошли мы западнее островов Симонова и Михайлова, близко придерживаясь к первому из них, и в последний раз полюбовались там дивною природою тропических коральных островов и кокосовыми рощами, великолепно их украшающими.

Географическое положение этих островов найдено нами было следующее:

острова Оно	южная широта 20° 39',	западная долгота 161° 00' [178° 46']
» Михайлова »	» 21° 2' »	» 161° 00' [178° 40']
» Симонова »	» 21° 3' »	» 161° 6' [178° 46']

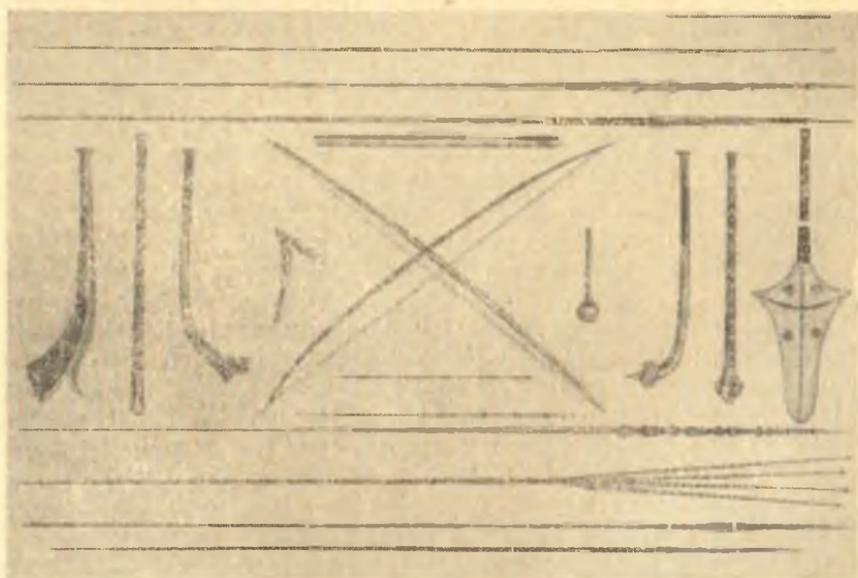
Это антиподы с африканской пустыней Сахарой.

С радостью мы шли обратно к Порт-Жаксону и с приятной надеждой помышляли о ласковой встрече от приобретенных нами там друзей. Признаюсь, и не без гордости ожидали мы там лестных поздравлений.

Скоро мы увидели горы необитаемого острова лорда Гау [Гове] и через неделю после того мы были уже на берегах Порт-Жаксонского залива,

Фю — начальник острова Оно; житель острова Оно.

Оружие жителей острова Оно в Порт-Жаксоне.
Из альбома рисунков художника П. Михайлова,

**ВТОРИЧНОЕ ПРЕБЫВАНИЕ
ШЛЮПОВ „ВОСТОКА“ И „МИРНОГО“
В НОВОЙ ГОЛЛАНДИИ,
ПЕРЕХОД ИХ ОТТУДА В ЮЖНОЕ ЛЕДОВИТОЕ МОРЕ
И ПОСЛЕДНИЕ В НЕМ ПОИСКИ**

Девятого сентября мы входили в Порт-Жаксонский залив при радостном приветствии знакомых наших, жителей Сиднея. Капитан порта Пейпер встретил нас на половине пути по заливу. Он увидел шлюп «Восток» с дачи своей, названной им в честь своей супруги Elisa-point, и тотчас поехал к нам на маленькой гичке. Заметив, что мы возвращались без своего спутника — шлюпа «Мирного» — из таких мест, из которых некоторые мореплаватели совсем не возвращались, с приметной грустью спросил нас:

— А где капитан Лазарев?

Мы его успокоили, уведомляя, что три дня тому назад «Мирный» разлучен был с нами бурей в местах, уже не опасных. Действительно, шлюп «Мирный» 10 сентября вошел в залив и стал на прежнее свое якорное место.

Я переехал на тот самый берег, на котором и прежде стояли мои палатки, и с того же дня начались прежние наши занятия, прежние труды и хлопоты и прежние удовольствия.

Шлюпы наши были совершенно разоружены, потому что требовали значительных поправок.

В этом случае генерал Мекери [Маквари], сверх доставляемых нам удовольствий и угощений, оказал нашей экспедиции существенную услугу, доставив для более значительных поправок шлюпов и прекрасный сухой лес и искусных мастеровых людей английского адмиралтейства, которые работали под надзором и руководством портового корабельного мастера. Мелкую же работу производили наши корабельные мастеровые люди на берегу близ раскинутых нами палаток, где я попрежнему поместился с астрономическими инструментами в соседстве с лейтенантом шлюпа «Мирного» М. Д. Анненковым.

Эти приготовления к новым поискам нашим в недосмотренной нами половине Южного Ледовитого моря, примыкающей к Великому океану, продолжались пятьдесят два дня. 31 октября мы навсегда оставили Новую Голландию, где осыпали нас самым лестным вниманием, так что пребывание наше в этой любопытной стране осталось лучшим для нас воспоминанием на целую жизнь, а имена генерала Лаклена Маквари и капитана Пейпера сделались для нас незабвенными. Приятеля моего поручика Райноса мы уже не застали во второй приход наш к городу Сиднею: он уехал в Индостан к полку своему, бывшему в то время в городе Мадрасе. Капитан Пейпер расстался с нами в то время, когда паруса на-

ши уже наполнились, громкие «ура» сопровождали его на дачу Elisa-point, где маленькие пушки его салютовали нашим флагом после прощальных салютов шлюпов с городской крепостью.

При входе в открытое море нас встретил противный ветер с юга и в продолжение недели удерживал ход наш. В это время капитан Беллинсгаузен пригласил командира и офицеров «Мирного» к себе обедать, объявил М. П. Лазареву, что он намерен итти сперва на остров Маквари, лежащий к юго-западу от Новой Зеландии в южной широте $54^{\circ}39'$ и в долготе $176^{\circ}25'$ к востоку от первого меридиана. Затем начальник нашей экспедиции сделал такое распоряжение, чтоб шлюпы «Восток» и «Мирный» в случае невольной разлуки искали друг друга три дня на месте разлуки, а если они не встретятся, тогда ожидать неделю у северо-восточной оконечности Новой Шотландии, которую он имел намерение осмотреть; если там шлюпы не свидятся, то, прождав месяц в Рио-Жанейро, окончить свой путь по инструкции.

Семнадцатого ноября при рассвете я вышел на верхнюю палубу в то самое время, когда открылся перед нами берег острова Маквари, открытого в 1811 году лейтенантом Кембелем и названный именем губернатора Нового Южного Валлиса Лаклена Маквари. Вскоре по приближении нашем к берегу капитан-лейтенант Завадовский, мичман Демидов, живописец Михайлов и я отправились на шлюбке на остров, и по причине сильного прибоя (бурун) мы с трудом могли пристать к берегу. В то же время все офицеры «Мирного», кроме вахтенного, присоединились к нам. Берег острова Маквари невысок и за отсутствием заливов и бухт очень неудобен для якорного стояния, даже и на шлюбке трудно к нему приставать. Есть и горы посредине острова, простирающиеся до 266 сажень над поверхностью моря.

Прекрасная густая зелень покрывала землю, исключая каменных скал, но ни одно дерево на острове не произрастает. Нет там и четвероногих животных, но многие породы птиц за неимением деревьев вьют там свои гнезда в земле. И. И. Завадовский застрелил там особенной породы попугайчика. Верхние места острова наполнены маленькими озерами, в которых, говорят, водятся форели, а на нижних берегах встретили мы бесчисленные стаи пингвинов и группы морских животных, между которыми было множество самой большой их породы, называемой морскими слонами (rhoques à trompe)*. Это название они получили по той причине, что морда их оканчивается коротким и подвижным хоботом, а равно и по огромной величине их, простирающейся иногда в длину до 5 и в окружности до $2\frac{1}{2}$ сажень. Ловля морских

* Род тюленя — *macrophippus leoninus*. — *Ред.*

зверей и добыча из них жира и кож составляет обширную отрасль английской промышленности. С этою целью англичане ежегодно привозят на остров Маквари промышленников и оставляют там их на многие месяцы.

Морские слоны сидели на берегах острова Маквари, поднявши сверху коническую грудь и шею, на которой маленькая, сравнительно с телом, головка возвышалась над землею далеко выше роста человеческого. Они вышли на берег, кажется, для отдохновения, и они не обращали никакого внимания на наше к ним приближение даже и тогда, как в них кидали камнями, они, просыпаясь, изъявляли свое неудовольствие только открытием пасти и ревом, похожим на хрипение. Но когда капитан-лейтенант Завадовский выстрелил одному слону из пистолета в открытый зев его, то он сильно захрапел и медленно пополз в океан лечить свою рану морскими ваннами.

Нравы, обычаи, занятия и семейные обязанности пингвинов известны уже из описания первого плавания нашего в Южном Ледовитом море. Во время пребывания нашего в половине ноября на острове Маквари пингвины были в таком же положении, в каком мы нашли их в исходе декабря прошедшего года на острове Завадовском, принадлежавшем к группе островов маркиза де-Траверсе: и там, и здесь они были на яйцах. Но здесь подметили мы особенность, которая до сего времени нам не встретилась. Мы видели на острове Маквари обширные толпы молодых пингвинов, вероятно прошлогодних, которые выросли уже до своей обыкновенной величины, но не успели еще первородный пух свой переменить на перья. Этот густой курчавый пух, цветом похожий на верблюжью шерсть, как шубой, покрывал их тело. По всей вероятности, природа одевает их первоначально так тепло с тою целью, чтобы молодые, еще не окрепшие телом, пингвины легко могли переносить суровость первой зимы.

Другая особенность замечена нами была в кругу их действий. Старые и молодые пингвины стояли густыми, но отдельными толпами. Обыкновенно они держали тело свое в вертикальном положении, а нос задумчиво опускали к земле, но почти ежеминутно пингвин за пингвином сперва подымал нос кверху, потом вытягивал шею выше других и, простоявши в таком созерцательном положении несколько секунд, опять опускал нос к земле и, наконец, опустив шею к плечам, принимал прежнее задумчивое положение. Мне не случалось видеть, чтобы два пингвина в одно время вытягивали свои шеи с поднятым носом к небу, но всегда один после другого в разных местах своей многочисленной толпы.

Кроме морских слонов и пингвинов, на берегу острова покоилось еще много других пород морских зверей. Таким образом ловля их и добывание жиру мало труда доставляют

промышленникам. Они, так сказать, сами приходят в руки промышленников и беззащитно им предаются. Тут нет ни искусства, которое требуется при ловле китов, ни опасностей, с нею сопряженных.

По словам промышленников, морского слона невозможно убить в океане, но за ними и не нужно гоняться по морю, их бьют на берегу во время сна по переносью железными ядрами, приделанными к концу палки: в это время животное теряет силу и движение, а затем четыре раны в шею острым ножом оканчивают жизнь его. Жир убитого морского слона растапливают в котлах, которые разогревают, вместо дров, кусками того же тюленьего жира, и, наконец, растопленный жир наливают в бочки и отправляют в Новую Голландию и в Англию.

В то время как мы в первый раз посетили берег острова Маквари, промышленники, там оставленные, поехали на наши шлюпы, и мы без них входили в пустые, темные, закоптелые шалаши. Они имели пространство немного более четырех квадратных сажен; некоторые из них были составлены из камня, грудой сложенного, а другие внутри обтянуты шкурами морских животных и покрыты травой. В одной из них я нашел две печки, пустую кадку, кусок черствого хлеба и деревянную руку, отломанную от носовой корабельной статуи: эта рука некогда держала шпагу, но мы нашли в ней один только эфес. Из всего, что мы там видели, заключить можно, что англичане, получая от этого промысла большие выгоды, нимало не заботились о спокойствии промышленников, которые терпели в этой суровой стране и холод, и голод. При нас их там было до сорока человек, из них некоторые пробыли там 6, а другие 9 месяцев. Между тем все бочки были уже наполнены жиром морских зверей, порожних не осталось, и промышленники живут на острове близ четырех месяцев без всякого дела, в нетерпеливом ожидании, что скоро придет за ними купеческое судно «Мария-Елизавета», но капитан Беллинсгаузен разочаровал их, уведолив, что он сам видел, как «Мария-Елизавета» тимбировалась в Порт-Жаксоне, а потому скоро прибыть к ним не может. Это известие тем более было для них неприятно, что запасенная провизия их вышла вся, и им осталось питаться одним мясом морских зверей, которое они жарят и приготавливают в супе с приправой зелени, в изобилии там растущей, которую промышленники острова Маквари называют дикою калуствою. В особенности они с удовольствием питаются котлетами из ластов молодых морских слонов.

В 10 часов вечера, когда мы на шканцах шлюпа «Восток» передавали друг другу мысли и замечания свои о всем виденном нами поутру на пустынном острове Маквари, мы были неожиданно поражены двумя ударами сильного потря-

сения шлюпа, подобного тому, когда корабль дном касается мели. Капитан Беллинсгаузен приказал бросить лот, но на 60 саженях не достали дна. В то же время с «Мирного» прибыл к нам лейтенант Анненков с донесением, что и там подобные удары чувствовали одновременно с нами. Такое одновременное явление на двух шлюпах, державшихся один от другого на значительном расстоянии, заставило подозревать, что оно происходило от подводного землетрясения. Это мнение подтверждено было на другое утро прибывшими на шлюп промышленниками, которые и на берегу острова в одно с нами время чувствовали два удара сильного землетрясения.

Капитан Беллинсгаузен полагал, что остров Маквари принадлежит к продолжению подводного хребта гор, которого разные вершины составляют гряду островов: Новых Гебрид, Новой Каледонии, островов Норд Фолк, Новой Зеландии, острова лорда Аукланда и Маквари.

Наделивши промышленников провиантом, ромом и другими необходимыми для них вещами, 19 ноября 1820 года мы оставили эту последнюю землю, виденную нами в Великом океане.

27-го мы были под южной широтою, соответствующей широте С.-Петербурга, и вновь встретили там вечно плавающие льды. Несмотря на то, что в южном полушарии время нашего перехода через широту С.-Петербурга соответствовало концу нашего мая месяца, температура в тех холодных местах в 9 часов утра была на точке замерзания, а в полдень термометр показывал 3° тепла. На другой день под широтою 62° мы встретили уже льдины высотой до 9 сажен над поверхностью моря, а в 8 часов вечера мы подошли уже к сплошной твердой оболочке Южного полюса.

Разность в температуре в больших широтах южного и северного полушарий очевидна, и многие физики искали ее причину. Еще недавно почти все полагали, что она происходит от эллиптического движения земли около солнца, принимая в рассуждение, что земля находится в ближайшем расстоянии от солнца, когда в нашем полушарии зима, и в самом дальнем, когда у нас лето, а зима — в южном полушарии. Следствием этого выходит, что солнца в северном полушарии бывает семью днями более, нежели в южном. Такое положение земной орбиты, казалось, должноствовало умерить жар и уменьшить холод в нашем полушарии. Но если мы ближе рассмотрим это обстоятельство, то увидим, что влияние его на температуру должно быть нечувствительно.

В самом деле, разность удаления земли от солнца в самом большом и в самом меньшем расстоянии так мала, и время семи суток, от которых надобно отнять ночное время, в продолжение которого солнце не прогревает земную поверхность, в 365 днях так незначительно, что не могут произве-

сти такой разности в температуре двух полушарий, какую мы замечаем. Сверх того, если б эта причина имела ощутительное действие, то переход температуры от летнего зноя к зимнему холоду в средних широтах южного полушария долженствовал бы быть еще чувствительнее, нежели на севере. Между тем в Новой Зеландии под 41-м градусом широты мы видели среди зимы полунагих людей и термометр показывал 16° теплоты. А на острове Маквари мы видели род маленьких попугаев, которые в большие холода не могли бы там жить. Однакож нет никакого сомнения, что они остаются там в продолжение целого года, потому что в других местах их нигде не встречают; да и положение острова Маквари, окруженного на обширное пространство морем, не позволяет им оставлять остров в зимние месяцы. Из этого следует, что зимы в больших и средних широтах южного полушария гораздо умереннее, нежели на северном, и что изъяснение разности температуры в двух полушариях эллипсоидальностью земной орбиты неудовлетворительно.

В 1811 году Биот [Био] сказал в своей физической астрономии, что, может быть, великое пространство морей, покрывающих южное полушарие, много способствует к его прохлаждению, но он недостаточно изъяснил причину этого действия.

Александр Гумбольдт в превосходном своем сочинении о равно-теплых линиях первый, сколько мне известно, говорит положительно о влиянии морей на температуру. Вот его слова:

«Малое пространство земель в южном полушарии не только уравнивает времена года, но также уменьшает годовую температуру этой части земного шара. Я думаю, — говорит А. Гумбольдт, — что причина эта действует более, нежели эксцентрицитет планетного движения. Твердая земля во время лета распространяет более теплоты, нежели моря, и восходящее течение воздуха из равноденственных и умеренных поясов действует менее в южном полушарии, нежели в северном».

Мне кажется, что легко изъяснить причину разности температуры в двух полушариях, не прибегая к восходящему течению воздуха, которое должно быть последствием главной причины. Но чтоб прийти к этому объяснению с очевидною последовательностью, надобно начать с того, каким образом солнце передает теплоту поверхности земного шара. Известно, что лучи этого светила беспрестанно распространяются от него во все стороны вселенной, часть их достается в удел и нашей планете, вместе с теплотою, которая падает с ними на поверхность земного шара и проникает в глубину его. Если б земля беспрестанно поглощала эту теплоту, то давно уже пришла бы в пламенное состояние, но она заключает в недрах

своих достаточное количество собственной теплоты, не имеет места для поглощения новой и, нагреваясь на непродолжительное время, в виде лучей рассеивает излишнюю теплоту в пространстве мира, тем более что воздух, окружающий землю, не удерживает стремление лучистой теплоты. Оттого-то и происходит постоянное состояние земной температуры. Лаплас доказал, что со времен Гиппарха в продолжение двух тысяч лет температура земли не изменилась и на полградуса.

Между тем все точки земной поверхности так расположены в отношении к солнцу, что лучи его неодинаким образом нагревают ее. Лучи солнечные, имея отвесное направление в местах тропических и ударяя там прямо на землю, нагревают ее более, нежели в тех местах, где они достигают до нас косвенно. Таким образом, тропический климат остается постоянно знойным, тогда как оба полюса, где солнечные лучи едва касаются земной поверхности, окружены вечным снегом и льдом.

Нет сомнения, что эта разность происходит от направления солнечных лучей к поверхности земли или, лучше сказать, в отношении к плоскости горизонта каждого места. Говоря математическим языком, должно сказать, что средняя температура всякого места есть функция полуденной высоты солнца, если отделим действие на нее местных причин, как-то: подземный огонь, близость морей, умеряющих своими испарениями как теплоту, так и стужу, наносный ветрами с южных или северных сторон воздух, восходящее течение воздуха между тропиками и боковое течение его из умеренных поясов к экватору, производящее пассатные ветры, и прочее. Эта функция должна быть *такого свойства, что от нуля градусов она должна быть равна нулю, а от 90° — наибольшая.

От этой причины происходит разительная перемена температуры во временах года в умеренных поясах. Солнце, вступив на экватор и переходя в наше полушарие, посылает к нам лучи свои гораздо прямее и, более нагревая землю во время лета, делает ее плодотворною. Напротив того, это светило при вторичном переходе через экватор, удаляясь в южное полушарие, направляет к нам лучи свои косвеннее и через то так мало доставляет нам благотворной теплоты в зимнее время, что от недостатка ее отнимается на время жизненная сила растений. Оттого же происходит в наших климатах перемена степени теплоты в продолжение суток. Светило дня, появившись над горизонтом, по мере своего возвышения более и более доставляет нам теплоты до тех пор, как, достигнув самой большой высоты, начинает понижаться к западу: в это время теплота уменьшается, и ночью, когда солнце скроется под горизонтом, мы довольствуемся только тою теплотой, которую земля, нагретая во время дня, передает окружающему ее воздуху.

В странах тропических эти перемены в течение года нечувствительны, потому что солнце, хотя в разные времена года и направляет лучи свои более или менее косвенно, но не настолько, чтоб перемена температуры могла приметно действовать на растительную силу природы. Оттого в жарком поясе вечно царствует лето.

Притом, так как земля имеет поверхность негладкую и, следовательно, менее имеет отражательной силы, нежели вода, а, может быть, и по особенному свойству этих двух веществ, она скорее способна нагреваться и простывать, то на берегах обширных земель и островов более приметны перемены температуры в продолжение года и суток, нежели в открытом море. К влиянию этих причин надобно прибавить также и действие испарения вод в присутствии солнечных лучей.

Таким образом, во время пребывания нашего на острове Teneriffe разность полуденной и полуночной температур воздуха на шлюпе «Востоке» доходила до 4° Реомюра. А когда мы вышли из порта св. Креста Tenerифского в открытое море, то эта разность колебалась от 0° до 1° Реомюра. Средняя разность наименьшей и наибольшей суточной температуры, взятых из пяти наблюдений, сделанных мною в Матавайской бухте во время пятидневного нашего там пребывания на острове Таити в 1820 году, была $5,5^{\circ}$ Реомюра*.

* На этом текст рукописи обрывается. — *Ред.*

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие. А. И. Соловьев	3
Л. С. Берг. Русские открытия в Антарктике и современный интерес к ней	7
Резолюция общего собрания Географического общества Союза ССР	17
Письмо М. П. Лазарева А. А. Шестакову (описание плавания шлюпов «Восток» и «Мирный» в 1819—1821 гг.)	19
И. М. Симонов. Слово о успехах плавания шлюпов «Восток» и «Мирный» около света и особенно в Южном Ледовитом море в 1819, 1820 и 1821 гг., произнесенное в торжественном собрании Казанского университета июля 7 дня 1822 г.	29
И. М. Симонов. Шлюпы «Восток» и «Мирный» или плавание россиян в Южном Ледовитом океане и около света	49
Памятник принадлежит матрозу первой статьи Егору Киселеву, находившемуся в дальнем вояже на шлюпе «Восток» под командой капитана 2-го ранга Беллинсгаузена в 1819, 1820 и 1821 годах	177
П. М. Новосильский. Южный полюс. Из записок бывшего морского офицера	189
Комментарии и примечания	284
Словарь морских терминов	305

Редактор **А. Н. Воронцова.**
 Оформ. худож. **А. И. Щербакова.**

Худож. ред. **В. В. Осокин.**
 Техн. редактор **Д. А. Глейх.**

Т 06772. Сдано в пр-во 2/1—51 г. Подписано к печати 13/IX—51 г.
 Формат 60×92¹/₁₆. Бум. листов 10¹/₁₆. Тираж 25 000 экз. Печат. л. 19,5 +
 + ⁵/₈ п. л. вкл. Издательских листов 20,1. Зак. 790. Цена 7 р. Переплет 1 р.

Набрано в 1-й тип. Профиздата. Москва, Крутицкий вал, 18. Отпечатано
 в 3-й типографии «Красный пролетарий» Главполиграфиздата при Совете
 Министров СССР. Москва, Краснопролетарская, 16.

Карта плавания экспедиции Беллинсгаузен — Лазарев.